

**Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина**

**ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ
И РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

Выпуск 6

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**Под редакцией доцента С. И. Алаторцева,
доцента Е. В. Малышевой,
профессора Н. Л. Шадрина (науч. ред.)**

Санкт-Петербург
2011

УДК 811.11+811.13

ББК 80

Рецензенты: **О. Е. Филимонова**, доктор филологических наук,
профессор (Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена);

И. Г. Серова, кандидат филологических наук, доцент
(Ленинградский государственный университет имени
А.С. Пушкина)

Вопросы германской и романской филологии. Ученые записки:
сб. ст. / под ред. доц. С.И. Алаторцева, доц. Е.В. Малышевой, проф.
Н.Л. Шадрина (науч. ред.) – Вып. 6. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011.
– 156 с.

ISBN

Тематика статей, вошедших в данный сборник, охватывает широкий круг проблем в области общего языкознания, стилистики, лексикологии и фразеологии, грамматики, теории и практики перевода, литературоведения и методики преподавания иностранных языков.

Сборник статей предназначен для специалистов-филологов, переводчиков, а также для читателей, интересующихся различными вопросами и романской филологии. Сборник также поможет начинающим исследователям – аспирантам и студентам – сориентироваться в новых направлениях современной науки о языке.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина*

ISBN

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2011

Содержание

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

М. К. Кабакчи

К проблеме переводческих трансформаций как способа сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала.....5

Н. Л. Шадрин

Об идентификации контекстуально-преобразованных фразеологических единиц при переводе.....9

СЕМАНТИКА. СТИЛИСТИКА. ПРАГМАТИКА

И. Е. Езан

Основные этапы развития немецкой политической лингвистики.....15

И. Е. Езан, Е. С. Добрынина

Жанровое своеобразие и композиционная организация текстов политической рекламы в прессе.....21

Е.А. Журавлева

Языковая репрезентация категории интертекстуальности в политических мемуарах (на материале мемуаров Б. Клинтона “My life”) 27

Е. В. Комаров

Метафорическая репрезентация концепта JOY в современном английском языке 32

А. С. Румянцева

К вопросу о семантической структуре слова.....38

А. А. Самохина

Реализация прагматического и стилистического потенциала прозрачного необъясненного термина в художественных текстах медицинской тематики 45

Ю. В. Сергаева

Виды творчества и проблема их иерархии 52

Т. А. Сибаева

К истории изучения метафор. Метафорический образ Америки в современной британской рок-поэзии.....57

С. И. Потапенко

Семантика определенности в английском языке: лингвокогнитивный ракурс 64

М. Г. Цуцьева

Коммуникативно-прагматические аспекты политического дискурса.....71

ГРАММАТИКА

О. В. Белоног

Особенности употребления пассивных конструкций в современных немецких научных текстах 77

О. А. Березина

К вопросу об актуализации оценочного значения в рамках категории безличности.....81

Е. А. Листраткина

Грамматические средства выражения дуративного и стального оттенков длительного способа действия.....85

И. А. Солодилова

К вопросу о статусе оценочных предикатов 92

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

С. И. Алаторцев

Роль словообразования в ассимиляции англо-американских заимствований
в современном немецком языке (в сфере экономики и финансов) 99

Г. Р. Андреева

Политические клише и штампы в современном английском языке 105

Н. К. Антонова

Слово и сферы его употребления (на материале французского языка) 109

Е.А. Денисова

Лексические особенности диалектов Scots..... 114

Е. А. Ковтунова, Е. С. Лаптиева

Метафора в немецкой автомобильной терминологии 117

Л. В. Коцюбинская

Фразеологические синонимы тематической группы

"Межличностные отношения" (на примере английского языка) 123

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Е. В. Малышева

К вопросу о реализации категории эмотивности в антиутопии 128

Н. П. Милованович

Эдвард Карпентер – английский единомышленник и последователь Толстого

(к 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого) 133

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Н. Н. Жувикина, И. В. Феоктистова

Формирование лингвистической компетенции через использование идиом 138

Т. Л. Лебедева

Методические рекомендации по обучению разностороннему чтению

на втором иностранном языке (французском)..... 142

Г.И. Перельман, И.А. Семихина

Ролевые игры по экологии как средство интенсификации обучения

устному иноязычному общению 146

Сведения об авторах 153

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

М. К. Кабакчи

К проблеме переводческих трансформаций как способа сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала

Рассматривая лексические и грамматические трансформации как способ сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала на примере автоперевода романа В. Набокова «Лолита», П.С. Мельник отмечает, что использование лексических и грамматических трансформаций, как правило, «обусловлено тремя основными причинами: нормативными, художественно-стилистическими и индивидуально-переводческими (индивидуально-авторскими, если автор и переводчик – одно лицо)» [Мельник, 2001: 72].

Иначе обстоит дело с языковыми единицами, которые могут выражать различные значения в зависимости от контекста, ситуации и подтекста (скрытого намерения или установки участников коммуникации): такие единицы требуют особых приемов при переводе. Однако во всех таких случаях переводчик прибегает к переводческим трансформациям.

Согласно классификации переводческих трансформаций, лексико-семантические преобразования могут быть следующими: сужение, расширение, описание, комментарий, модуляция, опущение, добавление, функциональная замена, эмфатизация и нейтрализация. В настоящей статье мы коротко остановимся на четырех видах лексических трансформаций, а именно: сужении, расширении, описании и комментарии.

Обратимся, прежде всего, к приему сужения, или конкретизации исходного значения, который широко применяется В. Набоковым в автопереводе романа:

My father was a gentle easy going person, a salad of racial genes... – Мой отец отличался мягкостью сердца, легкостью нрава – и целым винегретом из генов...

В данном примере сужение необходимо, так как если для англоязычного читателя *salad* – 'a mixture of food' (Cambridge International Dictionary of English), то для русскоязычного читателя в поле концепта «салат» входит не только представление о смеси неких ингредиентов, но и салат как овощ, что мешает созданию аналогичной с английским языком ассоциации, тогда как слово «винегрет» ассоциируется именно со смесью большого числа составляющих, из чего и рождается переносное значение слова.

Еще пример сужения, продиктованного необходимостью:

At night, tall tracks studded with coloured lights, like dreadful giant Christmas trees, loomed in the darkness and thundered by the belated little sedan. – По ночам высокие грузовики, усыпанные разноцветными огнями, как страшные и гигантские рождественские елки, поднимались из мрака и громыхали мимо нашего запоздалого седанчика.

Cambridge International Dictionary of English определяет Christmas tree как «a decorated fir tree». В свою очередь Новый Большой Англо-русский Словарь дает следующий перевод слова fir – «хвойное дерево, пихта, ель», из чего можно сделать вывод, что «Рождественское дерево» в американской культуре – это не обязательно елка, в отличие от русской традиции.

Следующий случай сужения можно отнести к разряду индивидуально-авторских, так как он не обоснован ни с точки зрения объективной необходимости, ни с точки зрения стилистики. Однако главный герой произведения не просто любит очаровательным ребенком – он любит нимфеткой, т.е. девочкой, что подразумевается в тексте оригинала, однако английское girl – слово широкой семантики – может обозначать и девочку, и девушку, и даже молодую женщину (Новый Большой Англо-русский Словарь). Поэтому в оригинале автор использует слово child, а не girl:

... she was a lovely child... – ... это была обаятельная девочка...

Как видно из приведенных выше примеров, с одной стороны, для английского языка более характерно использование слов широкой семантики, и если при переводе на русский язык не прибегать к сужению, то художественное произведение может утратить свою художественно-стилистическую привлекательность (своеобразие), стать «безликим». С другой стороны, подобные расхождения – свидетельство расхождений в «традиции словоупотребления» [Казакова, 2001: 77], что и демонстрирует автор-билингв, в таких случаях для сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала сужение также необходимо.

Другой прием лексических трансформаций, расширение (генерализация) исходного значения, имеет место в тех случаях, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы выше меры упорядоченности соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке:

I attended an English day school a few miles from home... – Я учился в английской школе, находившейся в нескольких километрах от дома...

При переводе названий учебных заведений в условиях различных образовательных традиций в разных странах возникают довольно сложные проблемы. Так, в американской учебной традиции существуют школы без пансиона, для проходящих учащихся (day-school) и школы с пансионом (boarding school). Однако, несмотря на то, что в рамках русской образовательной традиции также существовало подобное разделение, английскому day-school соответствует слово с более широкой семантикой – «школа».

В следующем примере расширение объективно необходимо: словом snapshot американцы называют моментальное фото, сделанное на любительскую камеру. Таким образом, в русском языке не существует точного эквивалента, при этом использование описания в данном случае «утяжелило» бы перевод:

... there was a snapshot taken by my aunt ... – ... была сделанная моей теткой фотография ...

Отметим также, что сопоставительный анализ романа и его автоперевода показывает, что прием расширения используется почти вдвое реже, чем прием сужения. Это объясняется тем, что в английском языке количество слов с широкой семантикой выше, чем в русском языке [Казакова, 2001: 112].

Когда ни один из словесных приемов подбора лексической единицы не удовлетворяет ситуации, Набоков прибегает к описанию. Описательный перевод, как правило, используется при переводе терминов, уникальных объектов и так далее:

She was Lola in slacks. – Она была Лола в длинных штанах. (Новый Большой Англо-русский Словарь дает следующий перевод: «слаксы, широкие мужские штаны»).

... and jeer at a lovely leggy young thing who had arrived clad in red shorts instead of those jeans and slacks. – ... и измывались над прелестной, долголягой красоточкой, явившейся в красных трусиках вместо длинных синих штанов.

(Новый Большой Англо-русский Словарь дает следующий перевод: «джинсы, хлопчатобумажные штаны»).

Тот факт, что автор не пользуется транскрипцией, а предпочитает описательный перевод объясняется, вероятно, тем, что Набоков, проживавший на момент создания автоперевода «Лолиты» долгое время за пределами России, не мог знать о том, существуют ли в русском языке эквиваленты данных лексических единиц, используемых для номинации специфических реалий американской культуры. С другой стороны, описательному переводу подвергаются лексические единицы,

использующиеся для номинации реалий американской культуры, так что отсутствие перевода помешало бы полному пониманию со стороны русскоязычного читателя, а это нарушило бы художественно-эстетическое равновесие оригинала и перевода.

Комментарий часто попадает либо в сноску на той же странице, либо приводится в конце текста в качестве примечания. Комментарий как переводческий прием заключается в более подробном, чем описание, объяснении того, что означает данное исходное слово в широком контексте исходной культуры:

... I played rackets and fives... – ...я играл в «ракетe» и «файве» (ударяя мяч об стену ракеткой или ладонью)...

Так, в отличие от описания, комментарий сопровождается транскрипцией слова. Использование данного приема позволяет сохранить «налет иностранности» [Казакова, 2001: 87], эстетику оригинала, атмосферу иной культуры. Набоков прибегает к комментарию, когда описываемые факты американского быта и американской культуры, несущие в тексте важную смысловую нагрузку и часто являющиеся основой языковой игры, требуют пояснения русскому читателю. Без этого невозможно адекватное понимание русскоязычным читателем авторского замысла, и, следовательно, полноценное эстетическое восприятие текста.

Таким образом, опираясь на приведенные примеры, можно проиллюстрировать три основные причины использования лексических трансформаций. Во-первых, нормативные причины, когда трансформация объективно необходима ввиду невозможности подобрать при переводе эквивалент культурониму, термину и так далее, т. е. наличие лакуны в ПЯ. Нормативными причинами вызвано, например, описание и комментарий. Во-вторых, художественно-стилистические причины, когда использование трансформаций позволяет автору сохранить полноценность перевода на уровне эмоционально-эстетического восприятия. Данной причиной вызваны в большинстве случаев такие лексико-синтаксические трансформации, как сужение и расширение. И, наконец, индивидуально-авторские причины, когда трансформация не является объективно необходимой, но при этом ее использование не нарушает художественно-эстетического равновесия оригинала и перевода.

Список литературы

1. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб., 2001.
2. Мельник П.С. К вопросу о грамматических трансформациях при переводе. – М., 2001.

Об идентификации контекстуально-преобразованных фразеологических единиц при переводе

В переводческой практике и при анализе перевода возникает естественная необходимость выделить окказионально-преобразованные ФЕ (фразеологические единицы) из литературного контекста. Такое выделение можно назвать их идентификацией (распознаванием). Идентифицировать преобразованный фразеологизм – значит установить как сам факт преобразования, так и узкую исходную форму единицы, послужившей для него основой, а также выявить примененный в данном конкретном случае способ или прием преобразования. Эта операция нередко оказывается весьма затруднительной, поскольку преобразованную единицу приходится отграничивать, с одной стороны, от ее традиционных, закрепившихся в языке разновидностей (вариантов) и, с другой, от переменных словосочетаний и предложений, созданных автором произведения.

Прежде всего следует убедиться, что встреченное в тексте сочетание слов входит в состав фразеологических оборотов языка, а не является индивидуально-авторским образованием. Это важно, потому что отличить ФЕ от индивидуальных образований иногда бывает очень трудно, ибо «индивидуальные образования внешне часто ничем не отличаются от фразеологических единиц» [Кунин, 1964: 338–339]. Фразеологичность рассматриваемой словесной группы обычно устанавливается с помощью лексикографических источников (при обнаружении в них инвариантных лексических и семантических элементов). Если идентифицируемое сочетание слов в лексикографических источниках не отражено, то его можно считать фразеологизмом лишь при условии, что оно встречается в текстах нескольких авторов.

Убедившись во фразеологической природе сочетания, необходимо выяснить, имеем ли мы дело с его традиционной языковой формой или же с ее окказиональным видоизменением. Для этого контекстуальную форму сопоставляют с формой, зафиксированной лексикографически. Такое сопоставление позволяет удостовериться в наличии или, наоборот, отсутствии преобразования и, в первом случае, выявить способ его осуществления.

В процессе идентификации особого внимания требует отграничение контекстуально-преобразованных ФЕ от их традиционных вариантных форм. Здесь мы сталкиваемся с одной из сложнейших проблем теории фразеологии – проблемой тождества фразеологических единиц, т.е. проблемой дифференциации устойчивого и переменного словесного комплекса, проблемой выявления вариантных и синонимических различий между внешне сходными формами. Первостепенное значение для этой проблемы имеет вопрос о фразеологической вариантности и синонимии.

Надо прежде всего заметить, что фразеологическая синонимия – понятие более широкое, чем фразеологическая вариантность: все языковые варианты фразеологизма абсолютно синонимичны друг другу, тогда как синонимы отнюдь не всегда равнозначны и взаимозаменяемы подобно вариантам.

Фразеологические единицы бывают как вариантные, так и безвариантные. Точно так же фразеологизм может быть элементом синонимического ряда, но может и не иметь ни одного синонима. Непосредственной связи между синонимией и вариантностью в сфере фразеологии не существует, т.е. отношения синонимии возникают независимо от того, имеются или нет у какого-нибудь из членов синонимического ряда языковые варианты. Нужно лишь не забывать, что фразеологические варианты – это разновидности одной ФЕ, в то время как фразеологические синонимы – это самостоятельные языковые единицы. При этом в структуре всех вариантов ФЕ обязательно наличие лексического инварианта, то есть «по меньшей мере одного неизменного знаменательного слова» [Кунин, 1964: 344].

Провести четкое разграничение фразеологических вариантов и синонимов нередко бывает весьма затруднительно, особенно в условиях контекстуального преобразования исходной единицы. Если она представлена в языке несколькими вариантами, то совершенно несущественно, с которым именно из них производится идентификация, поскольку все варианты равноценны и в семантическом, и в стилистическом отношении. Сталкиваясь же с явлением фразеологической синонимии, требуется точная идентификация контекстуальной формы с конкретным исходным синонимом, потому что здесь важны различные семантические и стилистические нюансы, которые переводчику предстоит учесть и воссоздать в своем тексте.

Идентификация индивидуально-видоизмененных оборотов означает их отграничение не только от фразеологических вариантов и синонимов, но и от отдельных единиц, возникших в результате действия процессов фразеологической деривации, которые зачастую приводят к образованию новых ФЕ. Эти процессы могут носить двойной характер: с одной стороны, новая единица появляется в результате добавления факультативных компонентов к ее первоначальной форме, что приводит к закреплению в языке обеих форм в качестве количественных вариантов. Например, именно таким путем идиома *all my eye!* приобрела впоследствии более распространенный вариант *all my eye and Betty Martin!* [Collins, 1958: 30].

С другой стороны, процесс деривации может заключаться в закреплении различных эллиптических форм многокомпонентных ФЕ в качестве самостоятельных фразеологических оборотов. Возникновение таких вторичных вариантов является обычно конечным результатом частого употребления фразеологизма в усеченном виде для усиления его экспрессивности. Именно поэтому, например, глагольные обороты *to cut the Gordian knot* и *to cut the knot* можно считать количественными вариантами одной ФЕ, в то время как выделившийся подобным же образом субстантивный оборот *the Gordian knot* таким вариантом не стал, поскольку развил свое собственное значение и приобрел иную категориальную отнесенность.

Обособление фрагментов многокомпонентных ФЕ может происходить из оборотов разных структурно-семантических разрядов, но особенно продуктивным является формирование новых фразеологизмов из «части существующих и широкоупотребительных пословиц» [Амосова, 1965: 101].

Такой способ образования фразеологических оборотов из уже существующих отнюдь не является специфической особенностью английского языка, он присущ также фразеобразованию русского и других языков. Например, в области русской фразеологии отмечается, что «целый ряд поговорок происходит от пословиц, представляя собой их часть или обломок...» [Бабкин, 1964: 27]. К этому следует добавить, что из пословиц могут возникать, помимо поговорочных речений, и фразеологизмы других структурно-семантических типов, например, глагольные или субстантивные. Так, из русской пословицы «старого воробья на мякине не проведешь» выделились два новых устойчивых словосочетания – субстантивное «старый воробей» и глагольное «провести на мякине». Аналогичным примером в английском языке может служить пословица *there is no use crying over spilt milk*, из которой выделились четыре

самостоятельных фразеологических оборота – глагольные *to cry over spilt milk* и *to spill the milk*, субстантивный *spilt milk* и поговорка *the milk is spilled*.

По своему компонентному составу и синтаксической структуре такие обороты могут быть приняты за окказионально-редуцированные или эллиптические формы тех пословиц, из которых они возникли. В подобных случаях перед переводчиком встает необходимость идентификации, то-есть уяснения того, является ли данное словосочетание окказиональным фрагментом полносоставной пословицы или же отдельной фразеологической единицей. Это можно показать на примере выражений *the last straw* и *a rolling stone*, этимологически восходящих соответственно к пословицам *it is the last straw that breaks the camel's back* и *a rolling stone gathers no moss*. Первое из этих выражений употреблено Дж.Голсуорси в романе «В петле» («*In Chancery*»):

“<....> you are a thief and a blackguard.” It had been the last straw on a sorely-loaded consciousness; reaching up from his chair Dartie seized his wife's arm and <...> twisted it.

Словосочетание *the last straw* в данном случае должно идентифицироваться как самостоятельная фразеологическая единица с узуальным значением «последняя капля (переполнившая чашу)». В русском языке имеется ФЕ «последняя капля», вполне аналогичная английской по всем семантическим и стилистическим показателям и потому могущая служить ее бесспорным переводческим эквивалентом.

В романе того же автора «Девушка ждет» («*Maid in Waiting*») рассматриваемое словосочетание употреблено следующим образом:

Hilary grimaced. “With your knowledge of Scripture, Dinny, you might have remembered the camel and the last straw”.

Здесь оно не является самостоятельным фразеологизмом, о чем свидетельствуют такие контекстуальные показатели, как семантический, роль которого исполняет общее содержание приведенного отрывка, и формальный, которым служит слово *the camel*, входящее на правах лексического компонента, как и разбираемое словосочетание, в более обширное фразеологическое целое, каковым оказывается пословица *it is the last straw that breaks the camel's back*. С учетом этого факта словесная группа *the camel and the last straw* в данном случае идентифицируется как индивидуально-авторское преобразование упомянутой пословицы, произведенное в виде редукции ее компонентного состава.

Другое из анализируемых нами выражений – a rolling stone – употреблено Дж. Голсуорси в романе «Пустыня в цвету» («Flowering Wilderness»):

“There’s no doubt in my mind that that young man made up to Fleur a year or two after her marriage. That’s what started him as a rolling stone”.

Словосочетание a rolling stone выступает здесь в качестве отдельного фразеологического оборота, а не части пословицы a rolling stone gathers no moss, на что указывает общий смысл приведенного отрывка: оно имеет собственное значение («бродяга, перекаати-поле») и почти полностью потеряло семантическую связь с исходной пословицей, которая выражает ту мысль, что человек, часто меняющий место жительства, не может обрасти добром. Ясно, что эта идея неприложима к образу Уилфрида Дезерта, покинувшего Англию, чтобы развеять свою безответную любовь к Флер.

Но вот как это же словосочетание использовано Ч.Диккенсом в романе «Домби и сын»:

“... never never will I go away again Miss Floy for though I may not gather moss I’m not a rolling stone nor is my heart a stone or else it wouldn’t bust as it is busting now...”

Здесь оно фигурирует уже не в качестве самостоятельного фразеологизма, а в качестве фрагмента исходной пословицы, подвергшейся окказиональному преобразованию. Об этом говорит, во-первых, присутствие в нем словосочетания gather moss, также являющегося фрагментом данной пословицы, и, во-вторых, семантическое противопоставление этого фрагмента сочетанию слов a rolling stone, которое было бы стилистически неоправданным, если бы не указывало на исходную пословицу, общую для обоих фрагментов.

Как показывают эти и подобные им примеры, отграничение окказионально редуцированных фразеологических единиц от омонимичных им самостоятельных оборотов осуществляется при помощи специальных словарей и справочников, опираясь на обязательный анализ конкретной речевой ситуации. Непременным условием правильности проведенной идентификации является в таких случаях наличие смысловых и формальных показателей принадлежности данного сочетания слов к многокомпонентной фразеологической единице, причем смысловые показатели обнаруживаются в окружающем контексте, а формальным показателем служит присутствие одного или более слов, входящих, наряду с идентифицируемым исходным оборотом, в состав общего для них обоих фразеологизма.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. О диахроническом анализе фразеологических единиц // Исследования по английской фразеологии. Сб. 3. – Л., 1965. – С.101–106.
2. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л., 1964.
3. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.
4. Collins V. H. A Book of English Idioms with Explanations. – L.–N.-Y.–Toronto, 1958.

Основные этапы развития немецкой политической лингвистики

В сфере языкознания рассмотрение языка и речи в политике является относительно молодой областью исследований. Лингвистический анализ политической коммуникации, публичной речи, начиная с пятидесятых годов, с особой интенсивностью происходит на территории немецкоязычных стран, хотя по отдельным частным лингвистическим дисциплинам первенство принадлежит исследователям из Великобритании и американским ученым.

Для анализа убеждающей речи (*persuasive Rede*) традиционно используются методы риторики. Риторика как старейшая дисциплина, которая занимается политической коммуникацией, в частности, публичной политической речью, большей частью имеет выраженное прескриптивное направление. Это положение изменилось с конца 80-х годов, в первую очередь, в связи с универсально-прагматическими категориями Ю. Хабермаса [Habermas, 1971, 1981], а также благодаря дальнейшему развитию понятийного аппарата, который был уже разработан риторикой и теорией аргументации. Рассмотрим ряд концепций релевантных для исследования политических речей: *теорию конкуренции* [Stötzel, 1980], *полиадресантности* [Kühn, 1992; 1995] и *интертекстуальности* [Klein, 1995]. Основные тенденции в политическом словоупотреблении лежат в сфере *конкуренции* значений понятия (*Bedeutungskonkurrenz*) и обозначения (*Bezeichnungskonkurrenz*) (J. Klein [1989]). В первом случае, например, слово «солидарность» может быть использовано в социалистическом контексте с признаками «классовая принадлежность» и «борьба», а в несоциалистическом контексте без данных признаков. Во втором случае, если в предвыборной кампании об одних и тех же мероприятиях с одной стороны говорится как о «перестройке», то с другой о «ликвидации» социалистического государства. Каждая сторона надеется на то, что избиратели соответственно их ожиданиям воспримут то или иное утверждение. Именно эти формы конкуренции и являются важнейшими формами так называемой «семантической борьбы».

Термин «*полиадресация*» предполагает собой тот факт, что политик почти никогда не обращается к гомогенной аудитории. Очень часто «типичный язык политики» подвергается критике, но это можно объяснить стремлением учитывать различные гипотезы о возможной реакции аудитории [Bergsdorf, 1985; Klein, 1995].

При обращении к концепции *интертекстуальности* нужно учитывать тот факт, что политические тексты никогда не рассматриваются как изолированное целое, а всегда имеют имплицитное или эксплицитное отношение к другим текстам, например, в СМИ, без чего они не могут быть правильно истолкованы. Именно в политической коммуникации тексты играют огромную роль, их тип текста частично или полностью определяется отношением к другим типам текстов, например, в рамках законотворческого процесса или в предвыборной кампании [Klein, 1991].

В политических репортажах *интертекстуальность* встречается в форме «переформулировки» (Reformulieren), когда происходит (селективное) восприятие, цитирование, обобщение, комментирование политического публичного выступления или письменных текстов [Steyer, 1994; 1996].

Введение понятия *интертекстуальности* в лингвистическое исследование языка политики соответствует в 90-е годы все более частому обращению к характеру значимости языковых единиц внутри закрытых и свободных (открытых) образований. На уровне слова – это фреймы, т. е. группа лексем, связанных между собой смыслом [Fraas, 1996], на уровне речевых актов – это аргументативные цепочки (Argumentationsnetze) [Klein, 1995]. Понятием, объединяющим все структурные уровни (единицы) от слова к тексту, является дискурс.

Языковые данные рассматриваются во многих работах как индикаторы политической системы. Это находит свое отражение в исследованиях по языку национал – социализма (на базе современных лингвистических методов: U. Maas [1984], K. Ehlich [1989] и политической речи в ГДР (общий обзор представлен в работе X. Д. Шлоссера [Schlosser, 1990]).

Язык устных политических выступлений, в особенности его словарный состав, как выражение определенной идеологии, был исследован не только по отношению к тоталитарным режимам, обоснованным системой идеологий национал-социализма и коммунизма, но также в контексте немецкой политической истории XIX и XX веков

(W. Dieckmann [1964], H. Grünert [1974, 1984], D. Nunn [1974], E. Straßner [1987]) и, прежде всего, как «язык идеологии» и «язык мнения» партий и политических течений ФРГ.

Наряду с работами, которые разделяют процесс развития языка политических выступлений на несколько фаз (W. Bergsdorf [1983], J. Klein [1989], H. Steger [1989]) или исследуют определенные фазы (Th. Niehr [1993], H.D. Schlosser [1995]), имеются исследования ключевых понятий отдельных партий, политических течений (J. Bolten [1989], F. Liedtke [1989]) и их стереотипов (A. Svenson [1984]). Наиболее часто анализ осуществляется в рамках сигникативных коммуникативных связей или типов текста, таких как политические программы (F. Hermanns [1989; 1991], P. Ballnuß [1996]), дебаты в Бундестаге (H. Berschin [1984]) и новогодние телевизионные обращения политиков (W. Holly [1996]).

Некоторые из указанных выше работ, а также отдельные лингвистические теоретические исследования языка политики (W. Wülfing [1980]; H. Diekmannshenke [1994]) тесно связаны с исследованием лозунговых слов, которое возникло в начале XX века (Th. Ickler [1990], M. Kaempfert [1990], Fr. Hermanns [1994]). Следует упомянуть и вклад некоторых лингвистов ГДР (R. Freitag [1974]), хотя их вклад в исследования в этой области незначителен. Тема языка и политики рассматривалась с точки зрения партийной или классовой пропаганды (G. Klaus [1971], W. Bahner [1982]). После политических изменений 1989 года учеными экс-ГДР было написано большое количество работ касательно языка переломного момента развития ФРГ и ГДР и активно изучались коммуникативно-языковые следствия немецкого объединения. В немецкой лингвистике данная тематика стала объектом пристального внимания исследователей языка политики. В последние годы существования ГДР интерес исследователей ограничивался противостоянием Востока и Запада в плане исследования лексики, стиля и типов текста в сфере политики. Впоследствии сфера приложения исследовательского интереса расширилась за счет рассмотрения разговорной речи, языкового поведения граждан экс-ГДР в нетипичных для них коммуникативных ситуациях, анализа СМИ, языкового общения западных и восточных немцев, а также языковых аспектов таких концептов как «немецкий», «нация», «идентичность». Сорок лет существования двух немецких государств оставили значительный след во многих сферах, особенно на уровне языка идеологии и языка

общественных институтов. В меньшей мере это оказало влияние на повседневную коммуникацию. Из множества публикаций приведем наиболее важные монографии W. Oschlies [1990], M. de Groot [1992], C. Fraas [1996], K. Steyer [1996], журнальные публикации H.D. Schlosser [1990], U. Fix [1990], M. Hellmann [1990], P. Polenz [1993], R. Hopfer [1994], I. Kühn [1995], собрания сочинений A. Burkhardt, K. Peter Fritzsche [1992], G. Lerchner [1992], K. Welke, Ch. Sauer, H. Glück [1992], R. Reiher, R. Läger [1994; 1996], собрания текстов E. Lang [1990], R. Reiher [1995].

Интерес для исследователей представляют языковые и текстовые отношения в языке политических институтов. В первую очередь рассматриваются парламентские речи (J. Volmert [1989], G. Kalivoda [1986]) и дебаты (W. Dieckmann [1984], J. Klein [1991], A. Burkhardt [1998]), а также типы текста в законодательном процессе (J. Klein [1991]), исторические уставы предприятий (W. Holly [1982]). Меньшее количество работ представлено в сфере исследования специальной лексики политических институтов (N. Schumacher [1976], J. Klein [1989: 4-11]) и по внутриинституциональным процессам коммуникации, где важными являются не только формальные события (J. Born, W. Schütte [1996]), но и неофициальные (W. Holly [1990]). О том, какие языковые условия определяются системой демократического управления для коммуникативного участия в политических информационных процессах и процессах консультирования, пишут X. Рупп [Rupp, 1978] и Й. Кляйн [Klein, 1996].

Процессы политической коммуникации находят свое выражение в языковой форме. Наряду с идеологичностью, неотъемлемым признаком использования языка в политике является стратегический характер речевого высказывания. В настоящее время нет ни одного исследования речи политиков и политических партий, которое бы не обращалось к стратегическому аспекту. В некоторых работах этот аспект выдвигается на первый план. При этом, наряду с классическими риторическими стратегиями, как эвфемизм и метафора, интерес ученых привлекает стратегия подмены понятий (J. Klein [1989], F. Kuhn [1991], F. Liedtke, M. Wengeler, K. Böke [1991]), стратегическое использование неопределенности и многозначности (W. Bergsdorf [1985], W. Teubert [1989]), обращение к языку национал-социализма (G. Stötzel [1989]) и стратегические теории ведения телевизионного диалога (W. Holly, P. Kühn, U. Püschel [1986]).

Лингвистический интерес к предвыборной борьбе партий вызвала, прежде всего, предвыборная борьба в Бундестаге (G. Müller [1978], M. Toman-Banke [1996]); европейские выборы (W. Holly [1991], H. Diekmannshenke [1996]); отражение предвыборной борьбы в СМИ, особенно по телевидению (W. Gast, K. Jacoby, M. Wachtel [1982], M. Wachtel [1988], U. Köpf [1989], J. Klein [1990], E. Eggs [1991]) и последствия характера кампаний для структуры предвыборных текстов политических речей (J. Klein [1991]).

При исследовании немецкой политической коммуникации понятию адресации, взаимоотношению партнеров по коммуникации уделяли внимание многие немецкие лингвисты, в частности, H. Schelsky [1975], S. Sager [1981], W. Dieckmann [1985], G. Presch [1989], Y. Petter-Zimmer [1990], J. Klein, P. Kühn [1992, 1995], W. Daele [1996], W. Holly [1990, 199], A. Burkhardt [1998], J. Klein, M. Hartung [2001], M. Schröter [2006]). В сферу исследовательского интереса попали и отдельные политические речи. Например, интересной является работа немецкого лингвиста М. Шретер, в которой она подробно анализирует 114 речей федеральных канцлеров Германии в период с 1951 по 2001 год. Центральной темой этого многоаспектного исследования является влияние фактора адресата на структуру и содержание текста публичного выступления политиков высокого ранга.

Исследование политических речей внесло лишь небольшой вклад в тематику «политической корректности» как яркого практического выражения языковой критики [Frank, 1996]. В лингвистической дискуссии на тему насилия имеются две противоположные точки зрения. С одной стороны, язык может служить средством для подготовки к использованию насилия и насильственных методов (F. Hermanns [1996]), а с другой стороны, язык сам может иметь насильственный характер (R. Zimmermann [1996]).

Интерес лингвистов к использованию языка внутри отдельных сфер политики всегда имел более или менее тесную связь с общественным интересом к данной тематике. Таким образом, последствия политической дискуссии о разоружении и гонке вооружений НАТО стали темой для ряда исследований по этой теме (F. Pasibiersky [1983], A. Burkhardt, Fr. Hebel, R. Hoberg [1989], M. Wengeler [1992]).

В 90-е годы стала актуальной тема миграции и предоставления политического убежища. В этой области представлены работы в основном аналитического направления, которые предлагают читателям

самостоятельно делать выводы из имеющихся исследований текстов СМИ, разговорной речи и текстов политиков (J. Klein [1994], M. Wengeler [1995], R. Breuer-Al Shomali [1997], I. Meißner [1997]).

Во многих работах рассматривается понятие расизма с точки зрения партийных позиций (T. van Dijk [1991], S. Jäger [1992], B. Matouschek, R. Wodak, F. Januschek [1995]), в некоторых лингвистических исследованиях внимание уделяется языку антисемитизма в Австрии (R. Wodak [1990]). Частично они пересекаются с исследованиями праворадикального языка и текстов (R. Bachem [1993], S. Jäger [1996]).

В этом же контексте рассматриваются речи «республиканцев» (B. Schelenz [1992], Th. Niehr [1996]) и правоориентированных политиков во многих европейских странах (E. Eggs [1993], F. Januschek [1993], V. Winogradowa [1996]). Некоторые исследования политической речи посвящены комплексу тем терроризма (A. Musolff [1995]). Политические скандалы рассматриваются лингвистами с точки зрения семиотики (M. Hanke, J. Loenhoff [1989]) и с точки зрения прагматики (E. Straßner [1992], V. Matthies [1993]).

Язык экономики и социальной политики до начала 90-х годов рассматривался только в тесной связи с идеологией. В настоящее время он тематизирован М. Венгелером [Wengeler, 1994, 1995] как современный раздел исследования дискурса.

Очень глубоко исследованы дискуссии о защите окружающей среды и энергетическом кризисе. Здесь лингвисты могли в полной мере применить теоретически и методически выверенный исследовательский инструментарий (H. Gründler [1977], U. Haß [1989], M. Jung [1994]). В контексте этой тематики появились труды по языку «альтернативных движений» и исследования языка партии «зеленых» на раннем этапе их возникновения (F. Kuhn [1983], H. Berschin [1984], H.D. Schlosser [1986]).

В рамках движения феминизма имеется два направления исследовательской деятельности: конфликты относительно правовой позиции женщины (K. Böke [1991, 1995]) и критика тенденций ущемления интересов женщин в немецком языке и в определенных речевых образцах (S. Trömel-Plötz [1978], H. Gorny [1995]).

Большой интерес для ученых-лингвистов стала представлять в 90-е годы европейская политика (P.H. Nelde [1980], H. Naarmann [1987], R. Bachem, K. Battke [1991], Ch. Schäffner [1993, 1996], H. Dieckmannshenke [1996], C. Hagege [1996]).

Если обобщить все вышесказанное, то большая часть исследований языка политики может быть разделена на три группы: применение языка и его значимость в политической системе, в политическом процессе и в определенных политических сферах. При этом имеют место пересечение и взаимовлияние этих областей исследования друг на друга.

Список литературы

1. Езан И.Е. Оценка в публичной речи (на материале выступлений современных немецких политиков). – СПб., 2004.
2. Bergsdorf W. Über die Schwierigkeiten des politischen Sprechens in der Demokratie // Wimmer R. (Hrsg.): Sprachkultur. Jahrbuch 1984 des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf, 1985. – S. 184–195.
3. Klein J. Asyl-Diskurs, Konflikte und Blockaden in Politik, Medien und Alltagswelt // Reiher R. (Hrsg.): Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Konflikten. – Berlin, New York, 1995. – S. 15–71.
4. Klein J. Wortschatz, Wortkampf. Wortfelder in der Politik // Klein J. (Hrsg.): Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. Opladen, 1989. – S. 3–50.
5. Klein J. Politische Textsorten // Brinker K. (Hrsg.): Aspekte der Textlinguistik, Modelle, Methoden, Analysen (Germanistische Linguistik 106-107). Hildesheim, 1991. S. 245–278.
6. Schlosser H. D. Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen. – Köln, 1990.
7. Steyer K. Reformulierungen. Sprachliche Relationen zwischen Äußerungen und Texten im öffentlichen Diskurs. – Tübingen, 1996.
8. Steyer K. Reformulierungen. Zur Vernetzung von Äußerungen im Ost-West-Diskurs // Busse D., Hermanns Fr., Teubert W. (Hrsg.): Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Forschungsergebnisse der historischen Semantik. – Opladen, 1994. – S. 143–160.

И. Е. Езан, Е. С. Добрынина

Жанровое своеобразие и композиционная организация текстов политической рекламы в прессе

Пресса обладает большим количеством преимуществ перед другими средствами массовой информации. Информация, зафиксированная в печатном издании, воспринимается адресатом «без посредников», и он может в любой момент повторно обратиться к ней. В политической рекламе, размещаемой в периодической печати, принято различать следующие типы текстов:

- традиционные виды печатной рекламной продукции, предназначенные для почтовой рассылки, раздачи, уличной коммуникации, размещенные на страницах газет и журналов (политические листовки, плакаты, рекламные политические портреты);

- программные документы и выступления политиков (речи, обращения, дискуссионные материалы);
- произведения традиционных газетно-журнальных жанров, адаптированные к рекламным целям (рекламные публикации в форме интервью, политических портретов, очерков) [Лисовский, 2000: 134].

Нами было рассмотрено сто рекламных текстов разных жанров. Весь рассмотренный нами материал относится к текстам предвыборной агитации, связанной с выборами в Бундестаг 2005 года.

Политический плакат

Политический плакат представляет собой «рекламное произведение большого формата, основным воздействующим средством которого являются изобразительные элементы (фото кандидата, графические символы, рисунок, карикатура), и содержит минимум вербальной информации в виде слогана или призыва» [Подгорная, 2006: 85-94]. Данный жанр ориентирован преимущественно на эмоциональное воздействие. К плакату предъявляются следующие требования:

- Плакат должен поражать адресата;
- Плакат должен быть тщательно выстроен композиционно;
- Плакат должен быть динамичным;
- Плакат должен быть быстро читаемым;
- Плакат должен быть общедоступен и понятен [Лисовский, 2000:165].

Выполнению этих требований служит композиционное построение политического плаката. Как правило, политический плакат состоит из изображения, которое дополняется кратким слоганом. Под слоганом понимается «рекламный лозунг, девиз, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи» [Райзберг, 2007].

В исследованном нами материале было обнаружено большое количество именно рекламных плакатов. В качестве изображения чаще всего используется портрет лидера партии, а в качестве слогана используется основное положение программы данной партии. Так на плакатах партии СДПГ чаще всего изображается Герхард Шрёдер. Мы выделили следующие слоганы, используемые данной партией в политических плакатах:

- (1) *Wer Frieden will, muss standhaft sein.*
- (2) *Vertrauen in Deutschland.*

(3) *Wer Arbeit schaffen will braucht Mut für Reformen.*

Партийный блок ХДС/ХСС использует в качестве изображения портреты Ангелы Меркель и слоганы, в которых, как правило, фигурирует образ Германии:

(4) *Deutschlands Chancen nutzen.*

(5) *Ein neuer Anfang.*

(6) *Mehr Wachstum. Mehr Arbeit.*

Мы обнаружили большое количество таких плакатов у партии СвДП. Партия СвДП выпустила серию политических плакатов с портретами разных политических лидеров и высказываниями данных политиков, имеющих общий компонент: *mehr FDP...mehr/weniger.*

(7) *Dirk Niebel: Mehr FDP, mehr Arbeitsplätze.*

(8) *Dr. Wolfgang Gerhardt: Mehr FDP, mehr Freiheit.*

(9) *Birgit Homburger: Mehr FDP, weniger Bürokratie.*

(10) *Sabine Leutheusser-Schnarrenberger: Mehr FDP, mehr Bürgerrechte.*

(11) *Cornelia Pieper: Mehr FDP, mehr Bildung.*

(12) *Dr. Hermann Otto Solms: Mehr FDP, weniger Steuern.*

(13) *Dr. Guido Westerwelle: Mehr FDP, mehr Mut.*

Часто в качестве зрительного образа используется портрет представителей противоборствующей партии, представляющий оппонентов в невыгодном свете. Так на одном из плакатов партии Зеленых не в очень выгодном ракурсе изображена Ангела Меркель, плакат сопровождается слоганом: «*Die Frustrierten dürfen nicht über Deutschlands Zukunft bestimmen*». Данная реклама имела большой резонанс в СМИ.

Одним из наиболее популярных зрительных образов, использующихся в данном жанре, является изображение ребенка или семьи. Такие изображения сопровождаются соответствующими слоганами о семье или будущем страны:

(14) *Deutschlands Zukunft sichern. (CDU)*

(15) *Deutschland fair ändern. (CDU)*

(16) *Sichere Zukunft für unsere Kinder. (CSU)*

(17) *Gemeinsam die Zukunft sichern. (CSU)*

(18) *Ja! Zu gesundem Essen. (Grüne)*

Политическая листовка

Другим популярным жанром в период политической борьбы является политическая листовка. «Традиционно политическая листовка представляет собой одностороннее или двустороннее печатное издание, где в качестве основного средства воздействия используется текст, содержащий информацию о происходящих событиях (митинг, политическая акция), призывы к конкретным действиям или донесение до избирателя основных положений программных документов политических партий или их кандидатов. Характерными чертами листовки являются актуальность и доступность ее содержания, демократичность тематики, простота композиционного и стилового построения» [Подгорная, 2006: 85–94].

Политические листовки можно разделить на листовки проблемного, экспрессивно-агитационного, сравнительного и поддерживающего характера.

Популярным способом композиционной организации текстов данного жанра является выдвигание на первый план существующей проблемы, подтвержденной статистическими данными, а затем общий способ решения данной проблемы. Данный прием часто встречается в плакатах ХДС.

(19) *Tag für Tag 1000 Arbeitsplätze weg. Deutschland braucht den Wechsel.*

(20) *1000 Arbeitsplätze weniger pro Tag. Deutschland braucht den Wechsel.*

(21) *Alle 15 Min. eine Firmenpleite. Deutschland braucht den Wechsel.*

(22) *5 Mio. Menschen ohne Arbeit. Deutschland braucht den Wechsel.*

(23) *7 Jahre Rot-Grün. Deutschland braucht den Wechsel.*

(24) *6 Mio. neue Schulden pro Stunde. Deutschland braucht den Wechsel.*

Целью экспрессивно-агитационной листовки является воздействие на сознание адресата с помощью фактов, компрометирующих соперника. Листовки данного типа довольно часто используются всеми политическими партиями.

(25) *Konjunkturbremse – Merkelsteuer. (SPD)*

(26) *Angela Merkel. Kan Di Dat? (SPD)*

(27) *Merkelsteuer – das wird teuer. (SPD)*

(28) *Dafür steht Rot-Grün: 5 Mio. Menschen ohne Arbeit. Deutschland braucht den Wechsel. (CDU)*

В отличие от экспрессивно-агитационной листовки, сравнительная листовка менее категорична. Доказательство некомпетентности оппонента достигается за счет сравнения положений противоборствующих партий. Например, политические листовки партии СДПГ выстроены так, что существующие проблемы противопоставляются основным положениям программы данной партии. Этому противопоставлению служат существительные с предлогами *für...gegen*.

(29) *Für die Bürgerversicherung. Gegen die Kopfpauschale.*

(30) *Für Chancengleichheit. Gegen Studiengebühren.*

(31) *Für moderne Familienpolitik. Gegen den Rückschritt.*

(32) *Für den Atomausstieg. Gegen neue Atomkraftwerke.*

(33) *Für faire Löhne. Gegen Lohndumping.*

(34) *Für den Kündigungsschutz. Gegen die Willkür.*

(35) *Für sozialen Fortschritt. Gegen sozialen Kahlschlag.*

(36) *Für den Frieden. Gegen blinde Gefolgschaft.*

Сравнение также достигается за счет использования личного местоимения первого лица множественного числа *wir*, при помощи которого подчеркивается близость политика к избирателям, и противопоставленного ему местоимения *andere*, которое создает эффект отчуждения других политических партий.

(37) *Wir stehen für den Mut zu Reformen. Aber wofür stehen die anderen?*

(38) *Wir stehen für den Kündigungsschutz. Aber wofür stehen die anderen?*

(39) *Wir stehen für den Mut zum Frieden. Aber wofür stehen die anderen?*

Листовка поддерживающего типа призвана подкрепить имидж кандидата свидетельствами авторитетных людей.

Политический портрет

Политический портрет представляет собой листовочный вариант образа лидера, включающий актуальные и достаточные для завершенности образа информационные фрагменты. Также как политический плакат политический портрет содержит изображение кандидата той или иной партии, однако в отличие от плаката, в политическом портрете используется не краткое изречение, слоган, а законченная мысль, иллюстрирующая основные положения того или иного кандидата. Мы обнаружили большое количество политических портретов среди агитационных текстов Левой партии.

(40) *Lothar Bisky: Zeigen wir, dass linke Politik Vertrauen verdient und Alternativen mit den Menschen entwickelt.*

(41) *Dagmar Enkelmann: Dass eine starke linke Opposition fehlt, haben wir mit dem Durchmarsch der Schröderschen Agenda 2010 und mit Hartz IV schmerzlich erfahren müssen.*

(42) *Wir werden die politische Landschaft in Deutschland verändern. Denn Billiglohn, Rentenkürzung und Abriss des Sozialstaates sind mit uns nichts zu machen.*

Политический портрет иллюстрирует взгляды партии, связанные с конкретным кандидатом.

Предвыборный манифест

Более крупным жанром политической рекламы является предвыборный манифест. В манифесте излагаются наиболее актуальные, с точки зрения партии, проблемы и предлагаются пути их решения. Как правило, предвыборные манифесты обладают ярким заголовком, выражающим основную мысль той или иной партии.

(43) *Deutschlands Chancen nutzen. Wachstum. Arbeit. Sicherheit. (CDU)*

(44) *Vertrauen in Deutschland. Das Wahlmanifest der SPD. (SPD)*

(45) *Arbeit hat Vorfahrt. Deutschlandprogramm 2005. (FDP)*

Манифесты имеют форму брошюры. Обсуждения проблем в стране и способы их решения представлены в виде законченных статей с яркими заголовками. Так партия СДПГ формирует свои цели, начиная со слов «*Wir wollen*».

(46) *Wir wollen, dass Deutschland seine Kräfte bündeln kann und dass so Wohlstand für alle dauerhaft gesichert ist.*

(47) *Wir wollen mehr Arbeit schaffen und weniger Arbeitslosigkeit haben in Deutschland.*

(48) *Wir wollen, dass das Zusammenwachsen befördert und der Aufbau Ost vorangetrieben wird.*

(49) *Wir wollen, dass keine und keiner unter 25 Jahren länger als 3 Monate ohne Arbeit, Ausbildung oder weiterführende Beschäftigung ist.*

Партия СвДП формирует свои основные положения, как и в плакатах, со слов «**Mehr FDP**».

(50) *Mehr FDP für mehr Arbeitsplätze und Wohlstand*

(51) *Mehr FDP für mehr Bildung und Innovation*

(52) *Mehr FDP für mehr Bürgerrechte, Vertrauen und Teilhabe*

(53) *Mehr FDP für mehr internationale Zusammenarbeit und Sicherheit*

(54) *Deutschland braucht mehr FDP*

В данной статье мы рассмотрели такие жанры политической рекламы как политический плакат, политическая листовка, политический портрет и предвыборный манифест. В ходе исследования нами было установлено, что самым популярным средством воздействия на аудиторию являются рекламные тексты малых жанров, такие как политические листовки и плакаты.

Список литературы

1. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. – М., 2000.
2. Подгорная Л.Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества // Вестник Российского университета дружбы народов, 2006. – № 8.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М., 2007.

Е. А. Журавлева

Языковая репрезентация категории интертекстуальности в политических мемуарах (на материале мемуаров Б. Клинтона “My life”)

Литература воспоминаний является объектом многих литературоведческих и лингвистических трудов (Л.Я. Гинзбург, Н.А. Левковская, А.Г. Тартаковский, О.Е. Филимонова, А.Л. Шанина), но единого мнения, что понимать под мемуарами, среди ученых не существует.

Обратимся к лексикографическим источникам, чтобы понять, что представляют собой мемуары с терминологической точки зрения.

«**Мемуары** – записки, литературные воспоминания о прошлых событиях, сделанные современником или участником этих событий» [Ожегов, Шведова, 2006: 458].

«**Мемуары** мн. 1. Литературное произведение, повествующее в форме записок от лица автора о событиях прошлого, участником или свидетелем которых он был. 2. а) (устар.) Научные труды, записки. б) Собрание научных статей, издаваемых научным обществом или учреждением» [Ефремова, 2006: 174].

«**Мемуары** (фр. mémoires). 1. Литературное произведение в форме записок о прошлых событиях, современником или участником которых был автор (лит.). 2. Одно из названий печатных трудов ученых учреждений (устар.)» [Ушаков, 2005: 688].

Англоязычные толковые словари предлагают следующие дефиниции:

«**Memoirs** (plural) – an account of someone’s experiences written by that person, especially the experiences of someone who has taken part in important political or military event» [Macmillan English Dictionary, 2002: 939].

«A person’s **memoirs** are a book which they write about people who they have known and events that you write about someone who you have known well; a formal use» [Collins English Dictionary, 2001: 906].

«**Memoir** 1. Short life-history, esp. by someone with first-hand knowledge; biographical notice (in periodical). 2. Essay on a learned subject especially studied by the writer. 3. (Pl.) Person’s written account of his own life or experiences» [Hornby, 1995: 613].

Резюмируя вышеприведенные дефиниции, отметим, что возможность обращения к памяти как источнику информации в ходе создания произведения обуславливает название мемуаров: «*mémoire*» (франц.) означает память, воспоминание. Под *политическими мемуарами* понимается документально-публицистический жанр воспоминаний (от франц. «*mémoire*» – «память, воспоминание»); произведение, написанное от лица политика о процессе своего становления как личности и политического деятеля, взаимоотношениях с отдельными политиками и политическими группами, электоратом; такое произведение включает выдержки политических дискуссий, речей, программ; читатель воспринимает автора политических мемуаров через его политический статус. Таким образом, в мемуарах политиков реализуется политический дискурс.

В своем произведении «*My life*» Б. Клинтон часто обращается к высказываниям предшественников, политических и общественных деятелей, включает тексты писателей, обеспечивая тем самым связь настоящего или будущего не только со своим индивидуальным, но и более отдаленным глобальным прошлым. Таким образом он «действует в ситуации «диалога» с иными «мыслящими сознаниями» и создает «интертекстуальные» смыслы, которые и для читателя расширяют горизонт его диалогического общения с миром и другими» [Щирова, Гончарова, 2004: 204]. Например:

“He (Robert Kennedy) told the crowd before him and the country listening to him that we would get through this time because the vast majority of blacks and whites “want to live together, want to improve the quality of our life, and want justice for all human beings who abide in our land.” He ended with these

words: “Let us dedicate ourselves to what the Greeks wrote so many years ago: to tame the savageness of man and make gentle the life of this world. Let us dedicate ourselves to that, and say a prayer for our country and for our people” [Clinton, 2004: 85]

“Frank seemed glad to be home, but still sad. Even though he had escaped the draft and prison, he seemed caught in the throes of a depression, like that which *Turgenev* said “*only the very young know and which has no apparent reason*” [Clinton, 2004: 130]

Первый из представленных примеров демонстрирует случай использования цитаты, вложенной в цитату: Б. Клинтон цитирует Р. Кеннеди, который, в свою очередь, использует высказывание древних греков (“Let us dedicate ourselves to what *the Greeks wrote so many years ago: to tame the savageness of man and make gentle the life of this world*”), тем самым отсылая читателя одновременно к периоду деятельности Р. Кеннеди и античному миру.

Намеренно вводя в свое произведение гетерогенные элементы, автор актуализирует оппозицию свое-чужое и вступает в диалог с предшественниками или современниками. Так автор утверждает, свои художественные, социальные и, прежде всего, политические, взгляды. Форма этого утверждения определяет авторское отношение к «чужому».

Отношение бывает разным – от безоговорочного согласия до категорического неприятия. При позитивном отношении автора к тексту-«источнику» интертекстуальность становится фундаментом, на котором строится собственное здание, опорой, аргументом в виде ссылки на авторитет [Русаков: электронный ресурс]. В мемуарах «*My life*» в подобном качестве часто выступают интертекстуальные обращения к высказываниям политических, общественных, культурных деятелей, церковнослужителей.

Противоположный вариант – негативное отношение автора к адресату обращений; в этом случае интертекст приобретает ироничный или саркастический оттенок. Пересказывая слова политического оппонента Дж. Буша старшего (интертекст – пересказ) и дописывая чужой текст, Б. Клинтон эксплицирует критическое отношение к высказыванию республиканца в ходе одной из предвыборных кампаний:

“The next night, he [Bush] gave an effective speech, wrapping himself in God, country, and family, and asserting that, unfortunately, I didn’t embrace those values. He also said that he had made a mistake in signing the deficit-

reduction bill with its gas-tax hike and that, if reelected, he'd cut taxes again. I thought best line was saying I would use "Elvis economics" to take America to "Heartbreak Hotel." He contrasted his service in World War II with my opposition to Vietnam by saying, "While I bit the bullet, he bit his nails" [Clinton, 2004: 339].

Обращаясь к чужим текстам, автор демонстрирует преемственный характер политики, имплицитно лояльность определенной идеологии, формулирует и разъясняет политическую позицию; соотносит себя с определенными политическими и социальными группами, осуществляет поиск сторонников и ведет борьбу с противником, что, по определению Е.И. Шейгал, является содержанием политической коммуникации [Шейгал, 2000: 121].

Вместе с тем, политические мемуары носят автобиографический характер: субъект повествования является одновременно и его объектом. Наряду с чужими текстами автор-политик вводит во вновь создаваемый им текст свои ранее реализованные речевые произведения (публичные речи различного характера, предвыборные выступления, интервью в СМИ, дневниковые записи, личная переписка). Такие автотексты могут быть различными по объему: от коротких синтаксических единств до развернутых выдержек из публичных речей. Например, запись в дневнике студента Оксфорда Б. Клинтона:

"My diary notes reply: *"A man is more than the sum of all the things he can do"* [Clinton 2004: 130]; или эпизод иннаугурационной речи вновь избранного президента США:

"I began by placing the present moment in the stream of American history: "Today we celebrate the mystery of American renewal. This ceremony is held in the depth of winter. But, by the words we speak and the faces we show the world, we force the spring. A spring reborn in the world's oldest democracy, that brings forth the vision and courage to reinvent America. When our founders boldly declared America's independence to the world our purposes to the Almighty, they knew that America, to endure, would have to change. . . Each generation of Americans must define what it means to be an American" [Clinton, 2004: 376].

Факт включения в мемуары автором других своих текстов дает возможность говорить о том, что в политических мемуарах реализуется автоинтертекстуальность, представляющая собой особый вид интертекстуальности.

Под автоинтертекстуальностью понимается наличие межтекстовых связей, ставших результатом создания текста с включением элементов других собственных текстов или по отношению к другим собственным текстам, с которыми создаваемый текст вступает в некий диалог. Автоинтертекстуальность возникает в результате того, что «автор создает текст 1. который отсылает читателя к собственному тексту 2. Автоинтертекстуальность является одной из форм личной эволюции писателя: возвращение к прежним темам и идеям, но уже на новом, более высоком уровне понимания» [Русаков: электронный ресурс].

Несмотря на то, что автор говорит сам с собой, используя собственные тексты для иллюстрации событий, это не монолог, а диалог личности, находящейся в двух временных плоскостях, прошлом и будущем. По справедливому замечанию Л.М. Ньюбиной особенности отображения жизни в мемуарах, субъективное «искажение» автобиографической правды связано с особым чувством времени, которое обусловлено «совмещением двух ментальностей и двух интеллектов – прошлого и настоящего «я» мемуариста. Писатель обращается к прошлому ради обращения к внутреннему, с целью размышления и обращения к себе» [Нюбина, 2001: 16–8].

Таким образом, интертекстуальность и автоинтертекстуальность как ее разновидность являются неотъемлемыми текстовыми характеристиками политических мемуаров. Интертекст позволяет политику установить диалог, как с другими авторами, так и с самим собой; представить события не только со своей позиции, но и с точки зрения других участников или свидетелей происходившего. Вместе с тем, введение «чужих» и собственных «первичных» текстов в мемуары обеспечивает реализацию признаков, образующих жанр мемуаров, таких как обращение к памяти, ретроспективность, тенденция достоверного отображения общественной и частной жизни.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. – М., 2006.
2. Ньюбина Л.М. Воспоминание в картинах и образах (на материале немецкой мемуарной литературы XX века). Пособие по интерпретации текста. – Смоленск, 2001.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2006.
4. Русанов А. Особенности функционирования интертекста в романе В. Набокова "Лолита". URL: <http://nabokovandko.narod.ru/intertext.html>

5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2005.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2003.
7. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. – СПб., 2007.
8. Clinton B.J. My life. – N.Y., 2004.
9. Collins English Dictionary. – Glasgow, 2001.
10. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford, 2000.
11. Macmillan English Dictionary. International student edition. – London, 2002.

Е. В. Комаров

Метафорическая репрезентация концепта JOY в современном английском языке

За время, прошедшее после публикации революционной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», стало очевидно, что метафора заняла центральное место в когнитивной лингвистике как необходимый инструмент познания, способ мышления, развития языка и появления новых значений. Метафора уже не рассматривается в первую очередь как языковое явление, а скорее как психологическое явление, при помощи которого мы используем знания о концептах физического мира, чтобы познать и описать абстрактные концепты [Stefanowitch, 2004: 138]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что «теория концептуальной метафоры – это главным образом теория метафорического познания, а не метафорического языка» [Stefanowitch, 2006: 64]. Одним из главных положений концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона является то, что «наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути, опирается на лингвистические данные. Благодаря языку мы получили также доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия» [Лакофф, Джонсон, 1990: 388].

Как известно, с точки зрения когнитивной лингвистики процесс метафоризации трактуется как понимание одной концептуальной области в рамках и терминах другой концептуальной области. Ключевыми понятиями при этом являются область-источник (источниковый домен – source domain) и область-мишень (целевой домен – target domain). В качестве хрестоматийного примера из работы «Метафоры, которыми мы живем», можно привести концептуальную метафору «TIME IS MONEY»,

которая представлена в обыденном повседневном языке, помимо прочих, такими метафорическими выражениями как:

You are *wasting* my time

'Вы отнимаете (букв. *растрчиваете* мое) у меня время'.

This gadget will *save* you hours

'Это приспособление *экономит* вам много времени'.

I don't *have* the time to *give* you

букв.: 'Я не *имею* времени, чтобы *дать* вам' [Лакофф, Джонсон, 1990: 390].

Теория концептуальной метафоры впоследствии разрабатывалась множеством зарубежных и российских ученых. В ряду книг по метафоре особого внимания заслуживает фундаментальный труд З. Ковечеша «Метафора. Практическое введение» (2002). Вторая глава этой книги посвящена анализу основных областей-источников и областей-мишеней, существующих в английском языке. Так, например, в числе областей-источников приводятся области ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО, ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНЬ, ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ, МАШИНЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, и т. д., и т. п., общим числом 13, при этом автор совершенно справедливо замечает, что список этим не ограничивается и может быть продолжен и включать в себя различные свойства объектов и веществ. Категорий великое множество, и, по Ковечешу, подобная категоризация представляет собой упрощенный взгляд на мир, но она помогает нам создавать метафоры, которые описывают абстрактные понятия через известные и привычные вещи [Sövecses, 2002: 20].

В ряду областей-мишеней первой Ковечеш упоминает ЭМОЦИИ и утверждает, что это «образцовая» область-мишень и что эмоции в первую очередь описываются при помощи метафор [Sövecses, 2002: 21]. Еще одним ключевым положением для исследователя эмоций является то, что они «концептуально представлены в виде когнитивных моделей. Отдельная эмоция может быть представлена посредством одной или нескольких когнитивных моделей, которые являются прототипическими для данной эмоции» [Sövecses, 2008: 134].

Нами было предпринято исследование концептуального поля “JOY” с целью выявления механизмов метафоризации, лежащих в основе процесса вербализации данной эмоции. В результате исследования был получен список основных областей-источников, служащих для наименования целевого домена “JOY”.

Для получения более объективной картины использовались принципы корпусного анализа языка. Как утверждает О.О. Заячковская, «за последние десятилетия корпусная лингвистика укрепилась не только как отдельный раздел лингвистической науки, но и как основная эмпирическая парадигма изучения функционирования языка» [Заячковская, 2008: 8], таким образом, исследование на основе Национального корпуса английского языка позволяет использовать аутентичный материал и эмпирические данные, включая статистическое подтверждение теоретических положений.

Большинство психологов и психолингвистов, исследователей эмоций относят радость к базовым эмоциям. В соответствии с трехуровневым деревом эмоций У. Пэррота (*Parrott, W., Emotions in Social Psychology, Psychology Press, Philadelphia, 2001*) *joy* относится к первичным эмоциям, *cheerfulness, zest, contentment, pride, enthrallment, relief* – к вторичным (по отношению к *joy*), *amusement, bliss, gaiety* и еще более двадцати других эмоций – к третичным.

Методом сплошной выборки из Национального корпуса английского языка (British National Corpus: <http://corpus.byu.edu/bnc/>) выбирались тексты со словосочетаниями, одним из компонентов которых является лексема, вербализующая эмоциональное состояние радости и принадлежащая к целевому домену, т. е. одна из вышеуказанных лексем, а другой элемент – это атрибутивная или предикатная конструкция. После этого из всей выборки отбирались лишь метафорические выражения, причем были обнаружены метафорические выражения с 30 лексемами, обозначающими первичные, вторичные и третичные эмоции общим количеством около 530. Затем определялись источниковые домены, после чего формулировались концептуальные метафоры.

Итак, были выявлены следующие источниковые домены, приводимые здесь по убыванию количества соответствующих метафорических выражений:

1) **POSSESSED OBJECT** (25 % всех проанализированных метафорических выражений), например:

1) "There's no need to hide your amusement, Lucy –; I'm well aware of it," he snapped coldly, making no effort to hide his irritation. (Wilder's wilderness. Macgregor, Miriam. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993)

В данном случае эмоция описывается как материальный объект, вещь, которую можно найти, принести спрятать, дать, взять, принести, найти или потерять. Метафорические выражения в рамках этого переноса являются примерами языковой метафоры, штампа, т. е. метафоры, настолько прочно

укоренившейся в языковом сознании носителей языка, что она уже не воспринимается как метафора. Может быть, именно поэтому данный источниковый домен количественно преобладает.

2) **LIGHT** (21 %), например:

2) "You will marry me. Stay here with me." "I will." There was a ridiculous lump in her throat. Twisting her round, he examined her face with a wry **gleam** of **amusement**, mingled with a dark tenderness which splintered her fragile composure into a million fragments. (Calypso's Island. Ash, Rosalie. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993)

Неудивительно, что метафора света при вербализации эмоции радости находится на втором месте по количеству обнаруженных метафорических выражений. Концепт «свет» традиционно ассоциируется с положительными эмоциями и имеет положительные коннотации. По утверждению А. Барселона, «свет наверняка вызывает чувство уверенности, безопасности, оживленности или счастья, и т. д. и физического благополучия, что имеет положительную оценку...» [Barcelona, 2000: 40].

3) **LIQUID IN A CONTAINER** (15 %):

Еще одна распространенная модель метафорической репрезентации чувства радости – через образ жидкости, наполняющей сосуд до краев. Экспериенцер эмоции также воспринимается метафорически как сосуд. Ср.:

3) When her husband rose she lay a while, dreaming. Slowly a glorious **joy filled** her. She was married! She was no longer only her parents' daughter. She was the Lady of Duart. (Quest for a babe. Hendry, Frances Mary. Edinburgh: Canongate Pub. Ltd, 1990)

4) Come to laugh, no doubt, and what a splendid opportunity they were being presented with! Grinning as they approached –; as well they might! –; pretending they were just passing by, **brimming** with **glee**, big muscular athletic boys. (Who, sir? Me, sir? Peyton, K M. Oxford: OUP, 1988)

К данному источниковому домену можно отнести и его разновидность FIZZY DRINK, поскольку экспериенцер эмоции в этом метафорическом переносе также воспринимается как сосуд, а эмоция в свою очередь -- как газированный напиток. Метафорический перенос возникает на основе общности признака интенсивности эмоции и бурления жидкости, например:

4) **Happiness fizzing and bubbling** inside her, exhilarating as a fountain of pink champagne, Luce nodded. (Joy bringer. Wilkinson, Lee. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992)

4) HUMAN BEING (13 %):

Данный концепт включает в себя следующие концепты субординатного уровня:

4a) MOVING AGENT. Метафорические выражения с глаголами движения преобладают в данной группе, например:

5) Mrs Naulls ate a crimson jelly and then a green one. She didn't offer the box. A bovine **contentment came** into her face as she chewed. (Master of the moor. Rendell, Ruth. London: Arrow Books Ltd, 1988)

6) No different? That wasn't quite true. The wild **elation** had **gone**, with his early youth and his comrades. Still, the Normans were his kind. (King hereafter. Dunnett, Dorothy. London: Arrow Books Ltd, 1992)

4b) OPPONENT:

7) Adopting peasant dress and a peasant craft they sought to spread political consciousness with the help of revolutionary literature couched in peasant idiom. **The euphoria of that summer gripped** radicals of various persuasions: some sought merely to serve the peasantry, with no clear political goal; (Russia (The present and the past). Acton, Edward. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1992)

4c) VITALITY:

8) Rory walked towards her, dressed in jeans and sneakers, a soft yellow shirt. His eyes seemed **alive** with **joy** to her, simple joy at her reaction. (Other people's blood. Kippax, Frank. London: Fontana Press, 1993)

4d) INJURY:

9) "I suppose it's feasible that a girl with your looks and brains could drive someone to behave in the way you've described. Perhaps you really **wounded** his **pride** when you turned him down so he wants to see you humiliated." (Driven by love. McCallum, Kristy. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993)

5) WATER (9 %)

Следующие концепты субординатного уровня входят в данный концепт:

5a) MOVING WATER (CURRENT). В данном случае эмоция радости, эйфории метафорически описывается посредством образа водного потока, например:

10) "Aye. It were an easy labour, if it's possible for one to be so," she answered. **Relief flooded** through George. Until this moment he had not been aware of his own anxiety throughout Elizabeth's pregnancy. (Fields in the sun. Sunley, Margaret. London: Century Hutchinson, 1991)

11) She had found herself, at one stage, lightly stroking the back of her hand across her breast, and had jumped with guilt. She would forget him, she had forgotten him, what the hell was going on? Tony's voice, when it came through without a crackle, brought a reassuring **flood** of **gladness**. (Other people's blood. Kippax, Frank. London: Fontana Press, 1993)

5b) WATER BODY (POND):

12) They were back to battle with a roll of drums, Maggie noted, and her **enjoyment drained** away completely. She admitted that she had been thrilled at the idea of being alone with him, but all he was going to do was be stiffly silent. (Dark sunlight. Wilson, Patricia, 1993)

6) FIRE (3 %), например:

13) Above the crack of the automatic, he heard a thin squeal of pain and sensed, rather than actually saw, a man topple sideways into the gutter. A searing **fire** of **elation** bathed him suddenly, driving away the last vestiges of fear. (Foxbat. Cave, Peter. Wallington, Surrey: Severn House, 1979)

7) **NATURAL FORCE (2 %),** например:

14) To soldier doggedly on in the right –; and then to crown the campaign with a clear-cut black-and-white knockdown victory in argument! A sense of **exhilaration sweeps** through him. "Well," says Charles, the lumpish one now, "that's what this girl told me." (Sweet dreams. Frayn, Michael. London: Penguin Group, 1976)

В двух последних примерах признак интенсивности физического объекта (огонь, ветер/ураган) в процессе метафоризации трансформируется в признак интенсивности эмоции радости

В ходе исследования был обнаружен еще ряд источниковых доменов (FRAGILE OBJECT, SWEETNESS, ELECTRIC CURRENT, COLD, MOUNTAIN, DESTINATION и др.), примеры с которыми здесь не приводятся в силу их немногочисленности.

Итак, наше исследование позволило выявить когнитивные механизмы, которые задействованы сознанием в процессе анализа и понимания эмоционального состояния радости. Трудно не согласиться с О.О. Заячковской, которая указывает на концептуальную метафору как один из инструментов отображения когнитивно-языковой реакции на внешние действия и события [Заячковская, 2008: 24]. Абстрактная эмоция страха описывается при помощи источниковых доменов, обозначающих конкретные понятия. По справедливому замечанию З. Ковечеша, «в концептуальных метафорах обычно более абстрактный концепт

используется как область-мишень, а более конкретный или физический концепт – как источник... Наш опыт в физическом мире служит как естественное и логическое основание для понимания более абстрактных доменов» [Cövecses, 2002: 6]. Данное исследование полностью подтвердило этот тезис. Абстрактная, труднообъяснимая вербально сфера эмоций и чувств (в нашем случае это эмоция радости) описывается при помощи метафор с источниковыми доменами из физического, понятного мира, такими как свет, вода, огонь, материальный объект, и т.п. Выявленные источниковые домены имеют диффузный характер, что неудивительно, учитывая сложную природу появления и протекания эмоциональных состояний.

Список литературы

1. Заячковская О.О. Концептуализация положительных эмоциональных состояний «радость» (joy) и «надежда» (hope) в современном английском языке: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
3. Barcelona A. On the Plausibility of Claiming a Metonymic Motivation For Conceptual Metaphor// Metaphor and Metonymy at the Crossroads / ed. by A. Barcelona. Mouton de Gruyter. – Berlin; NY, 2000. – P. 31–58.
4. Cövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford, 2002.
5. Cövecses Z. A Conceptual Structure Of Happiness // Collegium. Vol. 3. Happiness: Cognition, Experience, Language. 2008.
URL: helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/25772/09_Kovecses_2008_3.pdf?sequence=1.
6. Stefanowitsch A. HAPPINESS in English and German: a metaphorical-pattern analysis//Language, Culture and Mind. – Stanford, 2004. – P. 137–149.
7. Stefanowitsch A. Words And Their Metaphors: A Corpus-based Approach//Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy. – Berlin, 2006. – P. 63–105.

А. С. Румянцева

К вопросу о семантической структуре слова

Спорным вопросом для многочисленных лингвистических исследований, направленных на изучение природы языка и особенностей его функционирования, является вопрос о том, какова семантическая структура слова и в каком виде хранится информация о нем на уровне системы языка. Как известно, слово является не только названием одного или нескольких предметов, но и выражением значения, а иногда и целой

их системы [Виноградов, 1977: 163]. Значения слов, как и понятия, основываются на специфических способах отражения действительности – «обобщении и абстракции». Именно эти операции позволяют сконцентрироваться на том общем и постоянном, что «скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений» [Кацнельсон, 2011: 9].

Традиционная лингвистика придерживается положения о том, что на уровне системы языка информация о слове и о каждом из его возможных значений хранится в виде цепочек и конфигураций представлений, ассоциирующихся с определенными акустическими образами. Этот факт свидетельствует в пользу того, что речь находит свое полное отражение в языке. Данная концепция была долгое время доминирующей, что вызывает критику когнитивного направления. Именно это противоречие и послужило стимулом к созданию теорий, анализирующих внутреннюю структуру слова и способ ее хранения.

Иные предпосылки для лингвистического анализа данной области дала когнитивная психология, которая установила, что человеческая способность хранить информацию ограничена. Для того чтобы увеличить «вместимость» памяти, информация должна естественным образом перерабатываться и храниться в виде связанных между собой «пакетов», что было подтверждено многочисленными экспериментами. Было выяснено, что наше сознание в результате обработки естественного языка и собственного опыта создает «иерархию» признаков или главных свойств объекта и сохраняет знания об окружающем мире в долговременной памяти человека. Наличие таких информационных структур позволяет человеку быстрее воспринимать и интерпретировать данные, а, следовательно, и ориентироваться в окружающей среде [Солсо, 2002: 215–239].

Еще в начале XX в. Ш. Балли констатировал, что любое понятие, которое хранится на глубинном уровне, являясь единицей потенциальной, всегда «определено ограниченным числом характерных черт». Это указывает на противопоставление его единице «актуализированной», поверхностной, которая, благодаря индивидуализации, характеризуется бесконечным числом признаков, которое невозможно учесть в полном объеме [Балли, 1955: 87–88]. Подобные выводы заставляют российских и зарубежных лингвистов задуматься о семантической структуре слова и ее базовых компонентах.

Так, А. Вежбицка утверждает, что, для того чтобы провести качественный семантический анализ слова, естественный язык должен

быть «упорядочен и упрощен», т. е. доведен до минимальных, «элементарных смыслов», до таких компонентов высказываний, которые далее не могли бы быть подвергнуты разложению. Именно такие минимальные смыслы А. Вежбицка называет «семантическими примитивами». Их число колеблется от десяти до двадцати и включает такие слова, как want (хотеть), you (ты), I (я), something (нечто), think (думать) и т. д., так как именно они являются общепонятными и укоренившимися в сознании каждого носителя языка. В дальнейшем с помощью этих элементов становится возможным истолковывать все речевые высказывания и семантические отношения, существующие между различными выражениями [Вежбицка, 1983: 225–252]. Таким образом, именно эти единицы и создают фундамент лексического значения и позволяют кодировать и декодировать передаваемую информацию.

Дж. Лакофф предлагает пользоваться понятием «гештальт» для номинации основной единицы уровня системы языка, а также организации мыслей, эмоций, восприятий и процессов познания. Под гештальтом он понимает особые глубинные структуры, используемые в мыслительных, языковых и перцептивных процессах и имеющие определенный набор «базисных свойств» для наилучшей репрезентации категории. Кроме того, эти структуры включают и другие компоненты, «части», несущие в свою очередь «дополнительные свойства», влияющие на все целое. Из этого делается вывод, что на глубинном (языковом) уровне у человека хранятся некие «базисные свойства», пучок признаков, который характеризует данное слово, а также некие «дополнительные свойства», что и обеспечивает различение смыслов и понимание индивидами друг друга [Лакофф, 1981: 359–361]. Тем самым подтверждался факт асимметрии уровней языка и речи.

Другие лингвисты, также не признававшие зеркального характера отношений между элементами системы языка и речи, по-разному трактовали и называли то, что имеется в виду под вышеупомянутым «пучком признаков». Однако если понятие «гештальт» ориентировано «вовне», т. е. на определение способов категоризации предметов мира, нижеследующие теории направлены «вовнутрь» лексико-семантической системы, являясь результатом переосмысления уже сложившейся семантической структуры слова. Одним из первых такую теорию выдвинул А.А. Потебня еще в XIX веке. Это была теория о «ближайшем» и «дальнейшем значении», первое из которых как раз и принадлежит

«ведению» языкознания и составляет «действительное содержание мысли» при произнесении слова. Именно это значение делает возможным понимание говорящими друг друга. А.А. Потебня отмечает, что ближайшее значение народно, т.е. известно всем говорящим на одном языке, в то время как «дальнейшее» относится к личной области и характеризуется некоторой степенью субъективизма, являясь каждый раз различным по качеству и количеству элементов [Потебня, 1964: 145–147]. Подобный факт отмечает и Б.А. Серебренников, говоря об объективной и субъективной сторонах восприятия [Общее языкознание, 1970: 22].

Подобные мысли об устройстве семантической структуры слова встречаются в трудах многих лингвистов, но в другом терминологическом выражении. Все исследователи сходятся на том, что в строении слова выделяются две части: «ядро», несущее основную информацию о слове и «периферию», включающую в себя определенный набор дополнительных признаков. При этом теоретики по-разному называют и вкладывают разный смысл в понятие как «содержательного ядра», так и «периферии». Что касается первого, С.Д. Кацнельсон называет его «формальным понятием» и понимает его как минимальный набор «общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков», которые необходимы для идентификации предмета [Кацнельсон, 2011: 18]. Тогда как Б.А. Серебренников называет его «узким понятием», а Ю.С. Степанов – «десигнатом», включая в них «известный минимум дифференциальных отличительных признаков» [Общее языкознание, 1970: 53; Степанов, 1977: 297]. М.В. Никитин за основу лексического значения слова берет «интенционал» – «совокупность семантических признаков», наличие которых считается обязательным для «сущностей» данного класса [Никитин, 1996: 109]. И, наконец, В.В. Виноградов в структуре слова выделяет «номинативное значение», под которым он видит «опору и общественно осознанный фундамент» для всех значений и применений данной языковой единицы [Виноградов, 1977: 171].

Так видится разными исследователями основной компонент лексического значения слова. Как было констатировано выше, объем и качество признаков, вкладываемых в это понятие, каждый раз варьируются. Если «формальные» и «узкие» понятия включают самый минимальный пучок необходимых для коммуникации признаков, «интенционал», и «номинативное значение» охватывают, несомненно, большее разнообразие семантических компонентов.

Упомянутые теории, помимо существования «ядра» семантической структуры слова, выделяют и вторую ее часть или «периферию», которая вместе с первой и составляют значение языковой единицы. Так, С.Д. Кацнельсон в противовес «формальным» говорит о «содержательных понятиях», которые включают все «новые стороны предмета, его свойства и связи с другими сущностями». Данный компонент значения слова, как показывает практика, у разных людей может варьироваться в силу разного индивидуального опыта, образования и глубины мышления. Что касается функционирования этих единиц, С.Д. Кацнельсон утверждает, что в памяти содержательные понятия хранятся в «свернутом виде» и к ним обращаются только тогда, когда условия коммуникации требуют понимания дополнительных оттенков значения. Причем в большинстве случаев достаточным для продуктивного общения оказывается набор признаков, содержащихся только в «формальном понятии» [Кацнельсон, 2011: 18, 23]. Таким образом здесь работает принцип экономии языковых усилий.

Кроме «узких понятия», Б.А. Серебрянников выделяет и «широкие», под которыми он понимает «сумму знаний о предмете», являющуюся, однако, «переменной величиной», т. е. зависящей от совокупности экстралингвистических факторов и биологических предпосылок индивида [Общее языкознание, 1970: 52–53].

По мнению Ю.С. Степанова, в качестве второго основного компонента семантической структуры слова выступает совокупность интегральных признаков, которой он не дает специального названия. Это – «единичное и индивидуальное» в слове. Если список дифференциальных признаков всегда ограничен общей структурой группы, к которой принадлежит данное слово, то число интегральных признаков не лимитировано, так как это соответствует «неисчерпаемому характеру единичного и индивидуального». Десигнат вместе с интегральными признаками образуют «полный состав признаков» лексического значения слова или его «сигнификат» [Степанов, 1977: 296–297].

Кроме интенционала, с точки зрения М. В. Никитина, в структуру лексического значения слова входит «импликационал», периферия семантических признаков, которая окружает содержательное ядро значения. Сюда входят признаки, с той или иной долей вероятности связанные с интенционалом. Причем их выбор и набор, актуальный для данной речевой ситуации, определяется контекстом, в котором выступает слово [Никитин, 1996: 110].

Наконец, В.В. Виноградов, помимо основного «номинативного значения», выделяет «номинативно-производные» от основного. Эти значения «не отрываются от основного, а понимаются соотносительно с ним», часто являясь уже и специализированнее основного [Виноградов, 1977: 171].

Таким образом, становится ясно, что семантическая структура слова включает в себя целый набор признаков, которые являются, как обязательными для выполнения смыслоразличительной функции, так и дополнительными и привносящими новые оттенки значения. Их набор зависит от контекста, ситуации общения, языковой активности индивида и его способностей, обусловленных биологически. Споры о том, какие признаки должны быть базовыми для того, чтобы слово выполняло свою основную функцию, не угасают до сих пор. Но все же, как отмечается во многих теориях, при такой организации смысловой структуры слова начинает действовать принцип экономии языковых усилий, позволяя выбирать из возможных и известных смыслов те, которые актуальны в данной речевой ситуации. Но, несмотря на эту положительную сторону, некоторые лингвисты включают в структуру базового компонента слишком много признаков (напр. номинативные значения В.В. Виноградова, ближайшие значения А.А. Потебни), что противоречит требованию компактности для подобных единиц. Кроме того, не были описаны механизмы действия упомянутых ментальных структур. Таким образом, при более тщательном рассмотрении достигнутые результаты не кажутся безупречными, и это стимулирует лингвистов работать в этом направлении дальше.

Следующим шагом к раскрытию семантической структуры слова является введение понятия «лексический прототип» (далее ЛП), под которым И.К. Архипов понимает «лучшего представителя» семантики данной словоформы, включающего «минимальный пучок интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета или понятия». Это дает возможность очертить совокупность необходимых для каждой ситуации общения абстрактных смыслов, которые известны любому носителю языка [Архипов, 2008: 115].

ЛП – инвариант и имеет две разновидности: «ближайший» и «дальнейший». Ближайшим ЛП является значением слова, которое первым приходит на ум у большинства носителей языка при встрече с данной словоформой. Такие признаки как раз и лежат в основе главного или номинативно-непроизводного значения слова. Как показывают

исследования, именно это значение служит основой деривации всех остальных лексико-семантических вариантов слова по метафорическому или метонимическому переносу. Именно для того, чтобы охватить абсолютно все актуальные значения слова, И.К. Архипов предлагает расширить «смысл ближайшего ЛП с помощью компонента сравнения» (напр. *having a high temperature or a feature like high temperature* – имеющий высокую температуру или признак, *напоминающий* высокую температуру). Таким образом, конечное значение, «дальнейший ЛП», имеет более высокую «степень обобщения», что придает ему статус семантического ядра или «инварианта» всех значений данной лексической единицы [Архипов, 2008: 153–154].

Функционирование такой ментальной единицы происходит следующим образом: располагая, в сущности, тем же ЛП, что и слушающий, выстраивает такой языковой контекст, который помогает слушающему, имеющему в своем распоряжении такое же знание ЛП, правильно декодировать смысл сказанного [Архипов, 2008: 157].

Таким образом, подобная концепция представляется больше соответствующей действительности по сравнению со взглядами прошлых лет в том отношении, что в структуре слова все значения имеют одинаковый статус и актуализируются на основе ЛП – инварианта, который является более компактной ментальной структурой по сравнению с более ранними теориями. Включая ограниченный пучок основных признаков и имея четкую схему функционирования, ЛП делает возможным интерпретацию любого лексико-семантического варианта многозначного слова. Его инвариантная природа обеспечивает его функционирование в условиях коммуникативного цейтнота (т. е. жестких условий общения, требующих молниеносной реакции), позволяя мгновенно декодировать смысл высказывания.

Список литературы

1. Архипов И.К. Язык и языковая личность: учеб. пособие. – СПб., 2008.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка; пер. с третьего фр. изд. Е.В. Вентцель, Т.В. Вентцель. – М., 1955.
3. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика / под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М., 1983. – С. 225–252.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
5. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение; под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. – М., 2011.
6. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1981. Вып. X. – С. 350–369.

7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях и вузах. – СПб., 1996.

8. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б.А. Серебренников, М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, К.Г. Крушельницкая; под общ. ред. Б.А. Серебренникова. – М., 1970.

9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1964. – Ч. I. – С. 142–170.

10. Солсо Р. Когнитивная психология; пер. с англ. Н.Ю. Спомиор. – СПб., 2002.

11. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. – М., 1977. – С. 294.

А. А. Самохина

**Реализация прагматического и стилистического потенциала
прозрачного необъясненного термина
в художественных текстах медицинской тематики**

Терминология традиционно рассматривается исследователями как положительный признак языка научной прозы и считается нехарактерной для литературного языка [Теория и практика английской научной речи, 1987: 6]. Однако в связи с бурным развитием науки и техники термины проникают во все сферы жизни человеческого общества. Не стала исключением и художественная литература – термины особенно часто встречаются в современной прозе. Используя в тексте художественного произведения те или иные термины, автор рассчитывает на определенное читательское восприятие, необходимое для достижения задуманной им цели, учитывая при этом интеллектуальные, социальные и психологические параметры предполагаемого читателя [Тураева, 1997: 137].

Термины – достаточно своеобразный и узкоспециальный пласт лексики, и не всегда читателю понятен тот или иной термин, встретившийся ему в тексте художественного произведения.

Стратегия автора, объясняющего или не объясняющего тот или иной появляющийся в тексте термин, является, безусловно, намеренной и, с одной стороны, имеет своей целью обеспечение успешной коммуникации, а с другой, решает определенные стилистические или прагматические задачи. В зависимости от цели автором могут использоваться прозрачные или непрозрачные термины, снабженные пояснениями или лишенные их.

В данной статье предлагается проанализировать реализацию прагматического и стилистического потенциала медицинского термина *cadaver* в художественных текстах медицинской тематики.

Материалом для исследования послужили фрагменты из романов трех современных англоязычных авторов: *Arrowsmith* (Sinclair Lewis, Шотландия), *The Cider House Rules* (John Irving, США) и *Cutting for Stone* (Abraham Verghese, Индия).

Все три произведения посвящены теме медицины и в этом смысле могут считаться «производственными романами». При этом все они представляют собой варианты классического «романа воспитания». Эпизоды, взятые для анализа, также имеют сходство – в каждом из них речь идет о неперенной составляющей обучения каждого студента-медика – о работе в анатомическом театре и производстве вскрытий.

Остановимся подробнее на самой описываемой ситуации. Работа в прозекторской – обязательный этап обучения студента-медика, а именно в этой роли в данный момент развертывания повествования выступает герой в каждом из трех рассматриваемых произведений. Таким образом, целью автора при изображении данного эпизода является создание правдивой картины повествования. С другой стороны, студент-медик, занимаясь вскрытием трупов, все же переходит некую грань дозволенного (вспомним, что несколько столетий назад анатомирование находилось под запретом). То есть сама ситуация представляет собой некое отклонение от нормы [Ларин, 1974: 36], которое гарантировано привлечет внимание читателя и поможет автору текста решить какие-то стоящие перед ним художественные задачи, поскольку создает обширные возможности для возникновения образности.

Если вернуться к медицинской терминологии, то во всех трех текстах ее употребление не контрастирует с основной темой произведения [Бочегова, 1978: 13], поэтому медицинские термины в этих произведениях достаточно предсказуемы, что снижает влияние общего принципа обманутого ожидания, на котором основано возникновение образности. Однако это не лишает термины возможности в определенных ситуациях приобретать определенный стилистический потенциал. В данном случае такая ситуация создается при помощи контекста – эпизода, описанию которого посвящены все три рассматриваемых фрагмента текста. Таким образом, рассматриваемая ситуация (контекст) представляет собой благоприятную среду для возникновения и реализации у термина

стилистического потенциала. В данном контексте мы понимаем потенциал как «возможность» (пер. с лат.) и как нечто существующее в потенции, скрытое, но готовое проявиться [Ахманова, 1966].

По мнению В.А. Андреевой, автор закладывает в текст интерпретационную программу для реального читателя, исходя при этом из своих собственных представлений об адресате и его внутреннем мире [Андреева, 2006: 18–19].

Все три автора представляют своего читателя как среднестатистического человека, не обладающего специальными медицинскими знаниями. Вывод об этом можно сделать из наблюдений над общей авторской стратегией: если автору любого из этих произведений важно обеспечить понимание читателем того или иного термина, этот термин в той или иной степени обрабатывается (объясняется) автором.

В настоящей статье предметом нашего исследования становится абсолютно прозрачный необъясненный термин cadaver, относящийся к области медицины. Медицинский словарь определяет его как «a dead body, especially one used for dissection» [Dictionary of medical terms]. Авторы считают данный термин прозрачным, поскольку в восприятии среднестатистического читателя его значение практически полностью совпадает со словарным, и не подвергают термин обработке, используя его в прямом значении, что, однако, не препятствует реализации в тексте его стилистического и прагматического потенциала. Данный тезис будет подтвержден при помощи подробного разбора каждого текстового фрагмента.

Первый отрывок взят из романа *The Cider House Rules* (John Irving) и посвящен рассказу о том, как главный герой начинал изучение анатомии.

The cadavers were female; it hardly served Dr. Larch's purpose – in the process of educating Homer Wells in obstetrical procedure and procedures of a related kind – to have his student examining male cadavers. There was always a problem getting a body (once one was delivered in water that was supposed to be ice; another had to be disposed of because the embalming fluid had clearly been old or too weak). Homer remembered the three cadavers distinctly. It was not until the third body that he developed enough of a sense of humor to give the body a name; they called her Clara after David Copperfield's wimpish mother – that poor, weak woman who'd allowed herself and young David to be so bullied by the terrible Mr. Murdstone. (J. I., 69)

В данном случае особенно интересно, что трупов, попавших в распоряжение героя, было три, а имя было дано только одному из них. Герой дает имя только последнему трупу – это происходит в тот момент, когда у него меняется отношение к ситуации, когда он преодолевает свой страх или брезгливость. Имя Клара заимствованно из романа «Дэвид Копперфильд», что неудивительно, поскольку тема Диккенса проходит сквозной нитью через весь роман. Оказываясь в одном контексте, аллюзия на Диккенса и медицинский термин cadaver вступают в резкий контраст, позволяя автору продемонстрировать своеобразное чувство юмора героев, их спокойное отношение к вопросам жизни и смерти. Юмористический эффект поддерживает еще и данное чуть ниже описание приключений Клары, которую по ошибке отправили по неверному адресу и чье прибытие до смерти напугало начальника железнодорожной станции.

Но и само имя также выбрано автором не случайно – как и настоящая героиня романа Диккенса, Клара Джона Ирвинга – тоже несчастная слабая женщина, допускающая, чтобы ее обижали и после смерти.

Следует также обратить внимание на то, что в данном текстовом фрагменте безличный, неодушевленный термин cadaver через некоторое время вытесняется словом *body*, которое может быть применено и к живому человеку. Давая трупу имя и переставая называть его «трупом» герой в некоторой степени перестает и воспринимать тело как мертвое, тем самым одушевляя его.

Именно в этом ключе ведется повествование о дальнейшей судьбе Клары. Некоторое время она «помогает» главному герою в изучении анатомии. В конце концов, Клару хоронят на городском кладбище, причем именно так, как похоронили бы недавно умершего человека. Хотя в произведении она существовала исключительно в качестве объекта для анатомических исследований, читатель забывает об этом, в частности, благодаря тому, что термин cadaver больше не появляется в описании Клары.

Еще более показательный пример дается в романе *Cutting for Stone* (Abraham Verghese).

But he lucked out with the cadaver he purchased in his final year: a well-fed, middle-aged female, a type he associated with the linoleum factories in Fife. Stone's dissection of the hand was so elegant (with just the tendon sheath exposed on the middle finger, while on the ring finger he carried it further to lay open the sheath and show the tendons of *flexor sublimis* like the wires of a

suspension bridge, the *profundus* tendon coursing between them) that the anatomy professor preserved it to show the first-year students. For weeks Thomas Stone toiled over his cadaver, spending more time with her than he had with any other female save his mother. He felt an ease with her, a fluency that came from intimate knowledge. On one side, he had filleted her cheek to the ear, tying the flap back with sutures to expose the parotid gland and the facial nerve passing through, its branches splayed out like a goose's foot, hence the name *pes anserinus*. On the other side of the face he'd removed all subcutaneous tissue and fat to reveal the myriad muscles of expression whose concerted movements in life had conveyed her sorrow, joy, and every emotion in between. He didn't think of her as a person. She was simply knowledge embodied, embalmed, and personified. Every evening he folded back the muscles and then the skin flaps dangling on narrow hinges, and then he spread the formalin-soaked rags over her to ensheath her. Sometimes when he fastened the rubber sheet around her and tucked the edges in, it reminded him of his mother's ritual of putting him to bed. Back in his room, his solitude and loneliness always felt more acute (A.V., 57–58).

Один из центральных персонажей произведения, Томас Стоун, за свой счет приобретает тело для анатомирования. В начале фрагмента cadaver встречается дважды – объект исследования еще безличен. Но по мере того, как продвигается его работа (описанная автором во всех подробностях с использованием очень большого количества медицинских терминов), Томас Стоун перестает относиться к телу отстраненно, начинает воспринимать умершую как живое одушевленное существо, вторую женщину после матери, с которой он проводит много времени и о которой знает все (или почти все). Одновременно с трансформацией чувств героя из текста исчезает безличное cadaver, заменяясь местоимением *she*. Из описания происходящего уходит холодный медицинский термин и появляется местоимение, которое в равной степени применимо и к живому человеку. Томас Стоун не дает имя телу, потому что воспринимает «ее» как воплощенное знание (она так же, как и Клара в *The Cider House Rules* «помогает» герою изучать анатомию человека). Однако, вероятно, для отсутствия имени есть еще несколько причин – с одной стороны, это уже развившийся эгоизм Стоуна, который не замечает людей вокруг себя, воспринимает их как само собой разумеющееся, а с другой – тесная близость с этой женщиной, достигшая такой степени, когда имена уже не требуются.

Дальнейшие действия главного героя описываются автором с такой нежностью, что читатель не сразу осознает, что происходит анатомирование. Впечатление усиливает гротескное сходство двух образов – матери, укутывающей на ночь ребенка и студента, заботливо укрывающего мертвое тело пропитанной формалином тканью. Дополнительный эффект достигается при помощи контраста медицинских и анатомических терминов и слов, ассоциирующихся с концептами «детство», «любовь».

У героя возникает странная болезненная привязанность к «ней», той женщине, которую он знает не хуже себя самого. И вдруг выясняется, что Томас не все знает о своей «подопечной» – в процессе анатомирования он с удивлением и ужасом обнаруживает ее беременность. Реагирует он точно так же, как ревнивый и эгоистичный муж. Герой ощущает себя преданным, чувствует непреодолимое отвращение к «ней», посмевшей допустить третьего в их особые отношения.

[...] He felt betrayed, as if someone had been spying on him. All this time he'd imagined he and she were alone. He couldn't go on. He couldn't even look at her, or fold her back up or cover her. The next day he asked the puzzled attendant to dispose of the cadaver even though the dissection of the pelvis was incomplete and the lower limbs were untouched. But Thomas Stone was done (A.V., 58).

В только что процитированном фрагменте текста снова возникает медицинский термин cadaver, и это очень важный признак. Таким образом, автор возвращает повествование к своему началу: труп для героя снова становится тем, чем был ранее – всего лишь безличным объектом исследования, более ненужным и не вызывающим никаких чувств.

Из вышеизложенного очевидно, что, не создавая в данном случае отдельного стилистического приема, термин cadaver приобретает яркие дополнительные негативные коннотации, отражая тем самым изменение эмоционального состояния героя.

Третий фрагмент употребления термина cadaver взят из романа *Arrowsmith* (Sinclair Lewis).

Martin found himself viewing "Billy," their cadaver – an undersized, blotchy old man with a horrible little red beard on his petrified, vealy face – as a machine, fascinating, complex, beautiful, but a machine. It damaged his already feeble belief in man's divinity and immortality. (S.L., 9)

В данном случае у трупа тоже есть имя, т. е. он персонифицирован, «одушевлен». Однако при этом у героя возникает своеобразное к нему отношение – этот труп становится воплощением человека вообще и начинается восприниматься как механизм. Человеческое тело сравнивается с машиной, что усиливает живущие в душе главного героя сомнения в божественности человеческой природы и бессмертия человеческой души – это те вопросы, решению которых в большой степени будет посвящен весь роман.

Термин cadaver становится элементом сравнения и вступает в резкий контраст с несущими положительные коннотации существительными *divinity* и *immortality*.

Таким образом, исследование функционирования прозрачного необъясненного термина cadaver, использованного при описании схожих ситуаций в трех художественных произведениях современных англоязычных авторов, показало следующее:

1. Во всех текстах реализация прагматического потенциала термина заключается в создании правдивой и фактологически точной картины повествования. Прагматическая цель автора состоит в достоверном информировании читателя о процессах и явлениях изображаемой действительности.

2. Полностью сохраняя свое словарное значение, прозрачный необъясненный термин cadaver благодаря контрасту с непосредственным лексическим окружением приобретает дополнительный стилистический потенциал, который реализуется различным образом в зависимости от авторской задачи через создание образности в художественном тексте (юмористический эффект у Джона Ирвинга, негативные коннотации как манифестация эмоционального состояния героя у Абрахама Вергиза и сравнение у Синклера Льюиса).

3. Во всех трех случаях происходит реализованное различными способами метафорическое переосмысление термина cadaver, связанное с одушевлением тела и перенесением на неживой объект человеческих качеств.

Список литературы

1. Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс. – СПб., 2006.
2. Бочегова Н.Н. Стилистическая функция терминов в контексте художественного произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978.
3. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974.
4. Теория и практика английской научной речи / ред. М.М. Глушко. – М., 1987.

5. Тураева З.Я. Язык межкультурного общения и языковая конвергенция // Студия Лингвистика-4. Языковая система и социокультурный контекст. – СПб., 1997.
6. Dictionary of medical terms. – London, 2004.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Источники примеров

8. A.V. – Abraham Verghese. Cutting for Stone. Random House, India, 2009.
9. J. I. – John Irving. The Cider House Rules. United States, 1985.
10. S. L. – Sinclair Lewis. Arrowsmith в кн. Lewis at Zenith – A Three-Novel Omnibus (трилогия) by Sinclair Lewis. New York, 1961.

Ю. В. Сергаева

Виды творчества и проблема их иерархии

Со времён античности понятие творчества остаётся центральным для осмысления бытия и сознания, человека и космоса, преходящего и вечного, рассматриваясь в учениях Платона и Аристотеля, христианских доктринах Фомы Аквинского и Августина, философских трактатах Д. Дидро, И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, классических научных трудах философов, психологов и филологов XIX–XX вв. Н.А. Бердяева, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.Ф. Лосева, А.А. Потебни, Г. Уолласа, М. Вертгеймера, М.М. Бахтина, В.П. Полонского, Л.С. Выготского, З. Фрейда, К. Юнга и многих других. На разных стадиях развития цивилизации творческие личности безоговорочно признаются «движущей силой человечества» [Ильин, 2009: 6], в связи с чем интерес к познанию природы творчества не ослабевает и на современном этапе. Подходя к проблемам творчества с позиций эстетики и философии человека, когнитологии и искусственного интеллекта, социальной и поведенческой психологии, экономики и предпринимательства, лингвистики и педагогики, представители каждого направления раскрывают различные стороны и аспекты творческих процессов, предлагая своё видение природы творческой деятельности и креативности.

Накопленный богатый теоретический и практический материал стимулирует к попыткам выделить и очертить границы новой специфической области знания, которая бы суммировала все аспекты творчества и креативности – так называемой эврилогии [Энгельмейер, 1910\2007], “creatology” \ креатологии [Magyar-Beck, 1990, 1999; Савченко, 2010] или универсальной модели творчества [Кобляков, 2002]. Соглашаясь с необходимостью выделения связанной с творчеством

проблематики в самостоятельную область науки, заметим, что создание единой и стройной теории творчества представляется труднодостижимой целью, так как даже каждый из вышеназванных терминов в соотношении с предложенной концепцией охватывает только часть аспектов исследования творчества. Например, в фокусе эврилогии, по Энгельмейеру, находятся стадии и способы получения творческого продукта, а креатология в понимании Д.Н. Савченко хоть и заявляется как *универсальная* меганаука, на деле таковой не является, так как, с одной стороны, исследует «взаимоотношение православной религии и науки», а с другой, связывает идеи самопознания и самосотворения с подготовкой «интеллектуальной элиты» (см сайт Д.Н. Савченко Креатология).

Творчество полиморфно и многомерно, классификация его видов строится на разных основаниях и остаётся дискуссионным вопросом. Виды творчества отличаются по сферам проявления, результатам, степени их новизны и способам получения, количеству участников и т. д. В зависимости от сферы деятельности обычно выделяют (см. напр., [Лук, 1982; Энгельмейер, 2007, Пономарев, 1983]) *художественное, научное, техническое творчество*. На современном этапе к видам творческой деятельности относят также *педагогическое творчество* (использование нестандартных, инновационных способов решения педагогических задач), *спортивное творчество* (установление рекордов) и *коммуникативное творчество* (умение общаться) [Творчество...2008; Encyclopedia of Creativity, 1999; Ильин, 2009]. Этот список, несомненно, постоянно дополняется, отражая современные тенденции к всё более расширительному толкованию творчества.

Для общей теории творчества важно выделить универсальные и специфические черты каждого из видов. Одним из таких параметров является характеристика этапов творческого процесса, которые в самом обобщенном виде универсальны и лежат на поверхности – замысел, разработка плана, выполнение (см., напр., концепцию творческого «трехакта» П.Энгельмейера, предложенную им в 1910 г [Энгельмейер, 2007 : 97–103]).

Принятые в современной науке основные стадии процесса творчества – подготовка (*preparation*), созревание (*incubation*), озарение (*illumination*) и проверка (*verification*) – были сформулированы в известной работе Г. Уоллеса «The Art of Thought» (1926), где творческое решение проблемы представлено как продукт эволюции, в ходе которой новая идея проходит

несколько стадий развития от замысла до своего воплощения. [Wallas, 1972]. Эти универсальные этапы эволюции мысли могут модифицироваться, по мнению некоторых теоретиков творчества, в зависимости от сферы деятельности [Пономарев, 1983; Научное творчество, 1969].

Так, техническое и научное творчество предполагают прохождение 1) стадии сознательной подготовки (определение проблемы, сбор информации, обдумывание попыток решения и т. п., что создает предпосылки для «интуитивного проблеска» [Пономарев, 1983: 3]; 2) стадии бессознательной инкубации, созревания решения (кажущийся уход от проблемы, нахождение затруднений, что на самом деле способствует созреванию направляющей идеи); 3) стадии перехода бессознательного в сознательное в виде инсайта (озарение, вдохновение, когда «в сферу сознания поступает идея решения сначала в виде гипотезы, принципа или замысла» [Пономарев, 1983: 3] и далее 4) этапа сознательной проверки решения (развитие и окончательное оформление идеи, верификация полученных данных).

Художественное творчество предполагает, по мнению исследователей, некоторую модификацию этих стадий: 1) замысел произведения; 2) конкретизацию замысла в виде плана (художественное программирование); 3) поиск адекватной формы для реализации задуманного и 4) материальное воплощение замысла [Якобсон, 1971; Лук, 1982; Щирова, Гончарова, 2007].

Сходство типов творчества заключается в том, что творческий процесс предполагает наличие субъекта творчества, творца, побуждаемого к творчеству определенными потребностями, мотивами, стимулами, обладающего известными знаниями, умениями, творческими способностями. Немаловажным для понимания сути творчества является ставшее уже классическим положение о том, что творческий процесс предполагает и наличие личности, воспринимающей и оценивающей результат деятельности творящего, вступающей в своеобразный диалог с автором произведения. Таким образом, справедливо говорить о выделении *сотворчества* как особого вида деятельности, позволяющего «зрителю или слушателю открыть и понять за событийной стороной произведения искусства его глубинное смысловое значение (контекст – текст – подтекст)» [Ильин, 2009: 22]. Однако ограничивать сотворчество рамками

художественного творчества видится несправедливым, а следует говорить о двустороннем характере *любого* вида творчества.

В зависимости от других параметров можно выделить следующие типы творчества: 1) *коллективное*; 2) *индивидуальное*; 3) *повседневное (малое)*; 4) *исторически значимое (большое)*; 5) *творчество методом проб и ошибок (эвристическое)*; 6) *творчество по алгоритму* [Encyclopedia of Creativity, 1999].

При описании типов творчества нередко встаёт вопрос об их иерархии – что можно считать высшей степенью проявления творчества, а что называть творчеством можно только условно, насколько более ценен тот или иной вид творчества? По мнению Л. Выготского, для самореализации в области искусства человеку необходимо особое эстетическое целостное отношение к окружающему миру, специфическая восприимчивость, когда личные значимые идеи, впечатления и переживания требуют их отражения в художественном произведении как особой форме действительности [Выготский, 1986].

Однако духовность, эмоциональный заряд определяют направление творческого поиска не только в искусстве, но и в других сферах применения творческой деятельности – науке, технике, спорте и т. д. Так, «научные прорывы на уровне парадигм», как и «новое слово в искусстве», [Ильин, 2009: 25] представляют собой, по классификации М. Boden [Boden, 2004], проявление *трансформационной креативности*, что является творчеством в полном смысле слова. *Исследовательская креативность* (формулирование проблем, обнаружение лакун и т. д.) и *комбинаторная креативность* (порождение нового через необычную комбинацию известных идей), согласно этой типологии, находятся на более низком уровне иерархии.

Л.А. Китаев-Смык (2007) выделяет в зависимости от новизны результата 3 уровня творчества, которые, по сути, коррелируют с вышеназванными этапами творческого процесса Г. Уоллеса:

- компилятивный (уровень сбора и классификации уже известных фактов);
- проективный (уровень обобщения новых суждений на основе собранной информации);
- инсайтно-креативный (уровень озарения, неожиданного постижения чего-либо нового).

Значимость результата и вариативность стадий творческого процесса, как видится, зависит не от сферы его реализации, а скорее от методологической сущности творчества, например, от различий между алгоритмической и эвристической (методом проб и ошибок), компилятивной или инсайто-креативной деятельностью, между повседневным (личностным) и исторически значимым творчеством. Зачастую отличие между большим и малым (*mundane creativity, creativity in the small*) творчеством определяется лишь размером аудитории [Боно, 2005], и, по справедливому замечанию Л.С. Выготского, «в каждодневной окружающей нас жизни <...> все, что выходит за пределы рутины и в чем заключена хоть йота нового, обязано своим происхождением творческому процессу человека» [Выготский, 1991: 7].

Вариативность видов творчества, в том числе лингвокреативных процессов, предполагает специфику деятельности языковой личности на разных участках отражения картины мира и в разных условиях коммуникации. Следовательно, для адекватного понимания творческих процессов в целом и в языке, в частности, необходимо исследовать разные проявления творческой активности – индивидуальное и коллективное, алгоритмическое и эвристическое, общественно-значимое (высокохудожественное) и повседневное (неслучайно В.И. Карасик отмечает «высокую степень креативности в языковой игре на низовом уровне культуры [Карасик, 2002: 17]).

Таким образом, исходя из широкого трактования творчества, творческим актом должна быть признана любая личностно и /или социально значимая деятельность, результатом которой может выступать как новый продукт, (артефакт, слово, идея), так и реорганизация известного, выбор оптимального для преследуемой цели варианта решения проблемы из нескольких возможных. Нельзя не признать, что творчество – это не удел лишь мастеров слова и художников, изобретателей и музыкантов, но форма бытия, необходимое условие самого существования личности.

Список литературы

1. Encyclopedia of Creativity / Ed. Mark A. Runco и Steven R. Pritzker. San Diego. – London. 1999.
2. Boden M. The creative mind: Myths and mechanisms. – N.Y. 2004.
3. Magyari-Beck, I. An introduction to the framework of creatology. The Journal of Creative Behavior, 3. – 1990. – P.151–160.
4. Wallas G. Art of Thought // Creativity. P.E.Vernon (ed.), 1972.
5. Боно де Э. Серьезное творческое мышление. – Минск, 2005.
6. Выготский Л.С. 1986. Психология искусства. – М., 1986.
7. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – М., 1991.

8. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб., 2009.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
10. Китаев-Смык Л.А. Факторы напряженности творческого процесса // Вопросы психологии. – № 3. – 2007. – С. 69–82.
11. Кобляков А.А. Основы общей теории творчества (синергетический аспект) // Философия науки. – Вып. 8. – М., 2002. – С. 96–107.
12. Креатология. Авторский сайт Д.Н.Савченко.
URL: <http://sites.google.com/site/kreatologia>
13. Лук А.Н. Научное и художественное творчество // Художественное творчество: вопросы комплексного изучения. – М., 1982. – С. 203–216.
14. Научное творчество. – М., 1969.
15. Пономарев Я.А. Фазы творческого процесса: Исследование проблем психологии творчества. – М., 1983.
16. Савченко Д.Н. Креатология. Том 1. Методологические основания и модели. Богопознание и научное знание. – М., 2010.
17. Творчество: теория, диагностика, технология / под ред. Т.А. Барышевой. – СПб., 2008.
18. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб., 2007.
19. Энгельмейер П.К. Теория творчества. 2-е изд. – М., 2007.
20. Якобсон П.М. Психология художественного творчества. – М., 1971.

Т. А. Сибеева

К истории изучения метафор. Метафорический образ Америки в современной британской рок-поэзии

Говоря о роли метафор в текстах британской рок-поэзии, следует отметить, что само понятие «rock and roll» по своей сути является метафорой: если рассматривать название данного музыкального направления, мы можем прийти к выводу, что рок-н-ролл воздействует на слушателя «раскачивая» (to rock – to move slowly and regularly backwards and forwards or from side to side¹) и «вращая» (to roll – to move along a surface, turning over many times) его, т. е. вызывая сильные эмоции, возбуждая, заставляя двигаться. Частотность использования метафор рок-поэтами ощутимо превышает частотность использования других средств выразительности. Как отмечает Доминик Петмен, специалист в области культурологии и медиа-наук: «It is the power of metaphor to say both more

---

¹ Здесь и далее значения слов приводятся из Collins Cobuild Compact English learner's dictionary.

and less than it seems to» [Электронный ресурс]. И в этом, возможно, и заключается причина особенного отношения рок-поэтов к метафоре, емкость значения которой позволяет в трехминутной композиции выразить свое отношение к проблемам современности, используя при этом ограниченное количество языковых средств.

Выявление роли метафор в поэтических рок-текстах невозможно без рассмотрения подходов к их анализу. В данной статье будет предпринята попытка исторически проследить основные концепции анализа метафор с точки зрения различных научных дисциплин, а затем выявить некоторые особенности использования метафор применительно к британской рок-поэзии.

История изучения метафоры ведет свое начало с античности, где она рассматривалась как перенос имени одного предмета на другой, который выполнял либо номинативную функцию – заполнение лексической лакуны, либо функцию убеждения, «украшения» речи (основная функция риторики). Далее проблемой определения метафоры стала заниматься лингвистика, в рамках которой сформировались сравнительная и семантическая концепции метафоры. «Теории сравнения утверждают, что метафорические высказывания связаны со сравнением или сходством двух или более объектов <...>» [Серль Дж., 1990: 315]. Согласно сравнительной концепции метафора – это изобразительное переосмысление «обычного» наименования. Метафора представляется как скрытое сравнение. Однако позднее (XIX–XX вв.) сравнительная концепция метафоры подверглась серьезной критике. Главными оппонентами этой точки зрения были Дж. Серль и М. Блэк. Дж. Серль утверждал, что метафора связана с вербальной оппозицией или взаимодействием двух семантических смыслов, а именно, метафорически употребленного выражения и окружающего буквального контекста. М. Блэк высказал следующее положение: «в ряде случаев было бы более правильно говорить, что метафора именно создает, а не выражает сходство» [Блэк М., 1990: 161]. Теория семантического взаимодействия заключается в следующем: «метафора связана с вербальной оппозицией или взаимодействием двух семантических смыслов — а именно, метафорически употребленного выражения и окружающего буквального контекста» [Блэк М., 1990: 167]. Следуя данной концепции, метафора не раскрывает сходство объектов, а создает его.

Историческая подвижность принципов образования и употребления метафор, их происхождение, соответствие природе мышления – круг вопросов, интенсивно разрабатываемых в отечественном литературоведении и языкознании XIX–XX вв. В этой связи особенно важны работы основателя исторической поэтики А.Н. Веселовского. В своем труде «Историческая поэтика» он рассматривает метафору не только как прием создания художественной выразительности, но и как одно из проявлений человеческого мышления. По его мнению, неосознанная метафоричность – характерное свойство первобытного мышления: метафоры возникали, когда люди не отделяли себя от природы, переносили на нее собственные действия и эмоциональные переживания. Так возникали «метафоры языка; наш словарь ими изобилует, но мы орудуем многими из них уже бессознательно, не ощущая их когда-то свежей образности; когда «солнце садится», мы не представляем себе отдельно самого акта, несомненно, живого в сознании древнего человека <...>» [Веселовский, 2004: 102]. В дальнейшем подобные выражения закрепились в языке и стали употребительными.

К вопросам происхождения и образования метафоры обращался также М. Мюллер, который отмечал, что поэтическая метафора явилась вследствие лексической бедности языка: «не пользуясь достаточным запасом слов, язык вынужден был употреблять одинаковые термины для обозначения различных предметов и впечатлений» [цит. по: Потебня, 1976: 108]. По мнению же А. Афанасьева, метафора произошла вследствие сближения между предметами, сходными по производимому впечатлению: «она создавалась совершенно свободно, черпая из богатого источника, а не по нужде, не ради бедности языка» [цит. по: Потебня, 1976: 109]. Это мнение разделял А.А. Потебня, который в своем труде «Теоретическая поэтика» писал, что метафора, выделяя посредством аналогии какой-то один признак, свойство предмета, не только обозначает его, сколько характеризует, создает живое представление, образ. Этим она соприродна искусству в целом, ведь «всякое искусство есть образное мышление, т. е. мышление при помощи образа» [Потебня, 1990: 163]. «Необходимость метафоры (или метафорического сравнения) сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются смутные ряды мыслей, возбужденных неопределенным множеством действий, слов и пр.» [Потебня, 1990: 205].

Метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности. Это свойство положено в основу социально-психологического аспекта изучения метафоры, который получил распространение с 60 гг. XX века. Особенно глубоко психологическую сущность метафоры исследовал А.А. Потебня, который выделил опосредующее звено между двумя предметами и назвал его средством апперцепции. «Так посредником Потебня считает как общие черты, которые могут быть обнаружены между двумя разнородными группами восприятий, так и само слово (собственно метафору)» [Скляревская, 1993: 35]. При данном подходе метафора рассматривается как процесс, относящийся к «области представлений». Роль образных языковых средств в формировании социальных оценок была впервые определена Ш. Балли, и все последующие исследования, как отмечает Г.Н. Скляревская, в большей или меньшей степени развивали выдвинутые им идеи. Исследуя языковую метафору, можно сделать выводы о психологических и социальных явлениях, в частности о том, какие человеческие качества порицаются, а какие одобряются, «какие явления стоят в центре и какие остаются в стороне, какие реалии действительности устойчиво связываются ассоциациями в сознании членов языкового коллектива и какие остаются изолированными, какие существа и предметы получают «второе имя» и какие называются только «своими именами»» [Скляревская, 1993: 101]. Как отмечает В.Н. Телия, ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов – метафоры, метонимии, гиперболы и т. п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию, и прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе «восхождения» от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению.

За последние десятилетия в отечественной лингвистике наметился интерес к проблемам функционирования языка в речи, тем самым обратив внимание исследователей к метафоре. Современные исследования по метафоре в русле лингвистики можно определить тремя направлениями:

- метафора как способ существования значения слова;
- метафора как явление синтаксической семантики;
- метафора как способ передачи смысла в коммуникативном акте.

В первом случае метафора рассматривается как лексикологическое явление. Представители данного подхода считают, что метафора реализуется в структуре языкового значения слова. Г.Н. Складарская в своей монографии «Метафора в системе языка», вышедшей в 1993 г., характеризует первый подход исследования. Автор рассматривает языковую метафору, противопоставляя ее по многим параметрам метафоре художественной. Как отмечает Г.Н. Складарская, языковая метафора – это готовый элемент лексики, «такую метафору не нужно каждый раз создавать, «делать» – ее берут готовой и употребляют в речи, при этом живая речь обычно перенасыщена метафоричностью» [Складарская, 1993: 31]. Описывая структуру языковой метафоры, Г.Н. Складарская включает в сферу своего внимания структуру лексического значения слов, обладающих метафорической образностью. Под образностью понимается «способность языкового знака выразить неязыковое содержание посредством целостного наглядного представления – образа» [Складарская, 1993: 16]. В качестве определенных признаков языковой образности признаются такие свойства семантики, как картинность, конкретность, красочность, непосредственно соотносимые с экспрессивностью. При этом, как пишет Г.Н. Складарская, имеется в виду, что разные слова обладают разной степенью образности, разным образным потенциалом. «Метафора – это утверждение о признаках предмета, <...>. Если при первичной прямой номинации происходит преобразование в денотативной направленности, и новому значению соответствует новый денотат, то при метафоризации как вторичной косвенной номинации происходит «удвоение денотата; хотя и неполное: от исходного понятия отщепляется какой-либо признак или несколько признаков, служащих для характеристики нового объекта» [Складарская, 1993: 18]. При втором из перечисленных подходов метафора рассматривается как явление синтаксической семантики. Наиболее ярко эта позиция отражена в работах Н.Д. Арутюновой. В основе механизма формирования метафоры сторонники семантико-синтаксического подхода видят категориальный сдвиг. Метафора «предлагает новое распределение предметов по категориям и тут же от него отказывается» [Потебня, 1976: 19]. «Метафора в ее наиболее очевидной форме – это транспозиция идентифицирующей (дескриптивной и семантически диффузной) лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства» [Потебня, 1976: 19]. В рамках

функционально-коммуникативного подхода метафора рассматривается как элемент текста. Функционально-коммуникативный подход к метафоре дает методологическую основу для изучения метафор в реальных текстах и позволяет анализировать специфику функционирования метафоры в зависимости от коммуникативной направленности речи. Однако стоит отметить, что данный подход является экспериментальным и находится в разработке исследователей. И все же он представляется довольно перспективным при анализе метафор в рок-дискурсе, так как рок-композиция и рок-текст как один из ее составляющих несет в себе коммуникативную направленность.

В существующих на сегодняшний день научных исследованиях не принято разграничивать британскую и американскую рок-поэзию, хотя на наш взгляд такой подход не представляется обоснованным в силу разности культурологических и исторических условий ее бытования. Между тем рассмотрение указанной выше проблемы состоятельно именно при четком разграничении британской и американской рок-поэзии.

Круг вопросов и проблем, передаваемых в поэтических рок-текстах при помощи метафор, чрезвычайно широк, однако в существующих на сегодняшний день исследованиях по англоязычной рок-поэзии авторы традиционно выделяют проблему одиночества, противопоставления себя окружающему враждебному миру, свободы, любви, кроме того, рок-поэты затрагивают проблему власти. Сформировать гражданскую позицию и уметь выразить свое отношение к существующему политическому и социальному устройству – подчас одна из первейших задач рок-исполнителя. Отдельный исследовательский интерес представляют особенности развенчания в рок-текстах существующих в социуме представлений и стереотипов либо их представления в отличном от существующего в данном обществе ключе, а также те средства выразительности речи, которые для этого используются. Таким стереотипом, бытующим в современном британском (и не только) обществе является так называемая «американская мечта». До сих пор не существует точного определения данного стереотипа, однако самым распространенным его понятием является представление об Америке как о стране, где сбываются мечты: « <...> где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает» [Электронный ресурс].

Использование такого средства выразительности, как метафора, при создании образа Америки, «американской мечты» позволяет привнести некоторый оттенок иносказательности в текст, акцентируя при этом внимание реципиента на абсурдности и ложности существующих представлений. Так, например, в тексте песни «Protect me from what I want» группы «Placebo» корпоративная Америка представлена в отрицательном ключе:

Corporate America wakes,
Coffee republic and cakes.
We open the latch on the gate
Of the **hole** that we call our home...

Америка в данном тексте – это дыра (hole – is an opening or hollow space in something). Другими словами, обман, фикция, мираж. Развенчание стереотипа здесь достигается путем намеренного снижения оценочного значения Америки, сравнением ее с дырой.

Обратимся также к тексту песни «Trousers arouser» группы «The coolness»:

As I see you face from a magazine,
Staring back at me like a silver screen
On the wireless, on the internet.
You're **fiction** burn that I ain't had yet
Or **movie star** you're America.

В данном контексте Америка предстает в метафорическом образе физически привлекательной женщины, которая манит, притягивает лирического героя. Он не может противостоять влечению, понимая при этом, что она – это обман, выдумка, красивая мечта.

Таким образом, рассмотренные примеры использования метафор в контексте «американской мечты» позволяют сделать вывод о том, что рок-поэты представляют Америку в сниженном оценочном ключе.

В данной статье была предпринята попытка рассмотреть основные этапы исследования метафоры в рамках различных концепций и научных дисциплин от античной риторики до современной лингвистики. Кроме того, была выявлена особая значимость метафор для современной рок-поэзии Великобритании, которая может быть объяснена емкостью передачи значения при помощи метафор в рок-текстах. В качестве примера были рассмотрены случаи создания метафорического образа Америки в текстах британских рок-групп. На основе анализа метафор можно сделать

вывод о том, что британские рок-исполнители в своих текстах пытаются развенчать стереотип об Американской мечте путем ее представления в отрицательном метафорическом контексте.

Список литературы

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 2004
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М., 2004.
3. Серль Дж. Метафора. // Теория метафоры. – М., 1990.
4. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993.
5. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. – М., 1990.
6. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.
7. Collins Cobuild Compact English learner's dictionary.

Электронные ресурсы:

1. РЛС: <http://www.blackjelly.com/pettman/>
2. РЛС: <http://www.litportal.ru/genre214/author6062/read/page/1/book29537.html>

С. И. Потапенко

Семантика определенности в английском языке: лингвокогнитивный ракурс

При лингвокогнитивном подходе значение артиклей английского языка – неопределенного, нулевого и определенного – выявляет связь с различными уровнями категоризации: базовым, суперординатным и субординатным [Болдырев, 2002: 85; Rosch, 1976: 491; Taylor, 1995: 48]. На базовом уровне категоризации люди обычно взаимодействуют с объектами как перцептивными и функциональными гештальтами [Rosch, 1976: 490], представленными именными группами с неопределенным артиклем, напр., *a cat, a dog*. Суперординатный уровень связан с отражением действительности в виде обобщений, представленных мебелью, средствами передвижения, фруктами и др., обозначенными единицами с нулевым артиклем, напр., *furniture, fruit*. Субординатный уровень связывают с индивидуальными проявлениями категорий, например, предложение *The kitchen chair I bought last week* рассматривается как частный случай воплощения концепта КУХОННЫЙ СТУЛ [Taylor, 1995: 46–47]. На субординатном уровне категоризации, обозначенном определенным артиклем, референты соотносятся с двумя основными видами ситуативных координат: топологическими, структурирующими пространство относительно тела человека и ситуации в целом, и реляционными, локализующими референты в последовательностях.

Топологические определенные именные группы делятся на соматические и обобщающие. Соматические фразы размещают референты спереди и сзади, слева и справа, снизу и сверху от тела наблюдателя, что дает основания для их деления на именные группы с семантикой фронтального, бокового и вертикального ориентирования.

Определенные топологические фразы со значением фронтальности локализуют референты относительно координат СЗАДИ и СПЕРЕДИ. Точка отсчета СЗАДИ обозначается существительными с компонентом *back* (*background, backdrop*), напр., *The turmoil serves as the backdrop for economy* [Newsweek, 7.09.1998: 8]. Референты, расположенные СПЕРЕДИ, локализуются в проанализированных примерах определенными именными группами с прилагательным *front* (*the front bumper, come to the fore*), напр., *The New York Times estimated that as many as half of the front-page stories in leading papers did so* [Newsweek, 30.05.2005, 43], и существительным *vanguard*, напр., *Once in the vanguard of the political change, the Philippines has turned out to be the clown in a class of new democracies* [Newsweek, 11.07.2005: 37]. Фронтальная локализация референтов опирается на взаимодействие фона и фигуры, на которую указывают прилагательные *very, essential, only* и др., служащие средством акцентирования информации, напр., *Hubble isn't the only casualty* [Newsweek, 18.07.2005: 42].

Определенные именные группы, обозначающие боковые ориентиры, соотносят референты с координатами ПРАВЫЙ и ЛЕВЫЙ (*drift to the left, the far-right parties*), напр., *Unlike the extreme left, she understands the limitations of human beings, he says. And unlike the extreme right, he argues, she believes in humanity's potential* [Newsweek, 12.02.2007: 27].

Именные группы с семантикой вертикальности локализуют референты относительно координат ВЕРХ – НИЗ с помощью прилагательного *top*, напр., *U.S. counterterrorism officials say they do not believe that the top level Pakistani officials have sanctioned aid to the Haqqanis* [Newsweek, 22.09.2008: 33], существительного *ground*, напр., *They were racing to rescue their comrades on the ground* [Newsweek, 11.07.2005: 27], прилагательного *basic* в составе словосочетаний *the basic goal, the basic needs, the basic question*, напр., *The basic needs are clear: compatible computer systems to speed the passing of actionable intelligence* [Newsweek, 18.07.2005: 23).

Неопределенный артикль в составе соматических фраз представляет референты на базовом уровне категоризации, т. е. с точки зрения участников событий, указывая на новые характеристики, напр., *He hoped to*

win a strong rightist majority [Newsweek, 23.05.2005: 23], или дифференцируя несколько одинаковых объектов, напр., *But a front page story in the New York Times last week described Folkman's years-old discovery of a cancer treatment as so promising that it might "cure cancer in two years"* [Newsweek, 18.05.1998: 49]. В последнем примере неопределенная фраза с прилагательным *front*, активизирующим координату СПЕРЕДИ, имплицитно указывает на наличие нескольких публикаций на первой странице газеты.

Обобщающие топологические отношения обозначены определенными именными группами с единицами, указывающими на часть и целое или центр и периферию. ЦЕЛОЕ идентифицировано определенными фразами с прилагательным *whole*, напр., *The whole truth simply cannot be more plain to see* [Newsweek, 14.09.1998: 14], ЧАСТЬ – существительными *majority, rest, remains, sector*, напр., *The industrial sector tried to increase steel production by smelting down old pots* [Newsweek, 24.01.2000: 48].

Отношения ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ разграничивают значение определенных именных групп, дифференцирующих важные и второстепенные референты. Координата ЦЕНТР обозначена прилагательными *central, dominant, chief, main, major, single*, напр., *Arguments that the Fed should be the central banker to the world leaves these officials puzzled* [Newsweek, 14.09.1998: 15], и семантически близкими к ним существительными, напр., *But local residents say the city center is controlled by Zargawi's followers* [Newsweek, 16.05.2005: 25]. ЦЕНТР также обозначен единицами с метафорическим значением, например, существительным *key*: *His brand of experience could become the key to a gold-plated resume* [Newsweek, 24.01.2000: 27]. На координату ПЕРИФЕРИЯ указывают определенные именные группы со значением дальнего предела, напр., *the margin, the neighborhood*. Так, в предложении *Among the white families in the neighborhood, the Holsmans and the Browns are the only ones to buy in recently* [Newsweek, 24.01.2000: 60] определенная фраза *the neighborhood* относит обозначенные семьи к периферии деятельности говорящего, одновременно устанавливая пределы описанного пространства.

Координаты ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ влияют на семантику определенных именных групп, идентифицирующих так называемые уникальные объекты [Есперсен, 1958: 124], локализованные в пространственных образованиях разного масштаба – глобальном, напр., *Fate of the world* [Newsweek, 11.07.2005: 50], территориальном, напр., *We want to be part of the community, and everyone has taken us in* [Newsweek,

24.01.2000: 60], и трехмерном, соотносимом с КОНТЕЙНЕРОМ, напр., *They ordered everyone to lie face-down on the floor and hand over their cellular phones* [Newsweek, 24.01.2000: 44].

На изменение канонической репрезентации референтов обобщенной группы указывает неопределенный артикль, напр., *Tony Blair inhabits a dangerous world* [Newsweek, 11.07.2005: 50].

Реляционные определенные фразы локализуют референты относительно точек отсчета последовательностей, образованных в результате нового осмысления движения. Компоненты последовательностей обозначены порядковыми числительными, именующими очередность следования одинаковых сущностей, напр., *A poll last Friday showed she could score 20 percent in the first round next year, making her the "third man" her dad once was* [Newsweek, 28.02.2011: 43]. В составе определенных именных групп на начало последовательностей указывают существительные *advent, beginning, opening, origin, outset, start*, напр., *GOOD-BYE ECO-FREAKS, the Financial Times Deutschland headlined last week, predicting the advent of a long conservative era* [Newsweek, 18.07.2005: 28], прилагательное *early*, напр., *He entered the fledgling online business in the early '80s* [Newsweek, 24.01.2000: 29]. Промежуточные точки последовательностей обозначены определенными именными группами с существительным *middle*, напр., *Here lies Russia and here lies France, and we are in the middle* [Newsweek, 21.02.2011: 3], названиями месяцев, напр., *The February issue of the magazine 20 Anni repeated that one in three men would prefer to have their mothers choose their fiancées* [Newsweek, 13.03.2000: 6], и годов, напр., *sociologist who specializes in the generation born after 1974* [Newsweek, 1.06.1998: 22]. Конечные точки последовательностей идентифицированы определенными именными группами с прилагательными *last, final*, напр., *The final month of the campaign, the first debate and very possibly a decisive moment in American history* [Newsweek, 9.10.2000: 38], и существительным *end*, напр., *Russia at the end of last week still had no government at all* [Newsweek, 14.09.1998: 16].

Неопределенные реляционные фразы устанавливают ориентиры последовательностей, а поэтому сочетаются с предикатами со значением результата, напр., *But there was another long drama coming to an end that night* [Newsweek, 21.02.2011: 18]. В приведенном примере глагол *come*, обозначающий прекращение движения, указывает на окончание события.

Кроме последовательностей, определенные реляционные группы локализуют референты в диадах, противопоставляющих два объекта; триадах, состоящих из трех ориентиров; тетрадах, охватывающих четыре координаты.

Ориентирование в диадах, или оппозициях, опирается на первичные представления человека о пространственных отношениях, характерных для не менее, чем двух сопоставляемых объектов, которые в процессе развития трансформировались в оппозиции. О связи семантики определенных именных групп, ориентирующих человека в оппозициях-диадах, с разной перспективой репрезентации составляющих последовательностей свидетельствует употребление в древнеанглийском языке лексемы *other* в функции порядкового числительного «второй», которое обозначает более заметный ориентир последовательности [Skeat, 1993: 319]. Так, в предложении *Now it seems one of the brightest young leaders of the former Soviet space is on course to destroy the other* [Newsweek, 15.09.2008: 4] определенная фраза *the other* противопоставляет президентов двух бывших советских республик.

Кроме местоимения *other*, составляющие диад дифференцируются определенными именными группами с прилагательными *adverse, former/latter, negative, opposite, real, right/wrong*, если они предполагают выбор из пары, в которой один объект противопоставлен другому, напр., *I didn't live my life in the right way for politics, you know* [Newsweek, 16.05.2005: 49]. В приведенном примере прилагательное *right* соотносит способ жизни политика с первым компонентом оппозиции «правильный – неправильный». При отсутствии указания на диаду фразы с прилагательным этой группы принимают неопределенный артикль, включающий референт в состав последовательности, напр., *A former aide to the Duchess of York is being sought by police* [The Independent, 20.09.2000: 5]. В приведенном примере неопределенная фраза *a former aide* имплицитно указывает на наличие у Герцогини Йоркской нескольких бывших помощников.

Ориентирование в диадах осуществляется определенными именными группами с прилагательными в относительной степени сравнения (*the elder man, the weaker brother of the order, the lower edge of the parapet* и др.), ибо, как указывал еще О. Есперсен, у лексем *upper, outer, elder, latter* отсутствует значение сравнения [Есперсен, 1958: 292], напр., *The older son, Alaa, is a businessman who prefers soccer to the game of politics* [Newsweek, 21.02.2011: 20]. Неопределенный артикль во фразах с прилагательными в

сравнительной степени локализует референты относительно участников событий, напр., *But global capitalism's failure demands a deeper explanation. After all, capitalism is supposed to excel at allocating investment funds efficiently. In this case, it didn't. The deeper explanation is that market capitalism is not just economic system* [Newsweek, 14.09.1998: 20]. В первом предложении приведенного примера неопределенная фраза *a deeper explanation* предлагает более глубокое понимание ситуации, а определенная фраза *the deeper explanation* отсылает к созданному референту.

Ориентирование в триадах, образованных тремя точками отсчета, расширяет поле зрения, в котором локализуются референты. Отношения в триаде дифференцируются определенными фразами с прилагательными в превосходной степени, предполагающими выбор из трех составляющих, напр., *Actually I did the easiest thing, which was writing* [Newsweek, 21.02.2011: 17].

Последовательность компонентов определенных фраз дает основания для соотнесения семантики прилагательных в превосходной степени с вертикально ориентированной триадой. Во-первых, суперлатив следует за единицами, локализуемыми референт на горизонтали: после прилагательного *next*, напр., *"The greatest thing on earth is to have the love of God in your heart, and the next greatest is to have electricity in your home"* [Newsweek, 24.01.2000: 2], или порядковых числительных, напр., *Time Warner owns the second largest cable system* [Newsweek, 24.01.2000: 2]. Во-вторых, прилагательные в превосходной степени указывают на доминирование одних объектов над другими в аспекте высоты, напр., *The new China Executive Leadership Academy dominates a manicured campus covering 40 hectares of Shanghai's Pudong district. The massive chrome-and-mirrored-glass buildings are accented by architectural features in bright red. The color is appropriate: CELAP as actually a training center for the best and brightest cadres of the Chinese Communist Party* [Newsweek, 30.05.2005: 19]. В приведенном фрагменте единицы *dominate, massive buildings, the best and brightest cadres* подчеркивают главенство здания и находящихся в нем сотрудников. В-третьих, рассматриваемые определенные именные группы локализуют референты в иерархиях вертикальной структуры, напр., *U.S. and Pakistani officials called al-Libi's arrest one of the biggest Qaeda catches since Khalid Shaikh mohammed, the mastermind of 9/11 was captured in 2003. He is believed to have assumed KSM's place in the Qaeda hierarchy, ranking him just below bin Laden and his deputy* [Newsweek, 16.05.2005: 22]. В

приведенном примере суперлатив *biggest* размещает преступника на вершине организации, а высказывание *below bin Laden and his deputy* указывает на его менее высокий статус, чем у руководителя и его заместителя.

Подобно рассмотренным выше случаям неопределенный артикль в именных группах с прилагательными в превосходной степени устанавливает или характеризует референты на базовом уровне категоризации, напр., *Quite what Prince William said will remain mystery. But its reaction inspired a most unlikely comparison* [Daily Mail, 26.02.2011: 5].

Кроме прилагательных в превосходной степени, ориентирование в триадах осуществляется существительными *past, present, future*, обозначающими темпоральные точки отсчета, напр., *We put the past behind us and build a better future together* [The Daily Telegraph, 26.11.1998: 23].

На ориентирование в тетрадах, образованных четырьмя точками отсчета, опирается употребление определенных форм с попарно противопоставленными навигационными терминами *south, north, west, east* и образованными от них прилагательными, напр., *They belong to a handful of the 40,000 families who left the north and returned home to the south over the past four months in anticipation of independence* [Newsweek, 28.02.2011: 22]. Навигационные термины в ориентационной функции обозначают отдельные части локативных концептов разного масштаба: стран (*in the west*) и территорий (*the West Bank*).

Таким образом, определенные именные фразы соотносят референты с двумя разновидностями координат: топологическими, структурирующими пространство относительно тела человека и фрагментов ситуации, и реляционными, образованными точками отсчета в последовательностях и их фрагментах – диадах, триадах и тетрадах. В этих же именных группах неопределенный артикль указывает на установление или характеристику референтов на базовом уровне категоризации.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2001.
2. Есперсен О. Философия грамматики: пер. с англ. – М., 1958.
3. Rosch E. Structural basis of typicality effects // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1976. – Vol. 2. – P. 491–502.
4. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. Ware: Woodsworth Reference, 1993.
5. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

Коммуникативно-прагматические аспекты политического дискурса

Политическая коммуникация, как известно, ориентирована на пропаганду идей политического характера и побуждение граждан страны к определенным политическим действиям. Главная функция данного вида коммуникации – борьба за политическую власть в процессе коммуникативной деятельности. Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании.

В современном политическом дискурсе представлено три участника коммуникации, три субъекта действия: 1) адресант (говорящий) – такой участник коммуникации, который согласно своему волеизъявлению направляет речь к тому или иному коммуниканту; 2) прямой адресант (слушающий) – коммуникант, в политическом дискурсе чаще – соперник, который реально в разговоре может участвовать (и тогда это ситуация открытого противостояния), а может и отсутствовать в данный момент (ситуация скрытого противостояния); 3) адресат-наблюдатель («народ») – третий субъект политического действия, внимания которого добиваются политики, на чьи интересы ссылаются, чье мнение, как им кажется, представляют. Рассматривая роль адресата-наблюдателя в аспекте политического дискурса, необходимо учитывать наличие третьего субъекта, которое не просто осознается говорящим и прямым адресатом, Но и «самым непосредственным образом влияет на их коммуникативную интенцию» [Шейгал, 2000 (а): 66], а значит, на выбор стратегии речевого поведения.

Феномен полисубъектности политического дискурса требует осмысления в двух отношениях. Во-первых, симптоматичным представляется способ номинации субъекта, избираемый в том или ином случае (средства номинации субъекта: имя собственное, местоимение первого лица, нарицательное существительное одушевленное и др.), а во-вторых, особого внимания заслуживает факт обусловленности выбора стратегии речевого поведения (который осуществляет участник политической коммуникации) распределением коммуникативных ролей.

Содержание политической коммуникации можно свести к трем составляющим: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с

противником (агональность)» [Шейгал, 2000]. Данная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свои – чужие»: «ориентация есть не что иное, как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), интеграция – сплочение «своих», агональность – борьба против «чужих» за «своих». Поэтому естественным для политической коммуникации является стремление говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса и максимально уменьшить значимость статуса политического противника. Задача привлечения сторонников обуславливает необходимость постоянного учета адресата-наблюдателя, а, следовательно, возможность (или, скорее, обязательность) «игры на зрителя».

Таким образом, наличие полисубъектности, а также своеобразие коммуникативных ролей обуславливает такие особенности политического дискурса, как выбор участником политической коммуникации стратегии речевого поведения и стремление манипулировать аудиторией [Шейгал, 1998]. Уклонение от истины в политическом дискурсе является следствием тенденциозного представления действительности, связанного с целенаправленным преобразованием информации, т. е. с манипулятивным воздействием. Проблема достоверности/недостоверности информации является ключевой в интерпретации политических текстов, поскольку искренность, как условие правдивости сообщения, в политической коммуникации, как правило, уступает место соображениям политической выгоды.

В зависимости от характера информационных преобразований в политическом дискурсе разграничиваются следующие виды манипулирования: аргументативное манипулирование (нарушение логики развития текста, уклонение от обязанности доказывания, маскировка логических ходов) и референциальное манипулирование, связанное с искажением образа денотата. В рамках референциального манипулирования выделяются: а) фактологическое манипулирование, которое включает весь диапазон операций с истинностным аспектом высказывания – от полного искажения и частичного умолчания до полуправды (частичного искажения и частичного умолчания); б) фокусировочное манипулирование, сосредоточенное в основном в зоне частичного искажения. Политический дискурс представляет собой поле битвы между оппонентами, поэтому неотъемлемой частью диалога политических противников является вербальная реакция на уклонение от

истины, особенно на фактологическое манипулирование. Поэтому одним из характерных для политического дискурса речевых актов является опровержение (изобличение во лжи). Структура данного речевого акта включает обязательный компонент – констатация самого факта лжи и факультативные компоненты – а) доказательства недостоверности информации; б) указание на мотивы использования недостоверной информации. Для констатации факта лжи используются маркеры лжи и недостоверности: «якобы, так называемый, ложь, подлог, клевета, дезинформация, подтасовка, это не соответствует действительности, откровенно вешает людям на уши лапшу» и др. Фокусировочное манипулирование связано с изменением прагматического фокуса (точки зрения на денотат) и осуществляется в процессе номинативного варьирования. Данный тип манипулирования лежит в основе явлений эвфемизации и дисфемизации.

Интенция борьбы за власть находит отражение в таком свойстве политического дискурса, как агональность. Агональность является онтологическим свойством политического дискурса [Михалева, 2009]. Поскольку ни один политический режим не может существовать без коммуникации, язык (речь) признается неотъемлемой частью политического дискурса. Принимая во внимание агональность политического дискурса, речь в политике может быть понята и осуществлена как борьба, причём борьба и победа составляют главную цель общения. Целью политической коммуникации признается борьба за власть, а ее содержание сводится к публичному обсуждению вопросов власти. Основным прагматическим фактором общения является интенция – намерение, цель участников общения. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения. Среди типов дискурсивного (речевого) оружия А.К. Михальская называет речь, служащую целям завоевания власти, которая использует специальные аргументы, приемы защиты и нападения. Такой тип речевой системы А.К. Михальская характеризует как агональный и приходит к выводу, что агон – первый принцип социальных и речевых структур власти, первый принцип структурирования и социо-, и логосферы. Такая речь понимается как демонстрация борьбы (агональная демонстрация) [Михальская, 1996: 74]. А.Б. Верзуном агональность рассматривается с позиций междисциплинарного подхода и трактуется как лингвопрагматическая категория, которая имеет в своем основании политико-философский,

психологический и лингвистический аспекты, содержательный план и систему средств выражения [Верзун, 2005: 6]. Политический дискурс представляет собой демонстрацию борьбы, агона: «ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т. д.» [Шейгал, 1998: 67].

Агональность как борьба за власть детерминирует наличие в политике речевой агрессии. Речевая агрессия – использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манера речи, оскорбляющая человеческое самолюбие, унижающая достоинство. При максимально широкой интерпретации термина вербальная агрессия – это все виды наступательного, доминирующего речевого поведения. Во всех культурах развивается сфера политического дискурса, являющаяся ареной проявления универсальных речевых стратегий агрессии и примирения в дискурсивных практиках, связанных с разделением, утверждением и проявлением власти. На поведенческом уровне агональность представлена стремлением участников завладеть коммуникативной инициативой, что выражается в активности, направленной на захват коммуникативного канала. «Имея разные интересы и убеждения, участники вынуждены проводить свою линию в условиях непосредственного контакта с оппонентом, соответственно, каким-то образом регулировать его активность. ... Поэтому...большую роль приобретает активность, направленная на регуляцию динамики взаимодействия» [Ушакова и др., 1995]. Такая активность может выражаться через эпатаж, игнорирование и др. На языковом уровне (в отличие от поведенческого) обнаруживается, что избираемый коммуникантами способ общения предопределен как агональностью политического дискурса, так и наличием противоборствующих сторон (агональность, как и всякая борьба, не может быть реализована без соперника), наличием адресата-наблюдателя (агон – помимо борьбы, и театральное представление, немислимое без зрителей).

Любое политической выступление направлено на оказание воздействия на общественное мнение с целью убеждения адресата в правильности авторских позиций и привлечения аудитории на сторону автора, причем осуществляется это не только путем логической аргументации, но в большей степени за счет эмоционального воздействия на аудиторию. Персуазивность является доминантной функциональной характеристикой политического дискурса. Например, в публичной речи

политика как самостоятельном типе текста политического дискурса персуазивность реализуется в иерархии коммуникативных установок публичной речи через совокупность актуализаций, т. е. посредством структурного и семантического выдвижения определенных компонентов текста, приобретает статус доминирующего текстообразующего фактора. Когнитивный аспект связан с планированием и прогнозированием определенного речевого действия, в соответствии с имеющимися у коммуниканта знаниями, пресуппозициями и установками. Речевой аспект охватывает процессы выбора и комбинирования языковых средств при создании персуазивного текста для выражения в нем определенного концептуально-тематического, функционально-прагматического и формально-стилистического содержания под контролем глобальной стратегической цели.

Политический дискурс традиционно рассматривается как институциональный: коммуниканты представляют определенные социальные институты и структуры, а, следовательно, являются носителями определенной идеологии. Идеологизированность политического дискурса определяет ориентацию последнего на «навязывание» этой идеологии массовому реципиенту, на формирование общественного сознания. Персуазивность определяется как речевое воздействие автора письменного или устного текста на сознание адресата с целью побуждения последнего к (не)совершению определенных посткоммуникативных действий в интересах отправителя сообщения и представляет собой категориальное понятие, интегративное в своем содержании по отношению к аргументации, суггестии и манипуляции. При этом персуазивность, в отличие от более широкого, родового по отношению к нему, понятия «речевое воздействие», обозначает «убеждающее воздействие» в разнообразии и комплексе форм его проявления [Молодыхенко, 2010, Лавринова, 2010, Голоднов, 2008].

Эзотеричность политического дискурса проявляется в наличии в нем категории прогностичности, соотносимой с категорией интерпретируемости текста. Существование данной категории обусловлено тем, что адресант в манипулятивных целях стремится «зашифровывать» содержание сообщения, вследствие чего адресат вынужден совершать толковательную (прогностическую) деятельность.

Под воздействием данных факторов в политическом дискурсе формируются соответствующие коммуникативные стратегии. Под

коммуникативной стратегией понимается план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств. Каждая стратегия политического дискурса реализуется благодаря использованию определенного набора тактик. Речевая тактика – это конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована в тактиках демонстрации негативных личных качеств кандидата путем «навешивания ярлыков», в распространении слухов, в использовании специфических метафорических обозначений и др. Во всех культурах развивается сфера политического дискурса, являющаяся ареной проявления универсальных речевых стратегий агрессии и примирения в дискурсивных практиках, связанных с разделением, утверждением и проявлением власти.

Таким образом, в процессе политической коммуникации происходит не только передача информации, но и оказывается эмоциональное воздействие на адресата, преобразуется существующая в сознании человека политическая картина мира.

Список литературы

1. Верзун А. Б., Гендерная агональность политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2005.
2. Лавринова Н.И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2010.
3. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М., 2009.
4. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособие для студ. гуманитар. фак-тов. – М., 1996.
5. Молодыхенко Е.Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2010.
6. Ушакова Т.Н. Слово в действии, Слово в действии. Интент-анализ полит. дискурса. 2000.
7. Шейгал Е. И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. – Волгоград, 1998. С. 55–68.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.

Особенности употребления пассивных конструкций в современных немецких научных текстах

В центре внимания данной статьи находится взаимодействие пассивной семантики с темпорально-аспектуальными значениями в современной немецкой научной речи.

Материалом для исследования послужили тексты научной и научно-популярной литературы по лингвистике, истории, биологии, экономике, физике и химии. Общий объём проанализированного материала составил 3283 пассивные конструкции, извлечённые из текстов путём сплошной выборки. Объект изучения – личные пассивные конструкции типа *werden+Partizip II*.

В ходе исследования были установлены следующие специфические черты пассивных конструкций с точки зрения их темпорально-аспектуального потенциала в современных немецких научных текстах.

Основной темпоральной функцией презенса пассива в данных видах текстов является выражение настоящего неактуального постоянного (53,1 %) или абстрактного (46,9 %).

Настоящее постоянное – констатирует наличие того или иного отношения, не связанного с временными ограничениями. При обозначении постоянного действия в плане настоящего времени не выражается протекание действия в момент речи, хотя и не исключается, что постоянное действие действительно и для этого момента [Бондарко, 1980: 631]. В.В. Вычегжанин [Vyčegžanin, 1980: 227] указывает на то, что в этом значении презенс часто употребляется в пословицах, поговорках, законах и правилах. Причинами тенденции презенса пассива к выражению закономерностей, правил или констатации фактов являются следующие: 1) обобщенный характер пациенса, выраженного абстрактным существительным или существительным во множественном числе; 2) присутствие лексических показателей, указывающих на то, что это утверждение действительно является правилом или постулатом; 3) употребление инфинитива пассива с модальными глаголами *müssen* или *sollen* в презенсе. Как известно, модальные глаголы *müssen* и *sollen* могут обозначать объективную или субъективную необходимость выполнения какого-либо действия, которая переходит в закон или правило.

Настоящее абстрактное выражает повторяющееся, обычное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи. Настоящее абстрактное включает в себе отвлечение от конкретных действий, осуществляющихся в определённый период времени: к широкому плану настоящего времени относится не то или иное конкретное действие, а неопределённый ряд его повторений [Бондарко, 1980: 631]. При выражении презенса пассива данной темпоральной характеристики основную роль играют лексические индикаторы, которые указывают на частотность повторения ситуации, например:

(1) *Einige Arten dieser Erzwespen werden in 16 Ländern auf mehr als 18 Millionen ha regelmäßig gegen verschiedene Schadschmetterlinge eingesetzt* (Sitzungsberichte und Anzeiger, 1997).

Нередко презенс пассива реализует вышеупомянутую функцию с помощью сложноподчинённых предложений с придаточным предложением условия, например:

(2) *Wenn die Entlassung durch Entschädigungs – und Abfindungslasten wesentlich verteuert wird, dann läuft das genauso wie der Bestandsschutz auf eine spürbare Verschlechterung der Wettbewerbsfähigkeit von Arbeitsuchenden hinaus...* (Die Weltwirtschaft, 2003).

Итак, в ходе анализа было установлено, что презенс пассива в научных и публицистических текстах тяготеет к выражению временной нелокализованности. Действие предстаёт либо как обладающее высшим уровнем абстракции, постоянным значением, описывая закономерности и правила, либо как повторяющееся, обычное, типичное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи. Сущность последнего (узуального презенса) заключается в том, что он образует так называемые предельно-кратные ситуации, т. е. такие ситуации, которые предполагают неопределённое число повторений с одним или несколькими объектами. Презенс в таких примерах чаще всего либо неопределённого характера и имеет форму множественного числа, либо его природа такова, что позволяет регулярно проводить неопределённое количество законченных действий.

Нелокализованность действия может быть сопряжена со значением качественности. Анализ эмпирического материала показывает, что практически у половины примеров презенса пассива (45,1 %),

выражающих настоящее неактуальное (постоянное или абстрактное), прослеживается наличие семы качественности. Данную функцию презенса пассива реализует, как правило, при помощи показателя возможности – модального глагола *können*, например:

(3) *Ein solches experimentelles System wurde von Tjandra und Bax entdeckt, die erkannten, dass dipolare Kopplungen in verdünnten flüssigkristallinen Medien gemessen werden können* (Angewandte Chemie, 2004).

Футур пассива встречается в исследуемых типах текстов довольно редко (0,2 %). В большинстве случаев функцию выражения действия в его транспозиции в будущее выполняет футуральный презенс. Нами выделяются следующие причины тенденции замены футура футуральным презенсом в пассивных конструкциях: 1) конструктивная сложность грамматической формы футура пассива; 2) наличие в семантике вспомогательного глагола *werden*, участвующего в образовании презенса пассива, семы будущности.

Исходя из анализа немногочисленных примеров в футуре пассива, мы можем предположить, что в его семантику входит указание на предстоящую завершённость действия.

Ведущей формой, выражающей прошедшее время в пассивных конструкциях, является претерит (претерит пассива – 87,9 %, перфект пассива – 10,2 %, плюсквамперфект пассива – 1,9 %). Высокая частотность употребления претерита пассива объясняется его неоднозначностью во временном плане, т. е., претерит пассива может выполнять не только функции претерита, но также функции перфекта и даже плюсквамперфекта. Так, например, он способен выражать предшествование по отношению к настоящему, будущему и прошедшему действию. В примере (4) претерит пассива выражает предшествование в прошлом, т.е. выполняет функцию плюсквамперфекта.

(4) *Negativ beeinflusst wurde die Entwicklung der Brackwespe *Phanerotoma flavitestacea* in Larven von *Ephestia kuehniela*, die kurz zuvor mit Toxinen eines Granulosevirus **geimpft wurden*** (Mitteilungen aus der Biologischen Bundesanstalt für Land-und Forstwirtschaft, 1998).

Основным аспектуальным признаком пассивных конструкций с предикатом в прошедшем времени является выражение завершённости действия. Данное значение, выраженное претеритом (54,1 %) или перфектом (56,3 %) пассива, в прагматическом плане часто используется

для точной передачи фактов. Нередко завершенность действия, выраженная вышеупомянутыми временными формами, сопровождается аспектуальным значением актуальности действия для последующего периода. Претерит (7,4 %) и перфект (6,7 %) пассива способны выражать аспектуальный признак завершенности действия при актуализации процессности. Процесс изображается здесь замкнутым в конкретных временных рамках, которые устанавливаются различными лексическими единицами, например:

(5) *In den letzten 80 Jahren wurde eine beachtliche Zahl an Studien über natürliche Feinde von Vorratsschädlingen erstellt* (Mitteilungen aus der Biologischen Bundesanstalt für Land-und Forstwirtschaft, 1998).

(6) *Innerhalb eines Zeitraums von rund zehn Jahren sind damit sowohl in Westteil auch in Osteuropa entscheidende Schritte hin zu einer Vereinheitlichung rechtlicher und institutioneller Rahmenbedingungen geschaffen worden* (Die Weltwirtschaft, 2003).

Основной темпоральной функцией плюсквамперфекта пассива в исследуемых видах научных текстов является выражение значения предшествования по отношению к прошедшему времени. Данная функция накладывает свой отпечаток на аспектуальное значение этой временной формы, т.е. обычно значение прошлого сочетается с подчёркиванием завершенности действия.

Следует подчеркнуть, что данная статья не претендует на полное и исчерпывающее описание темпорально-аспектуальных характеристик пассива. Она представляет собой лишь попытку определить специфические особенности пассивных конструкций с точки зрения их темпорально-аспектуального потенциала в современных немецких научных текстах. Данная проблематика многогранна и требует более подробного изучения.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Глагол. Категория времени // Русская грамматика: в 2 т. – М., 1980. Т. 1. – С. 604–613.
2. Vyčegžanin V.V. Wechselbeziehungen zwischen den Bedeutungen des Tempus und des Genus verbi // Deutsch als Fremdsprache. 1980. Jg. 35, H. 4.

**К вопросу об актуализации оценочного значения
в рамках категории безличности**

Причины существования безличных конструкций в системах различных языков давно служат предметом споров синтаксистов, лингвокогнитологов и лингвокультурологов.

Сталкиваясь с разнообразием безличных конструкций в некоторых языках, ученые зачастую склонны искать причины этого явления не в истории и системе самого языка, а в экстралингвистических факторах: специфических культурных традициях, своеобразии менталитета народа и т. п. При отсутствии общепринятых концептуальных подходов и методики рассмотрения соответствующих фактов главная опасность, подстерегающая исследователей синтаксиса в контексте этнической культуры и культурологии – это опасность идеологизации и политизации [Тарланов, 1999: 15].

Большая часть современных исследований категории безличности и особенностей безличных предложений проводится в русле лингвокультурологии. Так, А. Вежбицкая, рассматривая безличность в сопоставительном аспекте, пытается найти параллели между флективным русским и аналитическим (в силу этого синтаксически и морфологически скудным) английским языками, видит в безличности некую «неконтролируемость и иррациональность» русского менталитета, «общую пациентивную ориентацию» русского синтаксиса, которая якобы является следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению [Вежбицкая, 1996: 55–76]. Аргументированную критику указанной точки зрения с различных теоретических позиций (см. работы Г.А. Золотовой и др. [Золотова и др., 1998: 240–41; Тарланов, 1999: 5–16; Колесов, 2000: 57–58]). С разных позиций исследовали безличные конструкции З. Трестерова, З.К. Тарланов, С.Г. Тер-Минасова и другие лингвисты. Во всех этих исследованиях безличность рассматривается как отражение менталитета, культуры соответствующей этнической общности. В подобных исследованиях, как правило, не учитывается собственно лингвистический аспект данных конструкций, обусловленный строением системы самого языка (на всех уровнях – морфологическом, синтаксическом, лексическом, семантическом), его эволюцией, а также не учитывается (или учитывается

несколько однобоко – идеологизированно в определенной степени) когнитивный субстрат речемыслительной деятельности человека. З.К. Тарланов, сопоставив русские и английские предложения типа *Светает – It dawns; Холодно – It is cold; Меня тошнит – I am sick*, увидел в развитии русских безличных предложений прогрессивную тенденцию к объективированию содержания за счет структурного развития русского синтаксиса, тенденцию, которая не свойственна современному английскому языку [Тарланов, 1999: 11–14].

Как показывает исследуемый материал, зачастую причины актуализации концепта «безличность» связаны, с одной стороны, с чисто структурными особенностями того или иного конкретного языка, с другой стороны, безличность как языковая универсалия, не может не обладать ментальным субстратом, детерминирующим реализацию той или иной конфигурации на уровне сентенциональной формы.

В традиционной грамматике **личность / безличность** всегда рассматривается как оппозиция, однако, лингвисты не всегда так однозначно разводят данные категории, предполагая наличие зон взаимного наложения данных категорий с близкими категориями: с категорией одушевленности (личности) / неодушевленности (неличности) и с категорией лица (личности, персональности). Вторая пара терминов – **подлежащность / бесподлежащность** – применительно к описанию устройства предложения также служит объектом обоснованной критики. Споры идут и вокруг соотношения подлежащности / бесподлежащности с личностью / определенно-личностью / неопределенно-личностью / безличностью. При этом основная проблема типологии заключается в выяснении специфики и причин существования **бесподлежащих** предложений в системе некоторых языков номинативного строя.

Подобная неоднозначность трактовки происходит по причине излишне формализованного подхода к языковым явлениям. С позиций когнитивной лингвистики любая категория имеет полевою структуру, следовательно, данная характеристика с необходимостью предполагает полевое строение и категории личности / безличности. Наиболее ярко данное положение можно продемонстрировать на примере некоторых так называемых окказионально-безличных предикатов, предлагающих носителю языка широкий репертуар актуализационных средств по линии реализации категории личности / безличности. Данный тезис подкрепляется также тем фактом, что вариативность в данном аспекте

проявляют исключительно предикаты, обладающие полифункциональным статусом. Рассмотрим следующие примеры в отношении реализации личного / безличного значения в семантике предиката:

- (1) *He seems a good professional.*
- (2) *He seems to have traveled a lot.*
- (3) *He seems to me to be a good professional.*
- (4) *He seems to me to have traveled a lot.*
- (5) *It seems to me that he is a good professional.*
- (6) *It seems to me that he has traveled a lot.*
- (7) *It seems that he is a good professional.*
- (8) *It seems that he has traveled a lot.*
- (9) *It seems to me to be raining.*
- (10) *It seems to be raining.*

В традиционной грамматике предложения (1) – (4) рассматриваются как однозначно личные, так как форма субъекта и его семантика вполне однозначно коррелируют с понятием субъекта (как логического, так и синтаксического), однако, семантика предиката *to seem* не предполагает актуализации агенса эксплицитно, это обусловлено валентностными свойствами данного глагола. Помимо градации по линии реализации значения личности / безличности, которую можно наблюдать в данных примерах, семантика предиката также осложняется наличием категориального значения «оценочность», причем в реализации данного значения также наблюдается вариативность. В примерах (1), (3), (5), (7) оценка носит характер отношения, которое носит достаточно субъективный характер и актуализируется за счет качественного прилагательного – предиката пропозициональной (диктумной) части, в то время как в примерах (2), (4), (6) и (8) оценка носит более объективный характер, представляет собой оценку-мнение, обладающее свойством верифицируемости. Общеизвестно, что любое оценочное высказывание обладает тремя обязательными конституентами, которые могут выражаться как эксплицитно, так и имплицитно, но жестко детерминированы семантикой оценочного высказывания, но не его конфигурацией. Эти конституенты следующие: субъект оценки – объект оценки – оценочный предикат. Однако, представляется обоснованным включить в эту схему также четвертый конституент, с обязательностью актуализируемый в любой оценочной конфигурации – модусный предикат, или связка (данная формулировка принимается исключительно во избежание смешения понятий «оценочный предикат» и «предикат оценки»).

Форма пропозициональной части данных высказываний может, как показывают представленные примеры, обладать вариативностью. В чистом виде пропозициональная структура диктумной части представлена только в примерах (5) – (8), т. е. в структурах, соотносимых с конфигурацией безличной структуры, имеющих классическую форму «вводное *it* + *CVP/CNP*». На конфигурационном уровне в высказываниях (5) и (6) также актуализируется субъект оценки *to me*, т. е. в этих случаях оценка выражается от 1-го лица. Таким образом, пропозициональное содержание, соотносящееся с онтологической ситуацией четко «встраивается» в модально-прагматическую рамку, при этом на семантическом уровне все компоненты оценочного высказывания, кроме субъекта оценки, четко прослеживаются: *IT* (индицирующий элемент, сентенционально-конструктивного уровня) – модусный предикат – субъект оценки (косвенное дополнение, только в примерах (5) и (6)) – объект оценки (субъект пропозициональной части) – оценочный предикат. При этом, в данных примерах, с (5) по (8) включительно наблюдается градуальное усиление значения безличности (с ослаблением эксплицитности субъектности и степени субъективности оценки).

Примеры (1) – (4) в традиционной грамматике попадают в разряд собственно-личных, однако, при проведении анализа структуры данных оценочных высказываний, наблюдается следующая картина. Во всех предложениях данного типа модально-прагматическая рамка, собственно, рамкой не является. Она «встроена» в пропозициональную часть, составляет часть ее, по крайней мере, на сентенциональном уровне. Субъект предложения-высказывания не совпадает с субъектом оценки, на глубинном уровне это объект оценки. Таким образом, структуру данных оценочных предложений-высказываний можно представить следующим образом: субъект оценки (только в примерах (3) и (4) – косвенное дополнение) – модусный предикат – объект оценки (субъект всех приведенных примеров) – оценочный предикат. По форме данные предложения, как уже было сказано выше, являются полноценными личными предложениями, однако, актуализация субъекта оценки происходит далеко не всегда, а, если и происходит, то только в форме косвенного дополнения, что «сдвигает» данный тип предложений-высказываний из сферы ядра категории личности в сферу более близкую к периферийной области.

Собственно безличным в полном смысле этого понятия является только предложение (10). Структура данного предложения-высказывания выглядит следующим образом: индицирующее *it* – модусный предикат – оценочный предикат (семантически безличный предикат). Объект оценки при данной семантической структуре не возможен. Субъектом оценки является всегда говорящий, причем, его актуализация в поверхностной структуре предложения не всегда звучит грамматично (см. пример (9)).

Таким образом, в данном случае выбор говорящим той или иной структуры для построения высказывания обусловлен исключительно прагматическими факторами, проявлением личности / безличности в целях манифестации различной степени субъективности / объективности оценки и устраненности / выраженности субъекта оценки, ибо, как демонстрируют вышеприведенные примеры, только эти параметры обладают вариативностью на синтаксисно-семантическом уровне.

Список литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
3. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности // Мир русского слова. – № 2. – 2000.
4. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. – Петрозаводск, 1999.

Е. А. Листраткина

Грамматические средства выражения дуративного и статального оттенков длительного способа действия

В немецком языке категория вида отсутствует, но существует категория акциональности, или способа протекания действия. Различные оттенки протекания действия передаются системой средств выражения аспектуальности: семантикой глагола, глагольными временными формами во взаимодействии с обстоятельственными словами или лексическими индикаторами, процессуальными конструкциями (*haben+zu+Infinitiv*, *sein+zu+Infinitiv*, *beginnen+zu+Infinitiv*), а также при помощи контекста.

Среди всех способов действия (СД) выделяется длительный СД, синонимами которого являются «продолжительность» и «временная протяженность».

К длительному СД относятся дуративный, статальный и реляционный СД. Нам интересен дуративный и статальный СД и грамматические средства их выражения.

Под дуративным СД мы будем понимать физическое или душевное состояние, связанное с развитием, или длительное действие, отличающееся от многократности и повторяемости отсутствием представления действия как ряда точек, как серии повторяющихся результатов. Под статальным СД мы будем понимать физические и душевные состояния, а также положение в пространстве. Для выражения дуративного и статального оттенка длительного СД используются лексические, грамматические и синтаксические средства.

Рассмотрим некоторые грамматические средства выражения дуративного оттенка длительного СД:

Первым и довольно распространенным средством выражения дуративного СД являются обстоятельственные слова во взаимодействии с временными формами. Хотя А.А. Кульбакин, Б.М. Балин, Н.Ф. Фомина и утверждают [Кульбакин, 1977: 17, Балин, 1955: 6; Фомина 1967: 114], что презенс и претерит указывают на длительность действия, сами по себе формы глагола не могут указывать на длительность действия. Чтобы показать длительность действия, нужна и семантика глагола, и отсутствие или наличие лексических индикаторов.

(1) Teresa blättert in einer Zeitschrift, aber sie überfliegt nur die Bildunterschriften. (E. Peters).

В этом примере употреблен неопределенный глагол blättern в форме презенса. Однако, длительность действия следует не из формы презенса, а из семантики самого глагола и из отсутствия ограничивающих длительность лексических индикаторов.

(2) Er trug in der linken Rocktasche einen geladenen Revolver, ... (H.Kesten).

В примере (2) глагол tragen нейтральный. Но в данном предложении он получает четкое неопределенное значение. Нейтральные глаголы получают значение П/НП с помощью взаимосвязи со словами в предложении. В нашем примере существует связь глагола tragen с обстоятельством места in der linken Rocktasche, при отсутствии обстоятельства направления / цели, которые требуют винительного падежа. В.С. Пачковский говорил, что при выражении длительности действия глагол всегда управляет дательном падежом [Пачковский, 1955:

8]. В примере (2) нейтральный глагол становится неопределенным в сочетании с обстоятельством места в дательном падеже, глагол *tragen* употребляется в претерите, а значит, учитывая все эти моменты, можно сказать, что действие в этом примере длительное.

Кроме предложений с презенсом и претеритом глаголов, встречаются примеры на употребление неопределенных глаголов в перфекте и плюсквамперфекте. Но, как правило, эти формы встречаются в диалогической речи и обязательно в сочетании с какими-нибудь обстоятельственными словами.

(3) Ich habe *zehn Jahre* mit mir gekämpft: Soll ich Heimfahren? (A. Seghers, S.9).

Этот пример свидетельствует об употреблении НП глагола *kämpfen* в перфекте с обязательным наличием обстоятельного слова *zehn Jahre*, которое и указывает на длительность действия.

(4) *Jahrelang* hatte er versucht, mit dieser Frau zurechtzukommen. (E. Peters).

В этом примере глагол в плюсквамперфекте употреблен в сочетании с обстоятельным словом *jahrelang*, которое как раз и подчеркивает длительность действия, а сама форма плюсквамперфекта нерелевантна в плане выражения длительности действия.

С.А. Шубик утверждает также, что и футурум I может указывать на длительность действия [Шубик, 1984: 171]. Поскольку сама форма не может выражать значение длительности, то необходимо рассматривать глагол и второстепенные члены предложения.

(5) Sie wird diesen Tag bewusst leben und geniessen. (E. Peters)

В этом примере длительность действия выражается неопределенными глаголами *leben* и *geniessen* в футурум I.

Таким образом, можно сделать вывод, что для выражения значения длительности действия часто используются презенс и претерит неопределенных глаголов, а также и другие временные формы при обязательном наличии обстоятельных слов.

Еще одним средством выражения значения длительности действия следует считать дуративные конструкции. Под дуративными конструкциями мы будем понимать, вслед за А.А. Кульбакиным, Б.М. Балиным, Л.Б. Гарифулиным, следующие: *haben+zu+Infinitiv* (НП глагола); *sein+zu+Infinitiv* (НП глагола); *beginnen+zu+Infinitiv*;

scheinen+zu+Infinitiv (НП глагола) [Кульбакин, 1977: 18; Балин, 1955: 12; Гарифулин, 1972: 73].

Однако, сразу оговоримся, что мы не во всем согласны с мнениями А.А. Кульбакина, Б.М. Балина, Л.Б. Гарифулина, поскольку конструкция haben+zu+Infinitiv выражает длительность не действия, а долженствования.

(6) Auch diese Frau hat ihr Kreuz zu tragen. (E. Peters).

Вся эта конструкция в целом указывает на длительность долженствования, а не на длительность действия. Хотя глагол tragen – НП глагол, но выражает длительность действия сам по себе, независимо от употребления в составе конструкции.

Конструкция же scheinen+zu+Infinitiv используется для выражения состояния длительного процесса, а не длительного действия.

(7) Der Kellner scheint uns nicht zu sehen. (Dreyer, Schmitt).

Глагол sehen – неопределенный глагол и именно благодаря ему действие длительное, а вот глагол scheinen указывает на состояние длительного процесса.

А теперь рассмотрим конструкцию beginnen+zu+Infinitiv.

(8) Auf hoher See begann Allan fieberhaft zu deponieren. (B. Kellermann).

С одной стороны, эта конструкция указывает на начало действия, поскольку глагол beginnen фазовый и выражает начинательное значение. Но с другой стороны, эта же конструкция подразумевает и продолжение начавшегося действия, так как в речи, как правило, выражается одна из фаз, а остальные предполагаются. Эта длительность ограничена в своем начале, но не имеет конечной границы. Действие, выраженное глаголом deponieren, итеративное, т. е. повторяющееся. Действие может быть выражено также и П глаголом, но все равно конструкция будет указывать на его длительность.

(9) Anna begann ihre Reisetasche auszupacken und verteilte die Sachen auf Couch, Sessel und Bett. (J. Pfaue).

С одной стороны, здесь выражается начало действия, с другой стороны, подразумевается и продолжение действия: говорится о начале действия auspacken, которое состоит из многочисленных отдельных действий, в том числе и verteilen. Длительность ограничена в своем начале, а кроме того действие предельное, но предел этот достаточно далек и в предложении не выражен.

К грамматическим средствам можно отнести и предлоги *während* и *bis*, которые также выражают длительность действия.

(10) *Mit unzerstörbarer Liebe, mit tiefer Trauer dachte ich während der Heimfahrt an Maria Luisa.* (A. Seghers).

В нашем примере предлог *während* перед отглагольным существительным, обозначающим длительный процесс, указывает также на длительность действия. Предлог же *bis* указывает на конечный предел действия, уже когда-то начавшегося.

(11) *Wir Studenten beredeten dieses Ereignis bis in die Nacht.* (A. Seghers).

В этом примере длительность действия выражается предельным глаголом *bereden*, а предлог *bis* указывает на достигнутый конечный предел действия, т.е. мы знаем конец действия, а о его начале мы можем только догадываться.

Теперь рассмотрим грамматические средства выражения стального оттенка длительного способа действия.

Первым средством выражения значения длительности, относящимся к грамматическим, можно считать временные формы. Но поскольку сами временные формы не могут указывать на длительность состояния, то необходимо рассматривать также семантику глагола и отсутствие или наличие лексических индикаторов.

(12) *Vor dem Hause lag ausserdem ein alter Friedhof, der schon *seit langem* stillgelegt war.* (E. M. Remarque)

Длительное состояние здесь выражается благодаря НП глаголу *liegen* в претерите без взаимодействия с обстоятельственным словом. Но сама временная форма не указывает на длительность. В придаточном предложении также выражается длительное состояние, но благодаря уже наличию пассива состояния и сочетанию с обстоятельственным словом, указывающим пункт начала, возникновения этого состояния.

(13) *Triebel stand an seinem alten Platz, als hätte er ihn gar nicht verlassen.* (A. Seghers).

В этом примере длительное состояние выражается НП глаголом *stehen* в претерите. Однако, сама временная форма претерита не выражает ЗД, его выражает семантика глагола *stehen*. Это длительное состояние усиливается наличием сравнительного придаточного предложения, которое подчеркивает длительность состояния.

Большинство лингвистов утверждают, что временные формы презенс и претерит выражают длительность. Однако, наше мнение расходится с их мнением. На наш взгляд, сами временные формы нерелевантны в выражении длительности. Чтобы выразить длительность, необходим НП глагол и лексические индикаторы. С другой стороны, НП глаголы в любой временной форме могут выражать длительность. Рассмотрим это на примере глагола *warten*, который содержит в своей семантике указание на длительность состояния.

(14) Ich kam aus dem Zimmer des Chefarztes, Köster wartete auf mich in der Halle. (E. M. Remarque).

(15) Wir haben ewig lange auf euch beide gewartet nach der Vorstellung. (J. Pfaue)

(16) Ich hatte hinter ihm gewartet bei der Kontrolle unserer Papiere. (A. Seghers).

(17) Und darauf werden Britt und ich nun eben vergebens warten. (J. Pfaue)

В этих примерах глагол *warten* употреблен в претерите, перфекте, плюсквамперфекте и футуруме I, сами по себе эти формы не выражают длительность. Она выражается глаголом *warten*, причем в перфекте с обязательным лексическим индикатором.

Следующим средством выражения длительного состояния является составное именное сказуемое.

(18) Er ist rettungslos verliebt in die Spanierin. (E. M. Remarque).

Длительное состояние выражается составным именным сказуемым *ist verliebt*.

(19) Hobby war *noch immer ein wenig* in Maud verliebt. (B. Kellermann)

(20) Mauds Laune war *noch immer ausgezeichnet*. (B. Kellermann)

В отличие от примера (18), здесь длительное состояние еще и усиливается дополнительно лексическим индикатором *noch immer*. Глагольно-именное сказуемое, выступая в конструкции *scheinen+zu+Infinitiv* также может выражать длительное состояние.

(21) Der junge Mann scheint mit sich und der Welt sehr zufrieden zu sein. (E. Peters)

К грамматическим средствам выражения длительного состояния можно отнести и предлоги *während* и *bis* в рамках простого предложения.

(22) Ich weiss noch, dass ich *während des Abendessens* im leeren Schlafzimmer blieb. (A. Seghers).

Длительное состояние выражается НП глаголом *bleiben* и конкретизируется обстоятельством времени с предлогом *während*. Этот предлог указывает границы начала и конца длительного состояния. Поскольку имя существительное является отглагольным, то само указывает на действие/ процесс. Подобная структура предложения является синонимичной явлению синхронии действий. Но в предложении показывается длительное состояние, протекающее одновременно с длительным действием *Abendessen*.

(23) *Er ist bis fünf in seiner Stunde.* (E. M. Remarque)

Длительное состояние, выраженное глаголом *sein*, ограничено предлогом *bis*. Начальный момент этого состояния неизвестен, но предлог *bis* точно указывает конечный предел этого длительного состояния.

Таким образом, были представлены разноуровневые грамматические средства выражения дуративного и статального оттенков длительного способа действия. Можно сказать, что самым распространенным грамматическим средством выражения данных оттенков длительного способа действия являются временные формы с лексическими индикаторами, а также употребление конструкций *haben+zu+Infinitiv* (НП глагола); *sein+zu+Infinitiv* (НП глагола); *beginnen+zu+Infinitiv*; *scheinen+zu+Infinitiv* (НП). Этот способ широко представлен в немецкой литературе.

Список литературы

1. Балин Б.М. О роли словосочетаний и контекста в разграничении “способов протекания действия” в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1955.
2. Гарифулин Л.Б. Акциональный уровень категории аспектуальности. // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. III. – Челябинск, 1972.
3. Кульбакин А.А. Средства выражения аспектуальности в современном немецком языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. .... канд. филол. наук. – М., 1977.
4. Пачковский В.С. Проблема взаимосвязи между выражением способов протекания действия и управлением глаголов в современном немецком языке: автореф. дис. .... канд. филол. наук. – Львов, 1955.
5. Фомина Н.П. Способы выражения характера протекания действия (состояния) в немецком языке // Вопросы синтаксиса, стилистики и методики преподавания немецкого языка. – Л., 1967.
6. Шубик С.А. Аспектуальность и залоговость в немецком языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л., 1984.

Список источников

1. Dreyer H., Schmitt R. Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik. Max Hueber Verlag, 2006.
2. Kellermann B. Der Tunnel. Aufbau-Verlag Berlin, 1957.
3. Pfaue J. Anna Ballerina. Bindlach: Loewe, 1989.
4. Peters E. Frauen ohne Männer. Ein Ulstein Buch, Frankfurt / M: Berlin, Ulstein, 1987.
5. Remarque E.M. Drei Kameraden, Юпитер-Импэкс, Москва, 2005.
6. Seghers A. Überfahrt (Eine Liebesgeschichte). Aufbauverlag Berlin, 1971.

И. А. Солодилова

К вопросу о статусе оценочных предикатов

Ценности и оценки являются объектами изучения различных научных дисциплин, среди которых философия, психология, социология, лингвистика.

В рамках традиционной лингвистики оценки и ценности являются объектом исследования, прежде всего, при изучении семантики лексических единиц. При этом исследования, направлены большей частью на лексические единицы, подвергающихся в морфологическом отношении изменению по степеням сравнения, в семантическом – градации и интенсификации признака, в синтаксическом – функционирующих в качестве усилительных частиц. Во всяком случае, из исследований традиционно исключалась группа слов, обозначаемая как «relationelle Adjektive» [Geckeler, 1971: 237], «Attributiva» [Brinkmann, 1971: 96], «Bezugsadjektive» [Schäublin, 1972: 238], главной отличительной чертой которых является их неспособность изменяться по степеням сравнения в силу неградуируемости выражаемого ими признака. Эти прилагательные, по мнению исследователей, не содержат в своих прямых значениях оценочного компонента [Вольф, 2006: 29], [Unterforsthuber, 1982: 25]. Однако, как показывают наблюдения, оценочное отношение говорящего может быть выражено в речи и с помощью относительных прилагательных (Ср. *Это тебе не шлакоблочный, это кирпичный дом!*).

Это связано с тем, что оценка в языке не может быть представлена лишь семантической классификацией предикатов и объяснена исключительно из их семантических особенностей, выявлением которых долгое время был ограничен исследовательский поиск.

Так, с одной стороны среди оценочных предикатов выделяются общеоценочные и частнооценочные слова [Вольф, 2006: 28–33], [Арутюнова, 1999: 198–200] с другой указывается на необходимость

проводить различие между собственно оценочными словами и качественными предикатами, развившими оценочные коннотации в ходе употребления (*опрятный, сообразительный, энергичный*), а также отличать оценку от оснований оценки, не входящих в семантику оценочного предиката [Арутюнова, 1999: 161]. Выводы подобного рода углубляют наши знания о видах оценки, но в то же время имплицитно подразумевают неоднозначность интерпретации оценочной природы высказываний в реальной коммуникации (Ср. *Das Auto ist echt schnell! Endlich ein heller Tag!*).

Согласно представленной точке зрения прилагательные типа *schnell, hoch, tief, hell, laut* и т.п., оценочными не являются, поскольку представляют собой основание оценки. Однако высказываниям, приведенным выше едва ли можно отказать в оценочном характере. Существует и другая точка зрения, согласно которой прилагательные указанного типа относятся к оценочным на основе градуируемости заложенного в их семантике признака [Fries, 1994: 11], характеризуясь, однако, значительными отличиями в своем функционировании от прилагательных группы *gut, schlecht, blöd, doof, klug, dumm* и т.п.¹

Традиционно подчеркивается, что между прилагательными первой и второй групп существуют лингвистически значимые отличия. Прилагательные первой группы могут более или менее точно определить специфическую для соответствующего объекта величину („*Die neuen Züge sind extrem schnell. Die neuen Züge sind über 300 Stundenkilometer schnell.*“) [Ibid.]. Для предикатов *gut, schlecht, blöd* и т.п. это не возможно. Это обстоятельство проявляется в следующих языковых фактах. Если прилагательные первого типа образуют выражения, значения которых заключаются в определении величины/размера, то прилагательные второго типа допускают подобное употребление лишь при специфических условиях.

(1) a) *Sein Haus ist dreimal so groß/*klein wie mein.*

b) *Diese Reise ist doppelt so lang/*kurz wie die letzte.*

(2) a) *Dein Projekt ist dreimal so gut/schlecht wie sein.*

b) *Er ist tausendmal (= viel-viel) netter/- als sie.*

---

¹ Фрис, на наш взгляд, не совсем обосновано выделяет эту группу прилагательных в общем ряду оценочных как эмоциональные, поскольку далеко не все из них, как например, *gut, schlecht, klug* непременно связаны с выражением эмоционального отношения к объекту речи. Знакомство с указанной работой позволяет сделать вывод, что речь в данном случае идет об обще- и частнооценочных предикатах, оценочный компонент которых представлен в семантике слова на системно-языковом уровне (подробнее см. далее)

В то время как *dreimal* в предложениях (1) обозначает, или может обозначать точную величину, то, как показывают примеры в (2), при прилагательных *gut* и *nett dreimal (tausendmal)* выступает как усилительная частица. Именно поэтому такие слова не употребляются с прилагательными, характеризующимися высокой интенсивностью называемого ими признака: **Dein Projekt ist dreimal so ausgezeichnet, wie sein*. Для этих прилагательных не характерна также и асимметрия в употреблении антонимов, очевидная в первом случае.

Прилагательные первой группы, часто образуют антонимичные пары, члены которых относятся к противоположным полюсам соответствующих шкал, например, *schnell – langsam, kurz – lang, groß – klein* и т.д. Образование антонимичных пар прилагательными второго типа, во-первых, не характеризуется системностью (для таких прилагательных как, например, *blöd, doof* не существует однозначных антонимов), а, во-вторых, антонимы этой группы проявляют себя в речи совершенно иначе.

Различия между этими группами прилагательных часто объясняются их лексическими особенностями. Указывается в частности на то, что в семантическом отношении прилагательные типа *lang* имеют два аргумента: в любой возможной дистрибуции они имеют отношение к *предмету* (внешний аргумент), которому приписывается некоторый признак в определенном *объеме* (внутренний аргумент) относительно класса сравниваемых объектов или общепринятой шкалы: *lang – die [zwei Meter]lange [Strecke]*. Лексическая особенность прилагательных типа *gut* объясняется тем, что они, напротив, имеют лишь один аргумент: *der gute [Vortrag]* [Fries, 1994: 13].

На наш взгляд различия в функционировании прилагательных названных групп определяются комплексными отношениями между данными предикатами и характеризуемыми ими величинами, семантические связи лишь частично определяют эти отношения. В данном случае предикаты первой группы отличаются от второй в частности тем, что обозначают признаки, для которых в мире существует признанная мера длины, высоты, громкости и т. п., тогда как для прилагательных второй группы ее нет.

Еще одно различие между анализируемыми группами прилагательных, находящееся во взаимосвязи с выше названными факторами, состоит в закреплении или соответственно незакреплении шкалы за определенным признаком. Прилагательные первого типа постоянно связаны с одним и тем же признаком предмета, прилагательные

второго типа могут относиться к любому признаку сравниваемых объектов, т.е. отличаются «комплексностью содержания» [Арутюнова, 1999: 200]. И только контекст позволяет определить, о каких признаках здесь идет речь, хотя иногда он и называется: *По своим изоляционным качествам материал хороший*. Но и в этом случае данные признаки определяются лишь нашим знанием о мире и о соответствующих предметах. Поэтому насколько предложение *The planet is good*, приводимое Катцем в его работе [Katz, 1964] как бессмысленное исходя из семантических признаков имени [Ibid: 756], все же имеет смысл, будет зависеть от контекста. А то, что контекстов, придающих смысл этому предложению, гораздо меньше, чем таковых у предложения *Эта книга хорошая*, зависит от свойств самих планет и книг, а не от свойств лексем *планета* и *книга*, и определяться эти возможные контексты должны на основе общих когнитивных, а не лингвистических принципов.

Все следующие предложения: а) *Das Buch ist gut*. б) *Das Messer ist gut*. в) *So ein schönes Bild*. г) *Das Kleid ist super!* д) *Dieses Messer taugt nicht viel*. е) *Der Film ist spannend*. ж) *Das Auto ist aber sehr schnell!* з) *Das Messer ist aber aus Plastik*. и) *Sie haben sechs Kinder!* к) *Steck das nicht in den Mund!* л) *Entschuldigen Sie mir meine Verspätung*. могут в определенных экстралингвистических условиях быть интерпретированы как оценочные, но только часть из них, а именно предложения с предикатами *gut*, *schön*, *super*, *nicht taugen*, *spannend*, обязательно получит эту характеристику во всех мыслимых речевых ситуациях. Отличия касаются также и выражения знака оценки – отрицательного или положительного. Будет ли в выражениях (f – l) выражена положительная оценка, зависит от различных ситуативных факторов, в том числе и от культурных предпосылок.

Примеры (к, л) показывают также, что оценки могут быть предпосылками, или иначе пресуппозиционным содержанием определенных речевых актов (Ср. [Sandig, 1979], [Zillig, 1982]). Так, например, в речевом акте *просьбы* говорящий оценивает то, о чем просит, положительно, а в случае *запрета* и *извинения* оценка предполагаемого / совершенного поступка будет отрицательной.

Высказывания, которые в том или ином отношении могут классифицироваться как оценки, получают эту характеристику на основе своих совершенно разных свойств. К этим свойствам относятся наряду с лингвистическими факторами и различные экстралингвистические факторы.

Особенность оценки как разновидности когнитивной деятельности человека состоит в соотнесении объекта оценки по тому или иному признаку (основанию оценки) с некоторой шкалой или эталоном и определении его места относительно этих координат. Иными словами, субъект оценки наделяет объект оценки значимым для него (субъекта) признаком (ср. рус.: *полезный, вредный, интересный, скучный*; нем.: *gesund/ungesund (Essen), interessant, langweilig, schön*) или определяет его количественно (вес: *тяжелый, легкий; schwer, leicht*; ширина: *узкий, широкий; eng, breit*; объем: *большой, маленький; groß, klein*) на основе собственного или имеющегося в социуме стереотипного знания. Значимость признака для субъекта оценки (включенность в круг его интересов и потребностей) предопределяет его прагматический характер, в чем заключается еще одна особенность оценки: она не затрагивает онтологии мира [Болдырев/Магировская, 2009: 14]. В этом оценка как результат вторичного, интерпретативного осмысления мира отличается от дескрипции – приписывании объекту онтологических признаков (свойств и отношений, обусловленных средой их существования) как результате первичного осмысления мира (ср. рус.: *кирпичный, деревянный, лесной, молочный*; нем.: *gläsern, hölzern, eisern*)¹. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что как только онтологический по своей сути признак приобретает для говорящего значимость, то есть становится прагматическим по своему характеру (входит в круг интересов и потребностей говорящего субъекта), он становится основанием оценки, и выражение приобретает оценочный характер: *Это тебе не шлакоблочный, это кирпичный дом!* Оценка представляет собой в данном случае результат актуализации некоторых, связанных с основным признаком, и обусловлена сравнением названных характеристик на основе имеющегося стереотипного представления о хорошем доме: *кирпичный – из кирпича – природного материала, обладающего хорошей теплоизоляцией и экологически чистого* – характеристики, воспринимаемые (по крайней мере, в европейской культуре) однозначно как положительные по сравнению с характеристиками шлакоблока. В подобных случаях часто говорят об оценке как дополнительной, добавочной информации, обусловленной фактором субъекта. Однако, на наш взгляд, и здесь, при реализации оценочного потенциала лексической единицы в тексте речь

---

¹ Ср с широким пониманием оценки в концепции М.В. Никитина, считающим, что оценка возможна на каждом из пяти выделяемых им уровней: онтологическом, эпистемическом, прагматическом, эмотивном и репрезентационном [Никитин, 2003: 66].

идет не о привнесении оценочности из вне, как добавочной стоимости, а об актуализации определенной части лексического значения, если под последним понимать «объективно сложившуюся в ходе истории общества систему знаний, которая стоит за словом, то, что объединяет носителей языка в понимании той или иной номинации [Попова, Стернин, 2003: 58].

Таким образом, градуируемость признака едва ли может служить решающим критерием отнесения лексической единицы к оценочным. Наблюдения показывают, что оценка может быть выражена в речи любым словом/сочетанием слов при наличии фактора прагматической значимости для говорящего обозначаемого им состояния дел, когда из используемого выражения логически следует вывод «И это хорошо/плохо». При этом следует лишь различать оценку, фиксированную отдельным языковым знаком на системно-языковом уровне, и оценку контекстуальную, когда в лексическом значении слова на основе контекста или речевой ситуации актуализируется признак, имеющий особую значимость для говорящего и соответственно получающий знак «+» или «-». К первой группе относятся предикаты общеоценочного и частнооценочного характера, описанные в [Арутюнова, 1999: 198–200]. Это лексические единицы, оценочное значение которых составляет основу их семантики (*хороший, приятный, увлекательный, красивый, добрый, полезный, правильный, эффективный* и т. п.) вследствие того, что они не связаны с онтологическими признаками¹ объектов мира, а определяются перспективой субъекта речи. Данные предикаты могут использоваться в речи только как оценочные. В отличие от них остальные могут выступать как в функции дескрипции, констатируя наличие того или иного сущностного признака, так и в функции оценки, если этот признак приобретает особую – прагматическую значимость для субъекта. Оценочное отношение говорящего выражается в данном случае через указание на основание оценки, которая (в смысле формулы *И это хорошо / плохо*) содержится в виде выводного знания. В концепции Р. Хартмана [Hartman, 1973] эта дихотомия объясняется наличием родовых и видовых ценностей и соответственно оценок предметов и вещей на основе их объективных свойств (родовые оценки) и оценок на основе интересов, предпочтений и прочих субъективных факторов.

---

¹ Разделение признаков предметов на онтологические и неонтологические также имеет относительный характер, проявляющийся, например, при сравнении таких признаков как *добрый* и *сладкий*. И в том и в другом случае речь идет о нашем восприятии, и не секрет, что определение вкусовых параметров (сладкий, соленый, горький и т.п.) разными людьми может отличаться.

Таким образом, прилагательные, обозначающие вес, высоту, длину, скорость, температуру объектов, а также конкретные вкусовые качества и т. п., т. е. в основе своей градуируемые признаки, едва ли отличаются в смысле оценочного характера от тех, которые относятся к группе неградуируемых, или относительных. И те и другие могут использоваться как в функции дескрипции: *Baumwolle gehört zu den leichten Stoffen – Hier gibt es viele seidene Sachen*, так и в функции оценки: *Diese Daunenjacke ist sehr leicht!* (Und das ist sehr gut.) *Nimm doch sie! – Das ist doch eine seidene Bluse, kein Polyester!* (Und das ist sehr gut.). Следует еще раз подчеркнуть, что и в том и в другом случае оценка основывается на наших знаниях о мире и соответствующих предметах и потому не может быть сведена исключительно к семантическим свойствам лексических единиц.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7–16.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2006.
4. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. – СПб., 2003.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003.
6. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2 Aufl. – Düsseldorf, 1971.
7. Fries N. Bewertung. Linguistische und konzeptuelle Aspekte des Phänomens. In: Überredung in der Presse. Texte. Strategien. Analysen/ hrsg von Markki Moilanen; Liisa Tiittula – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 1994. S. 1–31.
8. Geckeler H. Zur Wortfelddiskussion. Untersuchungen zur Gliederung des Wortfeldes “alt – jung - neu” im heutigen Französisch. (Int. Bibl. Für allgemeine Linguistik 7). München 1971.
9. Hartman R. S. Formal Axiology & the Measurement of Values // Value Theory in Philosophy and Social Sciences/ Ed. By E. Laszlo and J.B. Wilbur. – N.Y.; Paris, 1973. – Vol. 2. – P. 38–46.
10. Sandig B. Ausdrucksmöglichkeiten des Bewertens. In: Deutsche Sprache 1979. – № 7. – S. 137–159.
11. Schäublin P. Das adnominale Attribut in der deutschen Sprache der Gegenwart. (Studia Linguistica Germanica 5). – Berlin/N.Y. 1972. – S. 84–149.
12. Zillig W. Bewerten. Sprechakttypen der bewertenden Rede. – Tübingen, 1982.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

С. И. Алаторцев

Роль словообразования в ассимиляции англо-американских заимствований в современном немецком языке (в сфере экономики и финансов)

Исследователи-лингвисты пытаются выяснить, насколько значителен вклад заимствований в систему немецкого языка и как функционируют заимствования в этом языке. Очевидно, что лексико-семантическая система немецкого языка и заимствованная лексика взаимодействуют и влияют друг на друга.

Следует подчеркнуть, что влияние английского языка на немецкий проявляется не только в заимствованной лексике, но и в заимствовании некоторых языковых явлений. Происходит калькирование не только отдельных слов, но и семантических процессов. В частности, немецкий язык заимствовал структурный англо-американский образец – краткость слова. Это наблюдается в сокращении немецких слов с целью уподобления этому образцу: Information-»Info, Universität-»Uni.

Заимствованное слово может ассимилироваться и уподобляться немецкому слову, но может быть и совершенно непохожим на него. Стандартное немецкое слово имеет свои определенные характеристики. Прежде всего, оно состоит из немецких фонем, иноязычные звуки сразу же придают слову нестандартный характер. Для слоговой структуры немецкого слова тоже существуют определенные правила. Ударение также является показателем, отличающим стандартное слово от нестандартного. Еще один показатель типичности немецкого слова – его морфологическая членимость. В немецком языке существует значительное число слов, обладающих нестандартной формой, это слова иноязычные и в различной степени ассимилировавшиеся, «онемечившиеся».

Судьба заимствований может складываться по-разному. Слово, функционируя в языке, развивается в особом, лингвистическом, или внутреннем времени. Историю слова, в общем, составляют 3 стадии:

- возникновение новой единицы;
- утрата новизны, ассимиляция, адаптация слова, переход его в разряд традиционных или часто употребляемых;
- исчезновение слова, его отторжение, забвение.

При этом некоторые заимствования могут полностью адаптироваться (морфологически, фонетически, орфографически); они начинают участвовать в словообразовании. Другие же могут исчезнуть, не развиваясь, будучи словами однократного или кратковременного употребления. Третьи могут пройти все стадии развития и по различным причинам устареть.

В большинстве случаев заимствования появляются в языке как слова, сохраняющие свой иноязычный характер (Fremdwörter). Нередко они таковыми и остаются, поскольку были заимствованы как дань моде на иностранные слова, и нестандартная форма является их единственной ценностью.

Но все-таки многие слова, чье появление в языке объективно обусловлено, подвергаются ассимиляции: фонетической, орфографической, морфологической.

Не все заимствования ассимилируются в равной степени. Большое значение имеет возраст заимствования, а также частота его употребления и значительность выражаемого им понятия. Чем раньше возникло заимствование, чем чаще оно используется; чем важнее его денотат, тем быстрее и полнее оно ассимилируется.

На протяжении веков англоязычная лексика заимствовалась немецким языком в результате разносторонних контактов между носителями этих культур и языков. Одной из основ человеческой цивилизации является хозяйственно-экономическая деятельность человека, которая проявляется и в языковых отношениях. В частности, это относится к заимствованию лексики одного языка другим. Иногда достаточно трудно назвать точное время заимствования слова языком. Тем не менее, возможно установить время появления заимствования в языке, хотя бы в определенную эпоху. Для каждого этапа развития англо-американо-немецких отношений характерны свои особенности, в том числе и в заимствовании лексики немецким языком.

Развитие мирового хозяйства, международные экономические связи, интеграция в Европе в настоящее время активизируют принятие немецким языком англоязычной лексики. Очевидно, что этот процесс будет продолжаться и дальше.

Англоязычные заимствования (АЗ) составляют один из самых крупных пластов лексики, пришедшей в немецкую финансово-экономическую терминологию в различные эпохи. Языковеды

интересовались вопросами проникновения АЗ во все сферы немецкого языка. Однако, с нашей точки зрения, мало исследовалось участие АЗ в немецком словообразовании. И напрасно, поскольку участие заимствованной лексики в деривации и словосложении языка-рецептора – один из главных признаков «онемечивания», ассимиляции заимствований. То, что многие англоязычные слова и интернационализмы не вытесняются исконно немецкими словами, а наоборот, закрепляются в языке, объясняется, в частности, чисто языковыми, лингвистическими причинами: англо-американские лексемы нередко более продуктивны с точки зрения словопроизводства, чем их немецкие соответствия, например, *das Joint Venture* и *das Gemeinschaftsunternehmen*. Попытки пуристов, особенно в XIX–XX вв., создать равноценные синонимы для англо-американизмов с целью полного вытеснения последних из языка или их оттеснения на задний план большей частью не были успешны. Функционирование АЗ в композитах и дериватах препятствует их исчезновению из немецкого языка.

В наше время АЗ является, пожалуй, основной тенденцией в развитии современной немецкой финансово-экономической лексики. Они и раньше активно участвовали в немецком словообразовании, но в последнее время заимствования появляются серийно и в больших количествах, чем прежде. В настоящее время заимствованные основы и аффиксы включаются в собственно немецкое словопроизводство, что отражает тенденцию к его «интернационализации» вследствие широких международных контактов.

Большая часть заимствований в финансово-экономической терминологии немецкого языка также является интернациональной лексикой, заимствованной и другими языками, например, *Futures* – рус. фьючерс, *Holding* – рус. холдинг, *Leasing* – рус. лизинг, *Management* – рус. менеджмент. Однако есть множество АЗ, существующих лишь в немецком языке. Кроме этого, словообразование в немецком языке на базе АЗ имеет свои уникальные особенности.

АЗ дали немецкому языку много производных существительных и прилагательных как простых, так и сложных, а также производных глаголов и причастий, сокращений. Нередко возникает проблема определения их морфологической структуры с позиций языка-источника и с позиций языка-рецептора в зависимости от того, существует ли определенный аффикс в ряде слов языка-рецептора или же он является морфемой отдельных заимствованных лексических единиц.

Большое число АЗ имеет мощный словообразовательный потенциал в качестве основ, новых в структурном и семантическом отношении. Среда языка-рецептора развивает у многих подобных лексем способность образовывать новые слова с помощью всевозможных продуктивных способов немецкого словообразования. Вот несколько примеров рядов родственных слов:

Export, exportieren, Exportation, exportiert, Exportartikel, Exporthandel, Exportfracht, Exportproduktion, Exportkredite, Exportland, Exportware и др.;

Manager, Management, managen, Managing, Bankmanagement, PR-Management, Management group, Managing group, Top-Manager и др.

Следует обратить внимание на отличие многих словообразовательных конструкций с участием АЗ от традиционных сложных и производных слов, появляющихся при помощи собственного языкового материала. Характерный признак таких конструкций – присутствие в одном слове морфем и языка-источника, и языка-рецептора. Следует также отметить, что среди АЗ и производных на их базе явно преобладают существительные.

В процессе немецкого словообразования активно участвуют различные аффиксы и другие морфемы, причем как свойственные немецкому языку, так и заимствованные из других языков. Кроме этого, каждый отдельно взятый элемент словарного запаса имеет свои особенности развития и употребления.

Иногда достаточно сложно провести поморфемный анализ лексемы, так как в разных словах один и тот же элемент может выполнять разные функции, например, элемент ex в словах Exmanager, Ex-Präsident, Exdirektor; extra, Express, exchange, exotisch.

Некоторые заимствованные элементы быстро проникают в словообразовательные процессы немецкого языка и продолжают дальше развиваться в нем, независимо от языка, из которого были заимствованы. Такую судьбу переживают mini-, super-, top- (Mini-, Super-, Top-), заимствованные в XX веке, активно участвующие в словообразовании в качестве префиксальных образований и вытесняющие немецкие соответствия. Например: das Mini-Unternehmen, das Mini-Geschäft, das Mini-Testing, der Super-Dealer, der Super-Manager, der Super-Trader, der Top-Manager, das Top-Unternehmen.

Иноязычные и немецкие морфемы, основы и аффиксы предстают в различных комбинациях.

Нередко заимствованная морфема, представляющая собой основу и несущая лексико-понятийное значение, появляется в языке только в связи с определенными словообразующими морфемами или флексиями и сама по себе в свободном виде не употребляется; например, широко распространены производные Manager, Management, Managing, managen, но сама основа manag – в свободном виде не употребляется (ср. в англ. to manage), также нагляден пример Adjustierung, adjustable, однако основа adjust в немецком языке не существует в отличие от английского.

Следует отметить, что ряд морфем, заимствованных из английского и участвующих в словообразовании, представлен вариантами:

Division – dividieren, Dividende;

Kontroller – Controller;

Kompany – Company.

Процесс деривации в немецком языке с участием англоязычных заимствований имеет свои особенности и для различных частей речи (морфологических категорий).

Словосложение является для немецкого языка одним из самых продуктивных способов словопроизводства, одной из ведущих тенденций в развитии языка. Многие композиты носят краткосрочный или даже единовременный характер, но, тем не менее, постоянно возникают новые сложные слова, которые закрепляются в экономической лексике немецкого языка.

Одни лексемы более продуктивны в словопроизводстве, другие – менее продуктивны, но бесспорно то, что в современном словообразовании участвуют как новейшие заимствования, так и более ранние.

Сложные слова-заимствования можно разделить на три группы по этимологическому происхождению их составляющих:

1. Гибридные композиты, состоящие из английских и немецких композитов и образованные либо по английскому образцу, либо без него: Kursmakler, Leasing-Gesellschaften, Managerkrankheit, Marketing-Massnahmen, Team-Arbeit.

2. Композиты, целиком состоящие из англоязычных основ и заимствованные дословно:

Clearing-House, Euroclear, Globalplayer, Teamwork, Direkt-banking, Elektronik-Cash, Home-Worker.

За счет новейших заимствований этот класс представлен довольно многочисленно. Поскольку существуют расхождения в написании подобных заимствований, то они перекликаются с устойчивыми заимствованными словосочетаниями.

3. Существует также группа слов, состоящих из немецких компонентов, но образованных по английскому образцу. Это, в основном, кальки и мнимые заимствования. Данная группа слов немногочисленна, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами:

das Firmengeschenk, das Gemeinschaftsunternehmen (для Joint-Venture); die Verkaufsforderung (для sales promotion); das Fiskaljahr (для fiscal year); die Teilzeitarbeit (для part-time work).

Одним из способов создания новых языковых единиц является сокращение (die Abkürzung). Немецкий язык позаимствовал у английского тенденцию к максимально экономичному, краткому языковому выражению. Наиболее часто это наблюдается в сокращении слова или группы слов, например Info для Information, Incoterms для international commercial terms. Стремление к языковой экономии, краткости, созданию клише достаточно сильно в немецкой экономической терминологии. Не всегда обязательной причиной возникновения аббревиатуры служит влияние английского языка, как, например, в случае с GmbH – Gesellschaft mit beschränkter Haftung. Здесь более вероятной причиной кажется внутриязыковое развитие. Тем не менее, немецкий язык заимствовал большое количество сокращений и аббревиатур из английского языка. В основном это имена существительные, а также прилагательные и причастия, есть и сокращения от наречий.

Написание сокращений, как и их структура, различны. Большинство сокращений являются аббревиатурами, составленными из начальных букв составляющих компонентов.

Например: AAR (against all risks), a/d или a.d. (after date), ADP (automatic data processing), a/o (account of), A.P. (authority to pay), A/P (account paid), a/r или A/R (all risks), a/s или a.s. (after sight), ASR (automatic Send and Receive), BE или B/E (bill of exchange) и многие другие.

Существует ряд сокращений, в которых компоненты (все или хотя бы один) представлены несколькими буквами, например: АСК (Acknowledgment).

Таким образом, АЗ в сфере экономики и финансов, придя в немецкий язык, стали его равноправными составляющими и имеют полное право на существование аналогично исконным немецким словам. Заимствование англоязычной лексики является в настоящий момент одной из ведущих тенденций в немецком экономическом языке и, скорее всего, эта тенденция сохранится и усилится в XXI в.

Политические клише и штампы в современном английском языке

Уильям Сэфайр, известный политический журналист и лексикограф, автор словаря политического языка США, в предисловии к своему словарю цитирует Бенджамина Дизраэли: «Посредством слова мы управляем людьми» [Safire, 2008a: ix]. Поэтому неудивительно, что язык политики состоит не только из «сухих» терминов, но и из так называемых «политических клише», формирующих общественное мнение.

Цель этой статьи – рассмотреть некоторые современные политические клише в английском языке, их происхождение и закономерности их появления и функционирования.

Клише – это «речевые стереотипы, готовые обороты, используемые в качестве легко воспроизводимого в определенных условиях и контекстах стандарта» [Розенталь, 1997: 127]. В политической лексике существует множество таких «готовых оборотов». В качестве примера можно взять стереотипы советской политики: «железный занавес», «интернациональный долг», «страны народной демократии» и т. д. Политические клише, или штампы, характеризуются образностью и ярким эмоциональным содержанием, как и родственные им публицистические штампы: «Образная же экспрессия, сила которой состоит в индивидуальной неповторимости, неизбежно переходит в разряд штампов при условии безудержного массового воспроизводства. Например: «белое, чёрное и пр. золото» ('хлопок', 'нефть'), «большая литература», «люди в белых халатах» и т. д.» [ЛЭС, 1990: 480].

Политические клише не только являются шаблонными выражениями, но и демонстрируют приверженность определенной идеологии, поэтому часто существуют в оппозициях: концепция со знаком «плюс» или минус получает свою противоположность. Более того, клише не исчезают с изменением политической ситуации, а приспособляются к новым реалиям. Эти свойства описаны в «Словаре языка политики» Уильяма Сэфайра [Safire, 2008a: x–xii].

Символом отношений периода «холодной войны» и биполярной структуры мира можно считать метафору «evil empire», авторство которой принадлежит Рональду Рейгану. В своем выступлении на христианской конвенции в 1983 году Рейган призвал аудиторию «не игнорировать исторические факты и агрессивные действия «империи зла» («not to ignore the facts of history and the aggressive impulses of an evil empire») [McIntyre, Burns, 2008: 498]. Так родилось новое политическое клише.

Метафора «evil empire» уступила место выражению «axis of evil», изобретение которого приписывается Дэвиду Фруму, спичрайтеру президента США Дж.У.Буша [Frum, 2003: 125]. Это пример контаминации двух клише: обсуждавшегося выше «empire of evil» и распространенного в исторической науке обозначения стран гитлеровской коалиции как «Axis powers»⁷. В ежегодном обращении президента к Конгрессу в 2002 году были следующие строки по отношению к таким странам, как Ирак, Иран и КНДР: «эти страны, и их террористические союзники, составляют «ось зла», угрожающую миру во всем мире» («States like these, and their terrorist allies, constitute an axis of evil, arming to threaten the peace of the world») [Lind, Bernard, 2007: 146]. Фрум в своей книге позже признался, что сознательно создал выражение, которое вызвало бы ассоциацию со Второй мировой войной.

Синонимом «axis of evil» является выражение «rogue states» («государства-изгои»), которое отражает ту политику изоляции, которую США и их союзники проводят в отношении этих государств. Это выражение широко употребляется в прессе: «Кто бы мог поверить, что стремление Обамы встретиться с руководителями «стран-изгоев» станет официальной политикой?» («Who would believe that Obama's willingness to meet with rogue state leaders will become official policy?») [Charen, 2010: 5]. Администрация президента Обамы заменила это негативное клише нейтральным «outliers», «обособленные государства».

Войдя в моду, термин «axis of evil» стал продуктивной моделью для появления окказионализмов, появившихся в нескольких политических статьях. По отношению к европейским странам, не поддержавшим внешнюю политику США в отношении Ирака, употребляется шуточно-издевательская игра слов «axis of weasel» («weasel» разг. «проныра») в заголовке статьи *New York Post* [Ott, 2003: 1-2].

«Axis of evil» и «rogue state» из расхожих политических клише превратились в термины, употребляемые в документах по американской внешней политике. Если дипломаты США характеризуют какое-то государство, как «rogue state», это означает, что государство включено в ежегодный отчет министерства иностранных дел США «Country Reports on Terrorism» как «страна-спонсор терроризма». Существует другое определение для стран с «недемократическим режимом правления»: «captive nations», «страны-пленники», которые необязательно являются угрозой для мировой безопасности. Список этих стран был составлен и

опубликован как законодательный акт президентом Эйзенхауэром, а государственный комитет по делам этих стран – National Captive Nations Committee – активно работает и в настоящее время. В отличие от «rogue state», где подчеркивается агрессивность «стран-изгоев», клише «captive nations» показывает население жертвами своих режимов.

Страны, противостоящие «оси зла», обозначаются в западной политической риторике как «free world». Это клише также имеет свою историю. В 1940-е годы это выражение относилось к странам-союзникам (например, в Нью-Йорке в 1940-е годы выпускалась брошюра в поддержку союзников под названием *Free World*). Во время холодной войны так назывались страны «западного блока», и в 90-е годы журналисты заговорили о том, что это клише можно считать устаревшим [Minot 2007: 12].

Однако этот штамп не умер. В эпоху Буша-младшего это клише характеризовало США и их союзников, причем не только в деле борьбы с терроризмом, но и в самом широком смысле. Например, президент Буш отозвался о действиях министра иностранных дел США Кондолизы Райс как о защите принципов «free world». Барак Обама еще во время своей предвыборной кампании охарактеризовал должность президента США как «leader of the free world» [Safire, 2008b: 12].

Оппозиция «сил демократии» и «сил террора» – не единственное глобальное противопоставление. Американские политики и журналисты во время второй войны в Ираке стали в критическом тоне говорить об «old Europe», о тех странах, которые не поддержали американскую позицию в этой войне – главным образом, Германии и Франции. Первым это клише употребил в своем интервью министр обороны США Д.Рамсфельд: «Германия и Франция – это еще не вся Европа. Это *старая Европа*. Центр влияния НАТО в Европе смещается на восток» («Now, you are thinking of Europe as Germany and France. I don't. I think it's *old Europe*. If you look at the entire NATO Europe today, the center of gravity is shifting to the East») [Cornwall, 2003: 2]. В противоположность «old Europe», американские журналисты стали говорить о «новой Европе», «new Europe» – бывших социалистических странах центральной и восточной Европы, которые после распада СССР безоговорочно встали на сторону США: президент Франции Ж.Ширак критиковал «новую Европу, которая огрызается на старую, усиливая межконтинентальные разногласия» («New Europe" barked back at "old Europe" today, deepening the continental rift.») [Smith, 2003: 2].

Интересно, что отказ от политических клише тоже может быть риторическим приемом. Именно так лингвисты характеризуют стилистику речей нового президента США Барака Обамы. В противоположность Дж. Бушу-младшему, чьи выступления были перенасыщены хлесткими политическими штампами, Барак Обама старается их избегать, и употреблять вместо них нравственно-религиозные устойчивые выражения: «audacity of hope» (клише дало название его книге), «conventional wisdom», «abiding faith» («дерзость надежды», «народная мудрость», «несокрушимая вера») и т. д. [Mieder, 2009: 1–5].

Итак, политические клише и штампы не существуют в изоляции друг от друга, они образуют синонимические ряды, антонимические пары. Они не исчезают бесследно с прекращением той идеологической ситуации, которая их породила, а продолжают существовать в измененном виде, часто образуя синонимические ряды или же «разбивая» устойчивое выражение для того, чтобы на его основе создать новое клише. Каждая новая идеология использует образный потенциал уже существующих клише.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). – М., 1990.
2. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. – СПб., 1997.
3. Charen, Mona Under Obama, 'Rogue States' are mere 'Outliers' // Washington Observer. 11 апреля 2010 года. – С. 5.
4. Cornwall, Rupert Rumsfeld 'mends fences' by lumping Germany with Cuba and Libya in an axis of bad boys // The Independent. 8 февр. – 2003. – С. 2.
5. Frum, David The Right Man: The Surprise Presidency of George W. Bush. Random House, 2003.
6. Lind, Nancy, Tamas, Bernard Controversies of the George W. Bush presidency: pro and con documents. Greenwood Publishing Group, 2007.
7. McIntyre, Susan, Burns, William Speeches in World History. Infobase Publishing, 2008.
8. Mieder, Wolfgang «Yes We Can»: Barack Obama's Proverbial Rhetoric. Peter Lang, 2009.
9. Minot, Walter «Dump 'Free World' in Sea of Dated Words» // Atlanta Journal-Constitution. – 27 февр. – 2007. – С. 12.
10. Ott, Scott UN Meets Weasels to Hear New Iraq Evidence // New York Post. 14 февр. – 2003. – С. 1–2.
11. Safire, William Safire's Political Dictionary, Oxford University Press, 2008 (2008a).
12. Safire, William «Free World» // The New York Times. 29 августа 2008 года (2008b). С. 5.
13. Smith, Craig «Chirac Scolding Angers Nations That Back U.S» // The New York Times. 5 февр. – 2003. – С. 2.

Слово и сферы его употребления (на материале французского языка)

Лексический состав языка представляет собой совокупность очень разных слов с точки зрения сферы их применения. Одни слова употребляются часто и повсюду, в текстах любых жанров и людьми различных социальных слоев и возрастов. Сфера других слов ограничена. Так, из синонимов *mourir, décéder, expirer, trépasser, claquer, casser la pipe* один носитель языка может никогда не употреблять некоторые слова, хотя все они ему одинаково понятны, другой отдает предпочтение какой-то одной или двум лексемам, третий, в зависимости от обстоятельств, прибегнет к разным языковым единицам. Ни один человек не знает всех слов своего родного языка. Иногда ему неизвестно понятие, хотя слово знакомо, так часто происходит с политическими терминами, заимствованными новыми словами, например, в русском языке консенсус, паритет и т. д. Иногда известно понятие, но неизвестно, каким словом оно выражается, например, название хорошо знакомого цветка или растения. Иногда неизвестно ни понятие, ни слово, и человек даже не предполагает, что оно существует. Но, несмотря на различные формы выражения, обусловленные индивидуальными особенностями человека, уровнем его культуры и степенью образованности, профессиональной принадлежностью и социальной отнесенностью, национальный язык, как средство общения всех членов данной нации, является общенародным и в этом смысле единым. В то же время национальный язык бесконечно многообразен, он является для миллионов людей средством выражения мысли в самых различных областях и условиях деятельности.

Французский национальный язык формировался на протяжении многих веков. Первые литературные памятники, дошедшие до наших дней, относятся к X–XI векам.

К VIII–IX векам на территории страны сформировались две разновидности языка, которые получили свое название по способу произнесения утвердительной частицы *oui* «да». Как предполагают лингвисты, разграничение языка на две ветви произошло в значительной степени по причине германских нашествий – там, где влияние франкского суперстрата оказалось наиболее сильным и продолжительным, возникли северные и восточные диалекты: валлонский, пикардский, нормандский, шампанский, франсийский.

К югу от Луары осталась территория, наиболее романизованная, которую почти не затронуло германское господство и где *langue d'oc* принимает форму гасконского, провансальского, лангедокского, лимузенского и других диалектов. Существовала и пограничная зона франко-провансальских диалектов, расположенная в районе Лиона – до и вдоль границ со Швейцарией, в которой перекрещиваются черты северных и южных диалектов. Таким образом, политическая и экономическая раздробленность, характерная для средневековья, отразилась и на состоянии языка. *Langue d'oc* был прославлен трубадурами и дал в XI–XIII веках блистательную поэзию, но после того, как в 1271 году Лангедок перешел под непосредственное правление королей Франции, приходит в упадок и язык, обреченный на участь местного говора.

Из диалектов *langue d'oïl* наиболее развитыми оказались нормандский, шампанский и пикардский, на которых написаны выдающиеся произведения средневекового периода: «*Chanson de Rolland*» (XI в.), «*Roman de Renard*» (XII–XIII в.), «*Roman de la Rose*» (XIII в.). К XIV–XV векам усиливается роль короля и Парижа, происходит постепенное расширение королевского домена и распространение диалекта области Иль-де-Франс, франсийского, на всю территорию страны. Король франков становится королем Франции, т. е. его власть распространяется не на народность, а на географическую территорию. Париж превращается в культурный центр страны и вся литература на народном языке стремится отразить речь Парижа. Изобретение и распространение книгопечатания также способствует унификации языка, поэтому диалектные особенности текстов устраняются в пользу франсийского диалекта.

Становление французского литературного языка происходит в противоборстве как с диалектами, так и с латынью. Еще в конце средних веков латынь продолжает играть важную роль, поскольку клирики, представлявшие собой подавляющее большинство образованных людей, предпочитали даже о светских сюжетах писать на латыни. Дольше всего латынь сохраняется в преподавании, которое находилось в руках церкви. В начальных школах сначала учили читать по латыни и только потом по-французски. В колледжах, еще в начале XVIII века, обучение велось на латинском языке, а со второй половины века латынь уступает свои позиции французскому, оставаясь языком научных дискуссий.

Эпоха Возрождения оказала решающую роль в распространении и становлении французского языка – языка литературы, науки и юриспруденции. Манифест Плеяды (1549), написанный Иохимом дю Белле (1522–1560), призывает создавать литературные произведения на

французском языке, который достоин своего великого предка – латинского языка. По свидетельству М. Коэна, в Париже XVI века издавалось в 10 раз больше стихотворных произведений на латинском языке, чем французском. В 1539 г. Франциск I издал ордонанс, вошедший в историю, как эдикт Вилле-Котре, который предписывает использовать французский язык в официальных и юридических документах вместо латинского. Это означает, что французский язык становится языком государственным.

В XVI–XVII веках завершается политическое объединение Франции в форме абсолютной монархии. Единое государство должно иметь единый национальный язык. Французская Академия, основанная кардиналом Ришелье в 1634 г., имела целью создание словаря и грамматики. Первое издание словаря было подготовлено и вышло в свет в 1694 г. В 1660 г. выходит «Общая и Рациональная грамматика», ставящая своей целью найти общие принципы строения языков и объяснить, почему существуют те или иные языковые обычаи и нормы. В результате сознательных усилий грамматиков и теоретиков языка формируется французская национальная норма, которая ориентирована на язык «хорошего общества» – двора и Парижа. Эта исторически сложившаяся норма лежит в основе современного языка, хотя за три столетия она претерпела существенные изменения.

Общенациональный язык понятен всему населению, говорящему на данном языке. Однако существуют лексические пласты, которые не являются достоянием всей нации, а принадлежат отдельным социальным или территориальным группам населения. Обычно говорят о территориальных и социальных диалектах.

Территориальные диалекты представляют собой разновидность языка, функционирующего на определенной территории и имеющего характерные особенности, отличные от национальной нормы. Они сказываются на особенностях произношения, грамматической системе, но особенно на лексике. По свидетельству французских лингвистов, диалекты в собственном смысле этого слова, такие, какими они были в средние века, более во Франции не существуют. С объединением французского государства они окончательно вытесняются из литературы, но сохраняются еще в устной речи главным образом крестьянства и мелкой буржуазии.

В период Великой французской буржуазной революции 1789 г. революционная буржуазия активно борется не только за политическое, но и за языковое единство Франции. Против диалектов принимаются насильственные меры: закон от 20.07.1794 г. предусматривает

ответственность, вплоть до уголовной, за любое отклонение от использования французского языка в официальных документах. Диалекты отмирают постепенно, по мере того как Франция становится единым национальным государством с развитыми политическими и экономическими связями между всеми ее областями, по мере того как возрастает значение Парижа. Введение всеобщего бесплатного обязательного начального образования (конец XIX века) завершает лингвистическое объединение государства.

В наше время некоторые диалектные лексические особенности продолжают существовать, речь идет о патуа (говорах). Еще два столетия назад в 1793 г. аббат Грегуар, на основании данных анкеты разосланной по провинциям, докладывал Конвенту, что из 25 млн французов 6 млн не понимают французского языка. Примерно столько же понимают, но не говорят на нем. Большинство лиц, говорящих на патуа – устные говоры, на которых не пишут, – владеют и общенациональным языком. Патуа продолжают «размываться» изнутри, в них все больше и больше проникает лексика французского общенационального языка. На патуа говорят в основном крестьяне старшего поколения, бабушки и дедушки. Их дети владеют патуа, но за пределами семьи и своей местности говорят на французском общенациональном. Внуки практически не используют патуа, так как стремятся пользоваться языком радио, телевидения, прессы, кино, т. е. нормированным французским языком. На значительной территории вокруг Парижа местные говоры исчезли совсем. Французский язык, распространившись там, где ранее говорили на диалектах, приобрел некоторые специфические для каждой области черты. Эти территориальные разновидности языка французские лингвисты обозначают термином – маргинальный или региональный французский язык.

Как считают исследователи региональных особенностей французского языка, в различных регионах Франции, кроме Иль-де-Франс, можно одновременно услышать использование трех вариантов языка:

- местный диалект (точнее патуа), на котором говорят между собой жители одной местности или одной области;
- французский региональный, т. е. французский язык, окрашенный различными особенностями, в основном фонетическими и лексическими. Это повседневный язык на котором говорит все население;
- государственный французский язык, к которому прибегают в различных случаях и при различных обстоятельствах, он же звучит в проповеди священника, речи учителя и т. п.

В письменной форме речи носители языка всегда будут стремиться выразить свою мысль на общенациональном французском языке. Отклонения от нормы свидетельствуют об уровне образования. Так, жителей юга Франции выдает сильный акцент: отсутствие оппозиций «а» переднее – «а» заднее, «о» открытое – «о» закрытое, более закрытое «е» носовое, краткие носовые, которые часто произносятся как чистые звуки, и некоторые другие фонетические особенности.

В общенародный французский язык из диалектов перешли, прежде всего, названия реалий, характерных для какого-то одного региона страны. Французский язык «поглотил» также большое количество так называемых технических диалектных слов, т. е. лексем, использующихся в какой-то отрасли промышленности или сельского хозяйства, которая первоначально развилась из-за природных условий в какой-то одной провинции. Так, поскольку угольные шахты возникли сначала в Пикардии, в районе Лилля, многие пикардские и валлонские слова перешли во французский. Незаимствованные морские термины имеют в основном нормандское и провансальское происхождение, так как рыболовство и мореплавание развились первоначально именно в этих районах.

Диалекты дали также большое количество арготических слов. Диалектные слова используются писателями для придания местного колорита или для речевой характеристики персонажей. Так, О. Бальзак использует овернское и анжуйское наречия, Г. Мопассан – нормандский и овернский диалекты, М. Паньоль – провансализмы. Использование маргинальных лексических слов в литературе также способствуют их проникновению в национальный язык.

Диалектные слова локализуют действие и характеризуют персонажей. Южане говорят не так, как северяне. Особенно сильный акцент – марсельский, где звук «г» раскатистый, а носовые звуки почти не произносятся.

Во Франции наблюдается довольно активное движение за возрождение традиционной культуры, языков малых народностей (бретонцев, каталанцев, корсиканцев и др.), исконных диалектов, в частности бывшего языка *langue d'oc* (окситанский или новопровансальский язык), включающий североокситанский, южноокситанский и гасконский диалекты. Попытки возрождения этого языка в XIX веке связываются с именем поэта Ф. Мистраля, писавшего свои поэмы на провансальском диалекте и ратовавшего за распространение провансальского во все сферы общественной жизни Прованса. Окситанский язык сейчас изучается в общеобразовательных

школах и университетах юга Франции как один из предметов, но попытки ввести преподавание хотя бы в начальных школах целиком на родном окситанском языке не увенчались успехом. Французский язык – государственный язык Французской Республики, остается языком преподавания и основным разговорным языком большинства ее населения.

Список литературы

1. Доза А. История французского языка. – М., 2009.
2. Cohen M. Histoire d'une langue: le français. – Paris, 1967.
3. Dauzat A. Les argots. – Paris, 1929.
4. Doppagne A. Les régionalismes du français. – Paris, 1978.

Е. А. Денисова

Лексические особенности диалектов Scots

Специфика употребления шотландизмов во многом обусловлена особенностями языковой ситуации в Шотландии. Многолетнее использование английского литературного языка как средства официально-деловой, публицистической и другой коммуникации привело к тому, что на территории Шотландии стал функционировать в качестве разговорного языка так называемый шотландский английский стандарт. Современная социолингвистическая ситуация в Шотландии характеризуется тем, что кроме современного литературного языка, с отдельными элементами шотландских вкраплений, который является в Шотландии языком художественной литературы, прессы, радио, телевидения, существует шотландский диалектный континуум, простирающийся с юга на север и представленный густой, переплетающейся сетью шотландских региональных диалектов. Диалектный континуум следует рассматривать как часть местных культурных традиций. В связи с этим выделим ареалы, принадлежащие к одной зоне (север, центр, юг); ареалы, принадлежащие к полярным зонам (север, юг); ареалы, принадлежащие к северной, южной и центральной (переходной) зонам [Халын 1985: 12]. Именно поэтому, особенности Scots очень часто определяются регионом, в котором на нем говорят. В Гласгегасе, например, о детях скажут не “bairns”, а “weans”. В северной части страны слово “lassie” заменит “quine”, а английские слова “who” и “what” – “fa” и “fit”. В Данди вместе “aye” прозвучит “eh”. В Оркни и Шетланде дает о себе знать норвежское прошлое, ставшее неиссякаемым источником диалектных слов и выражений: “faans” – снежный сугроб (Шетланд), “haaf-fish” и “tang-fish” – две породы тюленей, обитающих на широте Оркнейских островов.

В настоящее время, общепринятого стандарта Scots не существует, но так называемая общешотландская лексика составляет единую макросистему с общим ядром 90 %. Именно диалекты Scots, образуют эту макросистему с общим ядром, в результате чего оказываются в значительной степени, взаимно понятны.

Рассмотрим основные формы шотландизмов и их функционирование на территории Шотландии:

1) Лексика современных диалектов Scots отличается крайним консерватизмом. Огромное количество слов, полностью вышедших из употребления уже в конце древнеанглийского и в начале среднеанглийского периода, сохранилось в диалектах. Причём эти слова в качестве живых элементов повседневной речи зачастую используются в своём первоначальном значении. Например: *ancient* (стеснительный), *aschen, aichen, aiken* (моллюск), *aisle* (сушить на солнце), *aisle tooth* (коренной зуб), *aye* (да), *ken* (знать), *youse* (вы), *greet* (плакать), *kirk* (церковь), *breeks* (брюки), *lassie* (девочка), *bairn* (ребенок), *flit* (постоянная смена места жительства), *bonny* (красивый), *chap* (стучать), *bide* (ждать) и *pinkie* (мизинец).

2) Огромное количество слов в диалектах Шотландии являются заимствованиями. Основными источниками заимствований явились скандинавские языки, французский (и его средневековые диалекты) и кельтские языки. Из скандинавских, например: *addle* – зарабатывать (ди. *odla, odlask*), *cleg* – овод (ди. *kleggi*), *lax* – лосось (ди. *lax*), *leister* – гарпун (ди. *ljōstr*), *seave* – камыш (ди. *sef*), *ug* – ненависть (ди. *ugga*); из французских: *ashet* – блюдо (фр. *assiette*), *ambry* – комод (фр. *aumbrie*, ст. фр. *almarie*), *aster* – очаг (ст. фр. *âtre*, фр. *aistre*); из кельтских: *brock* – барсук (гаэл. *bros*), *cateran* – разбойник (гаэл. *ceatharn*), *clachan* – деревушка (гаэл. *clachan*, ср. *clach* – камень), *cosher* – праздник (ирл. *coisir*), *coracle* – лодка (ирл. *curach*), *skain* – нож, кинжал (гаэл. *skean*, ирл. *sgian*), *tocher* – приданое (гаэл. *tochar*).

3) Своеобразны в шотландских диалектах Scots и возможности сочетаемости префиксов, и значения префиксальных образований. В ряде случаев прибавление отрицательного префикса к слову не меняет его значения на противоположное: *disabuse* = *abuse*, *misdoubt* = *doubt*, *unopen* = *open*, *ungude* = *gude*. Интересно использование суффикса – *ness* с существительными, например: *milkness* – молочные продукты, а также суффикса – *rife*: *meatrife*, *mockrife*, *sickrife*, *thankrife*, *coldrife*.

4) Лексика Scots является функционально неоднородной. Значительное количество лексических единиц, по большей части

диалектных по происхождению, употребляется только в Scots, не проникая в шотландский английский: dreich (dreary), aye (always), pooch (a pocket), bonny (sweetheart). Таковыми являются также слова, развивающие в Scots и северных диалектах звуковую форму, отличную от стандартной английской и функционирующие в Scots именно в этой форме: stane (stone), doon (down) oot (out), toon (town) и т. п.

5) Значительная часть шотландской дивергентной лексики как германского, так и кельтского происхождения проникает в английский язык составляя в нём существенный субстратный слой, например: kilt (юбка шотландского горца), haggis (пудинг с потрохами и приправами), bard (бард), glen (горное ущелье) [Бондаренко, 2010:175].

Несомненно, одним из важнейших факторов исторического развития любого языка являются языковые контакты. Англо-шотландские контакты имеют длительную историю своего существования. Они обусловлены социально-историческими, экономическими, административными связями между Англией и Шотландией, которые и определили основное направление языкового взаимодействия.

Между литературным английским языком и диалектами Шотландии имеется несколько переходных формаций, отражающих различную степень проникновения шотландизмов в английскую речь. Эта социолингвистическая ситуация названа шотландцами биполярностью, а разновидность литературного английского языка, контактирующего с региональными диалектами, шотландско-английским стандартом [Ирисханова, 1983:75–87].

В настоящее время социолингвистическая ситуация на территории Шотландии проявляется в следующих типах языковых контактов: биполярность, диглоссия и билингвизм. Совместное существование двух разновидностей языка в одном и том же обществе, представители которого пользуются этими языковыми разновидностями в процессе коммуникации в зависимости от социальной или территориальной ситуации и иных характеристик процесса общения.

Заимствование и интерференция в условиях англо-шотландской языковой ситуации обладают спецификой отношений, определяемых генеалогическим родством систем, близких друг к другу по своей структуре. Здесь наблюдается неравномерное взаимопроникновение элементов системы, поскольку шотландские региональные диалекты оказывают менее заметное влияние на литературный английский язык, чем этот последний на диалекты Scots.

Список литературы

1. Денисова Е.А. Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010.
2. Бондаренко М.В. Лексико-семантическая парадигматика регионально маркированной лексики как репрезентант языковой ситуации в Шотландии. URL: <http://ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/>
3. Ирисханова К.М. Взаимодействие территориального и социального варьирования устной речи. На материале английского языка в Шотландии // Научные труды МГПИИЯ им. М. Горького. Вып.219. – М., 1983.
4. Халын Н.В. Ареальный аспект исследования шотландской фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985.

Е. А. Ковтунова, Е. С. Лаптиева

Метафора в немецкой автомобильной терминологии

Семантический способ создания терминов (терминологизация) занимает довольно значительное место в ряду способов терминообразования в немецком языке, уступая, правда, словосложению, и нередко в комбинации с ним. Основу терминологизации часто составляет метафорический перенос. Переходя в разряд терминов, слово общей лексики приобретает все его свойства (системность, тенденция к моносемичности, стилистическая нейтральность) и сохраняет их до тех пор, пока реализация слова происходит в пределах данного языка для специальных целей.

В данной статье будут рассмотрены некоторые закономерности метафоризации в немецкой автомобильной терминологии. Материалом исследования послужили примеры метафорических терминов из Нового немецко-русского автомобильного словаря Е.А. Дормидонтова [Дормидонтов, 2008]. Другие типы специальной лексики (например, профессиональные жаргонизмы), которые также включены в данный словарь, в нашей статье не рассматриваются.

Вопрос о метафорическом табу (Metapherntabu) в профессиональной коммуникации нередко поднимался немецкими лингвистами (например, Т. Рёльке). В пользу несовместимости метафоры и профессионального языка говорит, например, актуализация метафоры в контексте, что может привести к недопониманию. Кроме того, если воспринимать метафору как один из тропов, а, следовательно, как экспрессивный элемент, то это напрямую противоречит утверждению о нейтральности термина. Но теоретическое утверждение о неприемлемости метафор в терминологии

совершенно не согласуется с реальностью: метафорических элементов и метафор очень много в терминологических системах (Zahn, Fuß, Kopf, Körper и т. д.).

Наличие огромного количества метафор в технической и научной речи позволяет Т. Рёльке сделать вывод о том, что метафора в ЯСЦ – это не исключение, а правило. В технике и науке постоянно возникает необходимость давать название новым процессам, явлениям, предметам, поэтому такое большое количество метафор показывает ассоциативность человеческого мышления и соотнесение уже известного и существующего с новым и неизвестным [Roelcke, 2005: 68].

В отечественном языкознании вопросам метафоры в сфере терминов также уделяется достаточное внимание. Например, в работе Л.М. Алексеевой освещается постоянная роль метафоры в создании терминов [Алексеева, 1998]. Таким образом, значение метафоризации как одного из видов терминологизации сегодня уже практически не оспаривается.

На современном этапе развития лингвистической науки можно говорить о широком спектре подходов к исследованию метафоры. Использование при изучении метафор принципов когнитивной лингвистики позволяет увидеть новые грани в, казалось бы, известном феномене. Основное отличие когнитивного подхода к метафоре от традиционного взгляда на проблему заключается в том, что когнитивная парадигма связывает метафору с процессом концептуализации мира человеком.

Когнитивистика (М. Джонсон, Дж. Лакофф, М. Тернер, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение».

Область источника – это чаще всего более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта

взаимодействия с действительностью. Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание. По словам Дж. Лакоффа, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных лиц или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Лакофф, Джонсон, 2004: 10].

Процесс метафоризации с точки зрения когнитивного подхода обычно представляется в виде метафорического моделирования и метафорических моделей.

В автомобильной области мы обнаружили три группы метафорических моделей:

1) Антропоморфная метафора, где источниками метафоризации служат понятийные сферы «человеческое тело», «процессы жизнедеятельности человека»: *Seld-Rippen, der, pl* – охлаждающие ребра (цилиндра), выполненные в виде отдельных сегментов; *Rahmenkopf, der* – усиленная передняя часть рамы-платформы; *Achshals, der* – шейка оси, цапфа оси; *Lenkarm, der* – поворотный рычаг.

Самая частотная семантическая сфера-источник – «человеческое тело». Например: *Kolbenkopf, der* – головка поршня, *Kipphebelarm, der* – плечо коромысла, *Kniehebel, der* – коленчатый вал, *Tretarm, der* – педаль (велосипеда), *Wulstzehe, die* – носок борта покрышки. Семантическая сфера «процессы жизнедеятельности человека» не так наглядна, но представлена в нашем материале. Такой пример, как *Kolbenfestfressen, das* – заедание поршня отождествляет два процесса: поглощение пищи человеком и застревание детали машины. Большое количество связанных с человеком переносов говорит об антропоцентричности метафоры в автомобильной области.

2) Метафора природы (источники метафоризации – сферы «живая природа», «неживая природа»): *Igel, der* – устройство электроподогрева всасываемого воздуха ДВС; *Kettenzweig, der* – ветвь гусеницы или цепи; *Kroko(dil)klemme, die* – пружинный зажим, «крокодил» и т.д.

Семантическая сфера животной метафоры также довольно эффективна в автомобильном терминообразовании: *Türflügel, der* – створка двери, *Alligatorhaube, die* – капот аллигаторного типа, *Katzenauge, das* – световозвращатель.

В термине *Katzenauge, das*, перенос наименования произошел на основании того факта, что глаза кошек отражают свет, точно так же, как и

данный прибор. В основу немецкого термина легла зоонимическая метафора.

Рассмотрим ещё один пример зоометафоры в автомобильной терминологии. *Antriebszwitter, der* – транспортное средство с комбинированным приводом. В данном случае в немецком термине присутствует элемент, обозначающий в живой природе гермафродита, т.е. существо, наделенное первичными половыми признаками обоих полов. «Многофункциональность» такого существа сравнивается с комбинированным приводом ТС, которое может работать от разных видов энергии, так, например, в автомобиле «Лексус» (Тойота) сочетается бензиновый и электрический двигатели, что позволяет развить мощность в 450 лошадиных сил.¹

3) Артефактная метафора (источники метафоризации – понятийные сферы «одежда», «обувь», «предметы быта», «архитектура»).

Следующие примеры относятся к семантической сфере «одежда»: *Sicherheitskappe, die, Sicherheitskäppchen, das* – предохранительный колпак, колпачок; *Manschette, die* – (уплотнительная) манжета; *Schutzmanschette, die* – защитный чехол; *Mantel, der* – кофуж; чехол; оболочка; обшивка; крышка (шины); *Brille, die* – кронштейн (суппорт, каркас) крепления радиатора. Семантическую сферу «обувь» иллюстрирует, например, *Laufschuh, der* – башмак гусеницы.

Далее следует семантическая сфера «предметы быта»: *Gabelpleuel, der* – вильчатый шатун, *Bremstrommel, die* – тормозной барабан, *Kugelschale, die* – сферическая чашка, *Stößeltasse, die, Stößelplatte, die* – тарелка толкателя и т. д.

Кроме того, встречаются примеры на семантическую сферу «архитектура»: *Achsbrücke, die* – балка ведущего моста, *A-Säule, die* – передняя стойка кузова, несущие в себе строительный образ (элемент здания или постройка).

Что касается детализации метафорических моделей, то самыми продуктивными оказались следующие соотношения: человек → предмет (фреймы «часть человеческого тела» → «деталь автомобиля (часть детали)»: *Kolbenkopf, der* – головка поршня), предмет → предмет (фреймы «предмет быта» → «деталь автомобиля (часть детали)»: *Gabelpleuel, der* – вильчатый шатун).

---

¹ См.: <http://www.rhein-main.net/sixcms/detail.php/5rmn01.c.3558642.de>

По типу подобия метафоры, которые встречаются среди единиц автомобильной лексики, подразделяются на следующие группы:

1) Подобие формы и положения. Например, болты, шурупы имеют головки – *Kopf*, как в лексеме *Senkkopf, der* – потайная [утопленная] головка (заклёпки); конденсат внешне похож на пот – *Schwitzwasser, das*; приспособление для крепления поклажи на открытом багажнике – *Gepäckspinne, die* – напоминает паука.

В термине *Pleuelauge, das* – *головка шатуна* перенос также произошёл на основании внешнего сходства: в основу переноса лег признак «*круглое отверстие*».

A-, B-, C-Säulen или *передняя, средняя и задняя стойка кузова* соответственно действительно по форме напоминают колонны, поддерживающие крышу ТС.

2) Сходство функции. Например, протектор шины – *Laufsohle, die* – выполняет ту же функцию, что и подошва ноги человека; течеискатель – *Schnüffler, der* – «шпионскую» функцию поиска течи.

3) Сходство характера протекания процесса. Например, значение слова *Shimmy, der* как колебания управляемых колес сложилось путем переноса основного значения (танец шимми) в связи с похожестью одного процесса на другой. Или лексема *Segeln, das*, применяемая для обозначения движение автомобиля по инерции (с выключенным двигателем и сцеплением), поскольку данный процесс напоминает хождение под парусом.

Метафорический перенос данного типа можно проследить на примере термина *abblättern, который* соответствует русскому словосочетанию *отслаивание пленки (чешуйками)*. Таким образом, пленка, пострадавшая от времени, воды и т. д. и отслаивающаяся от покрытия, сопоставляется в немецком языке с цветами и растениями, теряющими осенью листья. Немецкий термин *aufbocken* «ставить на козлы» обозначает процесс поднимания ТС домкратом. Козлы, изначальное значение которых – это подставка подо что-либо, стали выполнять функцию подставки, приподнимающей машину.

При изучении метафор в терминологии было бы неверно не коснуться ещё одной оппозиции – противопоставления «живых» (то есть не утративших своей двуплановости, выразительных метафор) и «мертвых» (генетических) метафор, чьи образы стерлись и прочно вошли в систему языка. В ходе данного исследования был сделан следующий вывод: большинство метафорических образов в проанализированных примерах

лишь относительно «живые». Поскольку образ с одной стороны достаточно легко читаем, с другой стороны, для специалиста никакой стилистической нагрузки данные метафорические термины не несут, и видит он в них только обозначаемый предмет, а не состоявшийся на основании сходства перенос наименования.

Были обнаружены следующие примеры стершихся метафор: *der Strom, die Vignette, der Hahn, das Bajonett, der Pleuel, die Mutter, die Schlange*. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Слово *Vignette, die*, в книжной графике обладающее значением «небольшая орнаментальная или изобразительная композиция декоративного назначения», в области автомобильной лексики обозначает «*ein Aufkleber als Nachweis dafür, dass man die Gebühr für die Benutzung der Autobahn, eines Tunnels usw. gezahlt hat*» [Langenscheidt]. Стоит упомянуть, что данный термин имеет в словаре помету швейц., то есть является в большей степени реалией Швейцарии. Слово *Vignette* пришло из французского языка: *aus frz. Vignette, eigentlich «Weinrankenornament»* [Kluge], но в неполиграфическом значении обозначает наклейку на стекло автомобиля, свидетельствующую об уплате водителем пошлины за проезд на данной автомагистрали, по данному туннелю и т. д. Перенос наименования произошел на основании внешнего сходства, поскольку «виньетки» бывают разных цветов в зависимости от региона, места и срока действия и напоминают узор в книге. Слово *Vignette* встречается в таких композитах как: *Mautvignette, die; Jahresvignette, die*.

Интересным примером генетической метафоры является общетехнический термин *Mutter, die* (русский эквивалент – гайка). Перенос наименования произошел на основании сравнения женского лона с другими предметами, как бы «охватывающими, оберегающими» то, что в них находится: *im übertragenen Gebrauch bezeichnet «Mutter» Dinge, die etwas wie ein Mutterschoß oder wie eine Gebärmutter aufnehmen oder umschließen, daher bergmännisch für «Gesteinshülle», technisch für «Hohlschraube mit Innengewinde, die den Schraubenbolzen aufnimmt» usw. (s. auch Perlmutter)* [Duden]. Сопоставление гайки и болта (*Mutter und Schraube*) основано на вполне понятной сексуальной метафоре, что отражается в немецком термине. *Perlmutter* – это слово, знакомое нам как перламутр, обозначало изначально раковину, в которой созревала жемчужина: *die Muschel bringt, wie eine Mutter ein Kind, eine Perle hervor*. Потом это наименование перешло на внешний, блестящий слой.

Из проанализированных примеров видно, что количество метафорической лексики в автомобильной сфере очень велико. Это можно объяснить тем, что метафорическая номинация является эффективным способом образования новых слов, так как отражает мыслительные процессы человека, соотносящего два понятия в окружающем его мире. Именно поэтому большинство метафорических образов связаны в первую очередь с такими семантическими сферами-источниками, как «части человеческого тела», «природа» или «предметы быта». Специфика процесса метафоризации в автомобильной терминологии немецкого языка заключается ещё и в том, что наибольшей метафоризации подвергается сфера «наименования механизмов, их частей и деталей», которые чаще всего обозначаются частями тела человека и животных, что позволяет говорить о стремлении к очеловечиванию неживых предметов. Этот факт ещё раз указывает на антропоцентризм метафорических преобразований в языке.

Кроме того, предварительно можно сказать, что метафорические элементы в терминах не несут никакой экспрессивной окраски, таким образом, постулат о стилистической нейтральности термина не нарушается.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. – Пермь, 1998.
2. Дормидонтов Е.А. Новый немецко-русский автомобильный словарь. – М., 2008.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
4. Duden Bd. 7. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim u.a., 1989.
5. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 24. Auflage. – Berlin, New York, 2002.
6. Langenscheidt: Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München, 2003.
7. Roelcke, T. Fachsprachen, 2., durchgesehene Auflage, Erich Schmidt Verlag. – Berlin, 2005.

Л. В. Коцюбинская

Фразеологические синонимы тематической группы

"Межличностные отношения" (на примере английского языка)

Несмотря на то, что вопрос фразеологической синонимии не получил должного освещения ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании, а статус фразеологических синонимов остается до сих пор спорным [см.: Телия, 1996: 88–89], учеными все-таки выработано традиционное определение фразеологической синонимии.

Фразеологическими синонимами, как правило, считаются функционально однородные ФЕ, имеющие общее значение, семантико-грамматические свойства, но различающиеся семантическими и стилистическими оттенками [Кабанова, 1996: 114, Кунин, 1996: 130].

Изучая синонимию ФЕ, следует четко разграничивать фразеологические синонимы и варианты. В языкознании существуют различные точки зрения на проблему фразеологической вариантности. Большинство исследователей варианты рассматриваются как закреплённые нормой видоизменения этой единицы, не нарушающие ее семантическое тождество [Кунин, 1996: 119]. Так, в некоторых ФЕ возможны вариантные замены компонентов: *curdle/ chill/ freeze someone's/the blood – to cause someone to feel great distress, fear or terror*.

В отличие от фразеологических вариантов фразеологические синонимы построены на разных образах и, следовательно, восходят к разным источникам. Фразеологические синонимы не могут подобно вариантам взаимозаменяться на денотативном уровне, ибо различие в образной основе исключает адекватную (абсолютно равноценную) замену одного синонимического фразеологизма другим [Назарян, 1987: 231].

Различают три основных типа фразеологической синонимии: семантическую (идеографическую), стилистическую и семантико-стилистическую синонимию. Укажем, что в англоязычной лексикографии и фразеологии недостаточно разработаны пометы стилистической маркированности ФЕ, что, безусловно, затрудняет исследование стилистической и семантико-стилистической синонимии.

Основой парадигматических отношений ФЕ во фразеологическом ряду служат интегральные и дифференциальные семы. Интегральные семы осуществляют такой важный вид системных отношений, как отношения подобия, объединяющие ФЕ в синонимические ряды. Дифференциальные семы являются спецификаторами значения, они противопоставляют фразеологические синонимы в синонимическом ряду. При этом дифференциальные признаки каждого из синонимов приобретают особую значимость, поскольку являются необходимым основанием, обуславливающим и поддерживающим наличие синонимов в языковой системе [Нурова, 2002: 7–8].

Фразеологические синонимические ряды в пределах одной семантической группы включаются в более крупные семантические образования – семантические поля. Описание ФЕ методом семантических полей имеет давнюю историю и плодотворно используется в настоящее время.

Распределение ФЕ по тематическим рубрикам затрудняется как усложненностью фразеологической семантики, так и противоречивостью отношений между «формой и содержанием» любого идеографического построения: чем более оно детализировано, тем более оно удалено от действительности во всех ее взаимосвязях и взаимопроникновениях [Никитина, 1995: 78]. Исследовательский материал показывает, что один и тот же фразеологизм может одновременно входить в разные тематические группы в силу его многозначности. Так, например, ФЕ *burn the candle at both ends* со значением *to use one's resources extravagantly either by spending more than one earns or by encroaching in work on one's time of rest and recreation* входит в тематическую группу «Характер человека и его проявление» понятийной сферы «Внутренний мир человека». Учитывая второе значение *to lead a busy life during the day and also go to bed late at night, esp in order to have a full social life*, – в группу «Человек в обществе, коллективе» понятийной зоны «Человек в мире людей». Третье значение *dangerously exhaust one's energies by over working in two different directions* позволяет анализировать ФЕ как в тематической группе «Здоровье» понятийной зоны «Человек как живое существо», так и в группе «Человек в труде», покрывающей понятийную зону «Человек как деятель».

Остановимся более подробно на исследовании синонимов, входящих в тематическую группу, характеризующую межличностные отношения. Выбор данной тематической группы обусловлен, во-первых, значимостью исследуемой микросистемы в жизни человека: потребностью в контакте и в совместной деятельности с другими людьми, возникшей в процессе общественно-исторического развития людей, во-вторых, большим количеством ФЕ, входящих в эту тематическую группу.

Включая ФЕ в тематическую группу, мы руководствовались определением термина, представленным в различных словарях. Межличностные отношения – «субъективно переживаемые связи между людьми, объективно проявляющиеся в характеристике и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения» [Словарь "Психология", 1990: 206]. «Явления, свойства, эффекты, являющиеся результатом таких взаимодействий людей, рассматриваются как относящиеся к межличностным отношениям» [Большой толковый психологический словарь, 2003: 436]. Таким образом, в тематической группе «Межличностные отношения» анализируются ФЕ, характеризующие как отношения между людьми, например, *jump/ climb/ get on/ aboard the bandwagon – to begin to do smth. that other people are doing*, так и ФЕ, так и ФЕ, описывающие результат таких взаимоотношений: *a black ship – the one worthless member*.

С точки зрения когнитивной лингвистики значение фразеологической единицы (ФЕ) может быть рассмотрено как когнитивная структура, отражающая определенные пласты знаний и опыта, зафиксированных в языке и тесно связанных с деятельностью человека [Телия, 1996]. Данный взгляд на проблему позволяет применить комбинаторный подход при исследовании значения фразеологических синонимов. Комбинаторный подход заключается в сочетании традиционного семантического анализа, результатом которого является перечень элементов содержания, полученный при структурном разложении, и когнитивного анализа, позволяющего выявить весь комплекс знаний об обозначаемом.

Рассмотрим синонимический ряд с общим значением «оказывать влияние, действие на кого-либо при помощи целенаправленных усилий, так и без них»:

- lead smb by the nose (лат.) – to be easily influenced;
- have/ hold in the palm of one's hand – to have a person or thing under one's complete control or influence;
- carry/ sweep smb off his feet – to make a great impression on a person and influence him to do one wishes;
- turn someone's head – разг. фам. – to influence someone, esp. to cause someone to have too high an opinion of himself;
- turn the tide (of public opinion) – to influence public opinion in a new direction.

На когнитивном уровне значения всех ФЕ хранится знание о том, что человек подвержен влиянию со стороны других людей. Семантические различия между членами синонимического ряда идут по способу и степени влияния на кого-либо.

В данном синонимическом ряду отмечается заимствованный из латинского языка фразеологизм *lead smb by the nose*, на уровне значения которого присутствует компонент *easily* (легко). Исконные и заимствованные фразеологизмы-синонимы отличаются друг от друга оттенками значения. С точки зрения когнитивной лингвистики на когнитивном уровне значения такого рода заимствованных ФЕ представлены знания, которые вносят дополнительную информацию в когнитивную структуру фразеологического фонда.

Обратимся к другому примеру – к синонимическому ряду с общим значением «вызывать неприятности какими-либо действиями, причинить кому-либо вред, вызывать какое-либо повреждение»:

- look for midday at fourteen o'clock (фр.) – to create needless troubles;
- wake a sleeping dog (фр.) – to stir up/ to cause trouble unnecessarily;

- kick/ make/ raise up a dust – разг., фам. – to cause trouble;
- play hell (and Tommy) with –разг. – to cause harm or trouble to smth or smn.

На уровне значения всех ФЕ представлено знание о способности человека создавать неприятности, причинять вред себе и окружающим. Дифференциальные признаки – способ и интенсивность действия: to stir up, to create, to cause. Для заимствованных ФЕ характерен дифференциальный семантический признак, уточняющий способ действия unnecessarily, needless.

Описывая лексические синонимы, ученые утверждают, что язык не терпит абсолютных синонимов. Если существуют слова с абсолютно тождественными значениями, то со временем происходит либо дифференциация значений, либо один из двух синонимов исчезает из словарного состава. Представляется, что данный закон проявляется и во фразеологии. Однако было бы ошибкой утверждать, что во фразеологическом фонде английского языка отсутствуют абсолютные синонимы:

- behind closed doors – as a secret or private matter, not to be revealed to anyone;
- behind the scene – in private;
- out of corner of one's eye – in a secretive way so as not to be noticed;
- between you, me and gatepost/ lamppost/ bedpost/ wall – as a secret or private matter not to be revealed to anyone else.

Данные ФЕ различаются характером образной основы, своим рождением они обязаны различным ассоциациям, возникающим в сознании носителей языка в процессе наблюдения за факторами реальной жизни.

Результаты, полученные в ходе когнитивного анализа, в значительной степени совпадают с выводами традиционной лингвистики, но для нас они представляют определенный интерес, поскольку вносят вклад в реконструкцию когнитивной структуры, соотнесенной с уровнем значения ФЕ.

Список литературы

1. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
2. Кабанова Н.М. семантические поля во фразеологии // Проблемы фразеологической семантики. Под ред. проф. Г.А. Лилич. – СПб., 1996.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1996.
4. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1987.
5. Нунова Л.Р. Синонимические ряды в сниженной лексике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2002.
6. Никитина Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. – 1995. – №2.

Е. В. Малышева

К вопросу о реализации категории эмотивности в антиутопии

В современном языкознании продолжает расти интерес к изучению коммуникативной стороны лингвистических феноменов. Эмоции, как неотъемлемая часть коммуникации человека, играют значительную роль в понимании и восприятии информации. Категория эмотивности как одна из лингвистических категорий имеет непосредственное отношение к выражению эмоций с помощью языковых средств. Категория эмотивности отражает систему эмоциональных характеристик языковой личности и делает возможным существование эмоциональной коммуникации [Воинова, 2006: 6].

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблем реализации категории эмотивности в антиутопиях. Антиутопия – это особый тип текста, в котором с помощью различных художественных методов и различными способами исследуется сосуществование человека и социума. Это отмечено и в одном из классических определений антиутопии: «Антиутопия – это литературное произведение, представляющее в разнообразных формах отрицательную картину социальной системы, которую автор может наблюдать в тенденциях, существующих в развитии реальных обществ» [Kwarpien, 1972: 49].

Возникновению антиутопии предшествовал жанр утопии. В основе утопии лежит религиозно-мифологическая идея о Земле Обетованной. Широко известным термин «утопия» стал после появления в 1516 году одноименной книги английского гуманиста и политика Томаса Мора. Негативная утопия или антиутопия берет на себя функцию критического отношения к обществу, прежде всего к буржуазному, и как новый тип литературной утопии формируется во второй половине XIX века. Термин «антиутопия» впервые употребил британский философ Джон Стюарт Милль в парламентской речи 1868 года.

Антиутопический текст, как и любой другой текст, не содержит реальных эмоций и чувств, но может передать информацию об эмоциях и чувствах в содержании в такой знаковой форме (т. е. с помощью таких языковых средств), которая создает психологические условия для возникновения эмоций.

Система ценностей конструируемого общества будущего в антиутопии кардинально отличается от привычной нам видимой социальной картины. Эти различия порождают эффект «отторжения». Читатель не желает жить в таком обществе, не хочет видеть его в качестве вероятного будущего. Эффект «отторжения» усиливается, если в обществе доминирует атмосфера страха, ненависти и нетерпимости [Солдатов, 2003].

Глубинные эмоции автора благодаря формальным эмотивным знакам могут получать эксплицитное (внешнее) выражение в тексте: лексические эмотивы и их эмотивные согласования, грамматические эмотивные структуры, специфическое композиционное структурирование текста, внутритекстовые эмоциональные рамки разных типов. Эти параметры эмотивного текста указывают на внешнюю выраженность эмотивности и эмоциональный тон текста [Шаховский и др, 1998: 138].

Категорию эмотивности в тексте можно изучать с помощью метода проникающего изучения категории эмотивности (ПИКЭ). Данный метод был разработан О.Е. Филимоновой для изучения репрезентативности категории эмотивности в текстах различного жанра и типа [Филимонова, 2001]. Проникающее изучение категории эмотивности в тексте включает шесть последовательных этапов анализа.

Первый уровень ПИКЭ был назван сканированием текста. Задачей этого уровня является выявление потенциально эмотивно заряженных единиц текста на основе беглого просматривания текста. Задача второго уровня (тестирование) связана с реконструированием эмотивной ситуации или ситуаций текста для выявления участников эмотивной ситуации. Третий уровень ПИКЭ связан со спецификацией, подразумевающей определение тематической организации и других типов семантической структуры текста. Четвертый уровень (стратификация эмотивного арсенала) связан с выявлением эмотивных единиц разных типов (в их числе могут быть сверхфазовые единства, отдельные слова и высказывания разной протяженности). На пятом этапе (анимация) исследователь занимается прагматической и стилистической интерпретацией функционирования эмотивных единиц. Завершающим этапом ПИКЭ выступает интеграция, в процессе которой происходит интерпретация и оценка роли эмотивных единиц в общей структуре текста.

Эмотивная ситуация – это реальная или вымышленная ситуация, в которой кто-то испытывает определенные эмоции [Филимонова, 2001: 83].

Основными эмотивными единицами текста являются эмотивные микротексты и эмотивные вкрапления. Эмотивные микротексты – это фрагменты текста (блоки, сверхфазовые единства), вычлняемые из текста на тематической основе и отражающие какое-либо эмоциональное состояние или состояния. Эмотивные вкрапления – это краткий комментарий о чувствах и впечатлениях в структуре неэмотивных фрагментов текста [Филимонова, 2001: 79].

Проникающее изучение категории эмотивности позволяет показать зависимость лексико-грамматических средств репрезентации эмотивных ситуаций от типа эмотивной прагматической установки. О.Е. Филимонова выделяет такие эмотивные прагматические установки как «проинформировать о чувствах», «поделиться своими чувствами», «проанализировать чувства», «излить свои чувства», «узнать о чувствах адресата», «проанализировать чувства адресата», «проинформировать о чувствах третьего лица/лиц», «узнать о чувствах третьего лица/лиц», «призвать адресата к действию для избавления от чувства», «призвать адресата для получения чувства». Как видно из данного списка эмотивных прагматических установок, они различаются по типу носителя эмоционального состояния [Филимонова, 2001].

Антиутопический роман «Колыбель для кошки» («Cat's cradle»), написанный в 1963 году, является одним из наиболее популярных романов Курта Воннегута (11.11.1922 – 11.02.2007). Это произведение затрагивает вопросы ответственности научных работников за свои изобретения и трудности экологии планеты.

Сканирование этой антиутопии позволило выявить в тексте большое количество эмоционально-окрашенной лексики, преимущественно прилагательных в функции эпитетов, глаголов «эмоционального говорения» и эмоциональной разговорной лексики. Все это позволяет судить о существенной роли в данном произведении категории эмотивности и соответственно целесообразности выбора данного текста для анализа.

На этапе тестирования была определена эмотивная ситуация текста. Эмотивная ситуация имеет следующие параметры: *субъект состояния* – автор (John или Jonah), который, собирая материал для книги «День, когда настал конец света» («The Day the World Ended») о создателе атомной бомбы Феликсе Хониккере (Dr. Felix Hoenikker), становится свидетелем уничтожения всего мира. Действие романа происходит на острове в

Карибском море (о. Сан Лоренцо (San Lorenzo)). Население этого острова живет по своим законам, основанным на противоречивой религии Бокононизм (Bokononism). *Причина состояния* – стремление избежать конца света. *Акомпаниаторы состояния* (свидетели, стимуляторы и т. п.) – герои, которых встречает автор. Каждый из этих героев вносит свою лепту в написание его книги.

На этапе спецификации была определена доминантную эмотивную тему текста – угроза конца света, исходящая от вещества Лед-9 (Ice-Nine), и необдуманность действий человека. В тексте можно выделить сопутствующие эмотемы: 1) отношения Феликса Хониккера с семьей, отношение окружающих к его изобретению; 2) любовь Джона к Моне Эймон Монзано (Mona Aamon Monzano); 3) порядки острова Сан Лоренцо; 4) правитель Сан Лоренцо «Папа» Монзано («Papa» Monzano) и его смерть, что является угрозой распространения Льда-9; 5) катастрофа; 6) спасение Джона и еще нескольких человек; 7) лживая религия и Боконон; 8) американское присутствие.

На этапе стратификации и дескрипции в романе можно выделить 8 микротекстов, или смысловых частей. Первая смысловая часть (обмен письмами с младшим сыном доктора Хониккера Ньютом (Newt)) наполнена описаниями непростой жизни семьи великого изобретателя. Далее автор встречается с коллегами изобретателя по работе, узнает об изобретении Льда-9 и влюбляется в девушку Мону с о. Сан Лоренцо. Здесь мы встречаем большое количество диалогов, рассуждений, мнений и описаний поведения людей и их внешности.

Во время своего путешествия, в самолете, главный герой знакомится с супругами Crosby, которые являются владельцами редкой книги Джулиана Касла (Julian Castle) об о. Сан Лоренцо, его истории и существующих порядках. Также автор встречается с Анжелой (Angela) и Ньютом Хониккерами, которые летят на свадьбу брата. Данная часть текста менее насыщена эмотивными лексическими единицами. Прибытие на остров проходило в напряженной атмосфере, вызванной нездоровьем правителя «Папы».

Важным событием становится встреча автора с Филиппом (Philip) Каслом, сыном автора книги об острове. В диалогах автора с Филиппом много философских рассуждений. Неожиданным для главного героя стало предложение стать правителем острова. Далее празднование дня жертв

Второй мировой войны и смерть «Папы», который покончил жизнь самоубийством, лизнув Лед-9.

В результате авиакатастрофы Лед-9 попадает в море и наступает конец света. В заключительной части происходит чудесное спасение главного героя, его возлюбленной и некоторых других героев данного романа, и далее описывается их жизнь после конца света. Весь роман пронизан отступлениями автора, в которых он обращается к Боконизму, цитирует стихи из книги Боконона, описывает ритуалы и комментирует происходящее с точки зрения данной религии.

Персонажная речь, внутренняя речь главного героя – автора и описание действий героев можно обнаружить в каждом из выделенных микротекстов. В совокупности они делают эмоциональный фон более живым и понятным читателю.

Анализ антиутопии «Колыбель для кошки» («Cat's cradle») с помощью метода проникающего изучения категории эмотивности позволяет нам утверждать, что в данном тексте категория эмотивности реализуется через создание автором достаточно большого количества эмотивных тем, связанных идеей угрозы конца света. Причиной этому выступает вещество Лед-9 и необдуманность действий человека в отношении этого изобретения.

Каждая из тем состоит из эмотивных микротекстов акциоцентрического и эмоцентрического типа. Каждая из эмотем заканчивается гибелью тех, о ком ведется речь. Эмоциональный фон антиутопии трагичный. В антиутопии доминирует отрицательно заряженная лексика. Из тропов чаще всего используются эпитеты, метафоры, художественные сравнения, гипербола, ирония; из фигур речи преобладают различные виды повторов (параллелизм, анафора, эпифора) и фигуры контраста: антитеза и парадокс. Синтаксические повторы в большинстве случаев способствуют созданию иронического эффекта; фигуры контраста в основном используются для того, чтобы сгладить негативное воздействие на читателя. Парадоксы выявляют абсурдность и противоречивость многих ситуаций. В целом использование тропов и фигур речи носит ярко выраженный функциональный характер с точки зрения создания общего эмотивного фона всей антиутопии.

Список литературы

1. Воинова В.В. Реализация категории эмотивности в англоязычной детской литературе: автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006.
2. Невский Б. Грезы и кошмары человечества. Утопия и антиутопия. 2007. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art2195.htm>
3. Солдатов В.Е., Тузовский И.Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума. 2003. URL: <http://copy.yandex.net/?fmode=envelope&url=http://base.spbric.org/main/getfile/662&lr=2&text=стилистические%20особенности%20антиутопий&l10n=ru&mime=doc&sign=df1f>
4. Филимонова О.Е. Язык эмоции в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспект. – СПб., 2001.
5. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград, 1998.
6. Kwapien M. The Antiutopia as Distinguished from its Cognate Literary Genres in Modern British Fiction // Zagadnienia Rodzajow Literarih. – XIV. – №2(20). – 1972.
7. Vonnegut K. Cat's Cradle. URL: http://webreading.ru/sf/_sf/kurt-vonnegut-cats-cradle.html

Н. П. Милованович

Эдвард Карпентер – английский единомышленник и последователь Толстого (к 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого)

Вопрос о влиянии Л.Н. Толстого – мыслителя, художника и проповедника на общественную и литературную жизнь Англии давно стал одной из важнейших страниц в истории отечественного и зарубежного литературоведения. Он неотделим от общей атмосферы в стране на рубеже XIX–XX веков, когда развитие всех сфер общественной жизни обнажило чудовищно увеличивающуюся поляризацию классов. Расхожая формула Киплинга о несовместимости двух культур – восточной и западной – перестала считаться афоризмом, когда «в самой столице британской империи ее Уэст-Энд и Ист-Энд предстали полюсами богатства и нищеты, между которыми легла бездонная пропасть».

В этих обстоятельствах тема «униженных и оскорбленных» приобрела большую остроту. Она стала центральной в передовой литературе первых десятилетий нового века. В своих исканиях писатели-продолжатели реалистических традиций в литературе опирались на опыт и пример «великих русских» (так английская критика именовала Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова).

Особенно остро почувствовали англичане решение волновавших их проблем в произведениях Толстого, который внимательно следил за событиями, происходившими в далекой европейской стране. «Англия и Америка, – записал слова Л.Н. Толстого Д.П. Маковицкий, – эксплуатируют народ точно так же как это делают правящие классы в России, только, способы эксплуатации различны» [Маковицкий, 1922]. «Толстой, – в свою очередь сообщал известный общественный деятель Кенворти, – знал о положении дел в Англии больше, чем большинство англичан. Работы его созданы в России, но вдохновение его живет здесь и будет продолжать жить» [Kenworthy, 1902]. «Толстой, – отмечала критик Эми Круз, – сильнее всего повлиял на английскую мысль. Ни один писатель, писавший на социальные темы, не мог пройти мимо него» [Bergonzi, 1973]. Эту оценку разделял и известный романист Д. Голсуорси, утверждавший, что уже в ранних романах «Толстой – проповедник... заслони́л собою Толстого – художника» [Голсуорси].

Художественный опыт Толстого, нравственная сторона его учения оказали заметное воздействие на литературное наследие Б. Шоу, Г. Уэллса, Д. Голсуорси, Э.М. Форстера. Исследователи творчества этих писателей указывали, что в поисках нравственного идеала, основанного на приверженности душевной правде и способного противостоять духу прагматизма и наживы, завладевшим соотечественниками, они опирались на идеи Толстого. Известно так же, что влияние Толстого поддерживалось появлением «толстовствующих» образов в английской литературе. Так, идейное становление Уильяма Морриса, явно ассоциированное с нравственным обликом Толстого, нашло отражение в романе Г. Уэллса «Великие искания».

Однако еще не было замечено, что влияние великого русского мыслителя в большой мере предусматривалось трудами его прямого последователя и единомышленника Эдварда Карпентера (1844–1929), глубоко разделявшего идеи Толстого и пытавшегося воплотить их на английской почве. Корреспондент журнала «Русская мысль» С.И. Рапопорт, встречавшийся с Карпентером, назвал его «одним из самых замечательных людей современной Англии» [Рапопорт, 1913]. В зарубежном литературоведении его имя связывают преимущественно с той активной ролью, которую играл Карпентер в растущем социалистическом движении Англии конца XIX в., когда, по словам его близкого друга, Э.М. Форстера, он «являлся вдохновителем трудового народа» [Carpenter Edward (1844–1929). Democratic author a poet. A restatement and reappraisal, 1970].

В 1944 г. на праздновании столетия со дня рождения Карпентера, Э.М. Форстер, подчеркивая значение его работ, заметил, что они «прочно вошли в национальное наследие», но с грустью назвал своего друга «забытым пионером» [Delavenay, 1971]. Сам Карпентер, признавая широкое распространение своих сочинений, скромно оценивал их роль: «Работы эти, – писал он, – так же, как и вопросы, с ними связанные, – вели довольно необычную, скрытую жизнь в мире литературы, широко в нем разливаясь, но не на поверхности» [Delavenay, 1971].

«Скрытая жизнь» Карпентера в мире современной ему литературы была, между тем, в большей мере открыта глазам немногочисленных последователей его творчества в России, – П.Д. Успенскому, С.И. Рапопорту, которые отмечали удивительное сходство взглядов английского «социального реформатора» (таким образом Карпентер значился в библиотеке Британского музея) с русским мыслителем, сходство, дававшее, по их мнению, основание называть Карпентера «английским Толстым» [Рапопорт, 1913]. Основанием для этого служил и тот образ жизни, который вел Карпентер, по всей видимости, не без учета примера Толстого.

Выходец из семьи состоятельного буржуа, получивший достойное воспитание и образование, Карпентер в возрасте 37 лет отошел от активной общественно-публицистической деятельности и построил жизнь в соответствии со своими новыми идеалами. Он оставил привычный круг людей и занятий и поселился на одинокой ферме недалеко от промышленного города Шеффилда. Здесь он посвятил себя сельскому труду и общению с простым народом. В уединении им были написаны основные работы, получившие широкую известность в начале века и незаслуженно забытые последующим поколением критиков – статьи, поэма в прозе «К демократии», стихотворение «Англия, восстань!», ставшее в музыкальном переложении автора своеобразным гимном демократически настроенной молодежи.

В России труды Карпентера особенно высоко оценил Толстой, видевший в нем «смелого мыслителя», «достойного продолжателя Карлейла и Рескина» [Толстой] и своего единомышленника. Основная работа Карпентера – его книга «Цивилизация, ее причины и излечение» была напечатана в издательстве «Посредник», куда Толстой советовал отдавать «все знаменитые сочинения немцев, французов, англичан, которые выдержали много изданий и, главное, переводов» [Толстой]. Толстым было написано предисловие к книге Карпентера, в котором русский писатель выразил свою солидарность с мыслями английского

публициста: «Строй нашей жизни таков, – пишет Толстой, что не только дети, но большинство людей от дурной пищи, непосильной вредной работы, дурных жилищ, одежды, от нужды не доживают половины тех лет, которые они должны бы жить; ... и все это происходит от того, что наука, вместо того, чтобы распространять между людьми правильные религиозные, нравственные и общественные понятия, вследствие которых сами собой уничтожились бы все эти бедствия, занимается ... оправданием существующего порядка, и нам в доказательство плодотворности науки указывают на то, что она исцеляет одну тысячную тех больных, которые и заболевают-то только от того, что наука не исполняет свойственного ей дела» [Карпентер, 1911: 11–12]. Подчеркивая необходимость развивать науки нравственные, религиозные, общественные, Толстой, как и Карпентер, считает современные человеческие отношения и современный общественный строй неправильными, вредными, нуждающимися в исправлении.

Проблема нравственного обновления, пристально исследовавшаяся Толстым уже в начальном периоде творчества и выразившаяся в утверждении единства человека с окружающим миром, была близка и понятна Карпентеру. Истинное «Я», по его мнению, проявляется в органическом к целому, состоящему из его подобных. Осуждая узкие корыстолюбивые интересы своих соотечественников, Карпентер противопоставлял им духовное совершенство тех, кто способен освободиться от сковывающих пут цивилизации и вступить в новую жизнь, основанную на ощущении внутреннего единства всех со всеми.

Книга Карпентера, которую Толстой назвал «прекрасной и удивительной» [Толстой], была написана до появления в Англии публицистических работ Толстого. Таким образом, Карпентер следовал мысли Толстого не столько в его теоретических, сколько в его художественных произведениях. В свою очередь, мысль Карпентера о духовном единстве людей Толстой включает в свой сборник «Круг чтения»: «Каждый человек содержит в себе сознание жизни всего человечества. Оно лежит глубоко в душе человека, но оно есть. И рано или поздно человек должен придти к сознанию этой более обширной жизни. Отречение от своих личных целей, которое совершается в нем, тотчас же вознаграждается более сильной жизнью, в которую он вступает. Только отрекаясь от своей исключительной личности и признавая свою жизнь других, человек сознает жизнь, не имеющую ни пределов, ни конца» [Толстой].

В восприятии Толстого (и в этом с ним солидарен Карпентер) воплощенная в простых людях сила непосредственного чувства возвышает их над людьми образованными, но холодно рассудочными и испорченными цивилизацией. В трудах Карпентера чувство тоже играет доминирующую роль. В постоянном общении с тружениками он, как и Толстой, искал удовлетворения своим нравственным порывам и в духовном родстве с ними надеялся обрести то единение, в котором видел залог решения общественных противоречий. Свои надежды на будущее Англии он связывал с ее рабочими людьми. Обращаясь к ним, Карпентер писал: «Настало вам время внушить уважение к человеческому труду... Будьте исполнены решимости, что ничто не помешает вам идти к цели, которую вы себе поставили: справедливое распределение в обществе труда вашего и других людей, возвращение к честной жизни, как единственно возможному основанию национальной жизни и национального спасения» [Карпентер, 1905].

Будучи одним из лидеров социалистического движения в Англии, Карпентер верил в возможность установить новые общественные отношения, в торжество того идеала, который, как он сам утверждал, «как солнце встает, встанет и засияет над нашей исстрадавшейся, несчастной страной». В этом утверждении его поддерживали не только собственные мужество и способность бросить вызов общественным установлениям, но и органическое усвоение и глубинная сопричастность учению великого русского писателя.

Список литературы

1. Голсуорси Д. Собрание сочинений. Т.16.
2. Карпентер Э. Современная наука. – М., 1911.
3. Карпентер Э. Цивилизация, ее причина и излечение и др. статьи. – СПб., 1905.
4. Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. – М., 1922.
5. Рапопорт С. И. Э.Карпентер. Письмо из Англии // Русская мысль. – 1913. – Кн. 9. – С.73–99.
6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. – Т.75. – Серия 3. Письма.
7. Bergonzi B. The Turn of a Century. Essays on Victorian and Modern English literature. – London: Macmillan, 1973.
8. Carpenter Edward (1844-1929) / Democratic author a poet. A restatement and reappraisal. – London: Trust, 1970.
9. Delavenay E. D. D. H. Lawrence and E. Carpenter. A Study in Edwardian Transition. – Paris, 1971.
10. Kenworthy J. C. Tolstoy. His life and works, etc. London: Walter Scott Publishing Co., 1902.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Н. Н. Жувикина, И. В. Феоктистова

Формирование лингвистической компетенции через использование идиом

Фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа. Особый интерес здесь представляет идиоматика, т. е. та часть фразеологии, где особенно часто проявляется полный отрыв слов-компонентов от их первоначального (словарного) значения.

Связь между языком и культурой говорящего на нем народа широко известна. Когда же мы обращаемся к идиоматике, то, прежде всего, бросается в глаза особенность этих знаков: они рождаются в результате осмысления необходимости найти знаковое выражение для определенных событий, ощущений и ситуаций, которые тесно связаны с самим человеком, с поведением людей в обществе, с отношениями между людьми. Таким образом, идиоматика отражает когнитивную деятельность членов языкового коллектива, основанного на представлении об окружающем нас мире.

Поскольку для идиом характерна образная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа-носителя языка, идиомы в принципе обладают культурно-национальной коннотацией. Все, что интерпретируемо в терминах ценностных установок, «прескрипций народной мудрости», «мировидения и миропонимания народа», признается релевантным в аспекте национальной культуры.

Итак, если идиомы напрямую связаны с мировоззрением определенного народа, то они, несомненно, отражают и национальный характер данного народа, который, как известно, является частью национальной культуры.

Изучающие иностранный язык обычно стремятся, в первую очередь, овладеть определенным минимумом знаний, который позволил бы им участвовать в коммуникации. Однако, когда усвоение языка достигает полноты, человек одновременно получает огромное духовное богатство, хранимое языком, проникает в новую национальную культуру.

Как правило, участники коммуникативного акта с самого начала стараются определить общий для них объем знаний и затем интуитивно учитывают его; это отражается обычно и на форме речи, и на ее содержании. Такие общие для участников коммуникативного акта знания получили названия фоновых знаний. Наличие определенных фоновых знаний является непременным условием общения. В структуре фоновых знаний можно выделить следующие компоненты: 1) вербальный; 2) вербально-этикетный; 3) ритуально-этикетный. В первом случае носителем культуроведческой информации является слово или словесный комплекс, во втором – высказывание как определенная речевая модель, в третьем – стереотипы поведения.

В рамках данной статьи будет рассмотрен лишь вербальный компонент фоновых знаний, а именно его частное проявление в идиоматических выражениях, отражающих национальный характер. Поскольку идиомы в своем подавляющем большинстве берут начало в народной речи, вряд ли можно ожидать, чтобы они содержали абстрактные суждения, выводы научного характера, эстетические оценки или тонкий психологический анализ – все это почти никогда не встречается в идиомах. Их внутреннее содержание отражает жизнь людей в ее простых проявлениях: благоразумное или глупое поведение, успех или неудача и прежде всего отношения между людьми – жизненные впечатления и чувства людей, интересующихся друг другом; одобрение и, чаще всего, неодобрение, дружелюбие и враждебность, ссора и примирение, соперничество, коварство, осуждение, наказание и т. п. Содержанием идиом является наш земной мир, а их атмосферой – пронизательный, твердый, лишенный романтики здравый смысл. В центре внимания находятся удача и деньги. Удовлетворение, доставляемое богатством и успехом, выражается во многих идиомах-метафорах, как например *to be first fiddle – играть первую скрипку*, *to be cock of the walk – быть хозяином положения*, *to have the ball at one's feet – иметь все преимущества*, *to have the game in one's hands – быть в выигрышном положении*, *to feather one's nest – обогащаться, набивать себе карман*, *to be in clover – кататься, как сыр в масле*, *to live like a fighting cock – жить припеваючи*, *to have one's bread buttered on both sides – быть хорошо обеспеченным, жить в довольстве* и т. д.

Пожалуй, самую многочисленную и выразительную группу образуют идиомы, выражающие такие черты национального характера англичан, как решительность, неуступчивость, готовность бороться до конца. Сюда относятся *to set one's teeth – стиснуть зубы*, *to put one's shoulder to the wheel – энергично взяться за работу*, *with one's back to the wall – бороться, находясь в безвыходном положении*, *to go through fire and water – пройти сквозь огонь, воду и медные трубы*, *to stick to one's guns – отстаивать свои принципы, быть верным своим убеждениям*, *to die hard – не сдаваться (смерти)*, *to nail one's colours to the mast – открыто отстаивать свои убеждения, не отступать*. Эта характерная для англичан настойчивость находит свое выражение и в таких фразеологических глаголах, как *to hold out – выдерживать, держаться до конца*, *to keep on – продолжать начатое*, *to pull through – вынудиться, выжить, справиться (с болезнью, опасностью)*, *to go through with – довести начатое до конца* и многих других. Выражение *to muddle through* (с фигурой преуменьшения) – *довести кое-как дело до конца* считается почти национальным девизом, а фразеологический глагол *to carry on*, и так уже многозначный, во время первой мировой войны приобрел еще одно значение: *не сдаваться, драться до конца*.

Все же основным содержанием идиом остается, как уже было сказано, то, что всего более интересует людей – их отношения друг к другу. Много идиом-синонимов обозначают хождение в гости и встречи: *to fall in with – встретиться случайно*, *to run across – натолкнуться*, *to knock up against – столкнуться*, *to call on – зайти, посетить*, *to look in – заглянуть*, *to turn up – снова появиться, свалиться, как снег на голову*, *to run in, drop in, happen in – забежать, заехать*.

Много идиоматических выражений посвящено дружбе: *to take to – привязаться*, *to cotton to – сдружиться, привязаться*, *to make friends with – подружиться*, *to hit it off with – поладить*, *to get on like a house on fire – жить душа в душу*.

Однако идиомы, выражающие добрые побуждения и чувства, не так многочисленны и выразительны, как идиомы, выражающие неприязнь, соперничество, вражду, осуждение, злорадство. Вот некоторые из них:

to catch tripping – поймать на ошибке, *to take in – обмануть*, *to get round (somebody) – перехитрить, обойти*, *to do a person out of (something) – перехватить, выманить*, *to steal a march on – незаметно опередить*, *обмануть чью-либо бдительность*, *to leave in the lurch – покинуть в беде*,

to twist round one's finger – *обвести вокруг пальца*, to have the upper hand – *взять верх*, to crow over – *восторжествовать*, to hold at bay – *держат в страхе, не подпускать*, to keep at arm's length – *держат на почтительном расстоянии*, to give the cold shoulder – *холодно принимать*, to be at daggers drawn – *быть на ножах*, to have a bone to pick with – *иметь счеты*. Идиоматических высказываний, обозначающих дружелюбную беседу, очень мало, зато много таких, которые говорят о ссорах, содержат порицание, например: to jump on – *наброситься с руганью*, to pitch into – *нападать с руганью*, to go for – *обрушиться с критикой*, to go on/at – *напасть, наброситься (с кулаками)*, to come down upon – *набрасываться, бранить*, to catch it – *получить нагоняй*, to get it hot – *получить хорошую взбучку*. Две черты в людях чаще всего подвергаются критике и осуждению: это, во-первых, беспомощность, неспособность, во-вторых, хвастливость. Первая черта характеризуется выражениями good for nothing – *никудашный, никчемный*, rotten to the core – *насквозь прогнивший*, a bad egg – *ничтожество, пропавший человек, негодяй*, not worth one's salt – *ничтожество*, neither fish, flesh, nor good red herring – *ни рыба, ни мясо*; вторая – оборотами to give oneself airs – *важничать, чваниться*, to put on side – *важничать, задирать нос*, to talk big – *хвастать*, to show off – *показать себя в выгодном свете, пускать пыль в глаза*, to put it on – *напускать на себя, принимать вид и т.д.*

На третьем месте после дружелюбия и враждебности стоит раздражение, это чувство выражается во многих идиомах, например: to be put out – *выйти из себя*, to rub somebody the wrong way – *раздражать, гладить против шерсти*, to touch somebody on the raw – *задеть за живое, рассердить*, to have one's blood boil – *приходить в бешенство*, to have one's teeth set on edge – *прийти в еле сдерживаемую ярость*. Затем следует удивление: to take aback – *ошеломить*, to strike one all of a heap – *поразить, ошарашить*, to have one's breath taken away – *изумиться, сильно удивиться (уж что перехватило дыхание)*, to have one's heart in one's mouth – *перепугаться*. Очень мало идиом выражают подавленное настроение, замешательство и растерянность; назовем to beat a loss – *растеряться*, to beat sea – *не знать, что делать; недоумевать*.

Методические рекомендации по обучению разностороннему чтению на втором иностранном языке (французском)

Чтение объективно существует как единое когнитивно-коммуникативное умение, а каждый обучаемый владеет индивидуальным уровнем умения читать, характеризующимся своеобразными индивидуальными когнитивными параметрами. Главной заботой учителя, следовательно, должно стать развитие индивидуальных стратегий владения универсальным когнитивно-коммуникативным умением читать.

Непременным условием успешного обучения когнитивно-коммуникативному умению читать аутентичные иноязычные тексты на втором иностранном языке является когнитивный характер обучения. Отличительная особенность когнитивности обучения второму иностранному языку заключается в том, что познавательные процессы учащихся направлены на преодоление различных трудностей понимания: лингвистических, социокультурных, психологических и др.

Когнитивный подход к обучению второму иностранному языку ориентирован на развитие личности школьника, его эмоциональной сферы, ассоциативного мышления.

Существует комплекс упражнений, которые отражают сложную психологическую природу умения читать на втором иностранном языке.

Комплекс упражнений для формирования прочных технических навыков чтения.

Данный комплекс упражнений имеет две отличительные черты, две характеристики, два показателя, а именно, каждому предложению предшествует лаконичное и ясно сформулированное правило чтения, в результате чего достигается осознанное прочтение любого незнакомого слова; весь вводно-пропедевтический курс обучения техническим навыкам чтения полностью построен на словах, заимствованных русским из французского. Такое методическое решение существенным образом рационализирует достаточно сложный процесс овладения техникой чтения другого иностранного языка.

Приведем примеры. Упражнения для освоения правил чтения:

- выучите французский алфавит;
- прочитайте слова, делая ударение на последнем слоге;
- прочитайте слова, обращая внимание на конечную букву **e**;

- прочитайте слова в ускоренном темпе;
- прочитайте слова, обращая внимание на конечные буквы d, s, t, et, etc. (Упражнения на развитие умения разностороннего чтения.)
- представьте себе, что вы находитесь на автобусной остановке в Париже. Прочитайте все вывески и афиши, которые видите;
- представьте, что вы прогуливаетесь по улицам Парижа и на ходу читаете вывески и афиши;
- прочитайте текст рекламных щитов;
- прочитайте быстро, с нарастающей скоростью и без ошибок, фиксируйте время чтения. Оно должно быть не более 1 минуты. Тренируйтесь до достижения заданной скорости чтения;

• прочитайте с нарастающей скоростью по цепочке.
(Комплекс упражнений, обучающий рецептивным лексическим навыкам чтения.)

- прочитайте слова, определите их значение по элементам;
- прочитайте слова, определите их значение по форме;
- прочитайте слова, определите их значение по приставке, по суффиксу;
- прочитайте предложение, определите значение слов по контексту.
(Комплекс упражнений для обучения рецептивным грамматическим навыкам чтения.)

В условиях несовершенного владения иностранным языком обучению рецептивным грамматическим навыкам принадлежит особая роль, роль прочного языкового фундамента для строительства в дальнейшем когнитивно-коммуникативного умения читать аутентичные иноязычные тексты.

Сущность обучения рецептивным грамматическим навыкам заключается в научении учащихся быстро распознавать структуру предложения, выделяя в нем на рецептивном уровне главные члены.

Для того чтобы научить учащихся быстро распознавать структуру предложения, необходимо научить школьников распознавать основные формальные признаки главных членов предложения, что обуславливает достаточно полное понимание содержательной канвы текста.

Упражнения данного комплекса целесообразно строить на уровне изолированного предложения, вне коммуникации, так как, несмотря на кажущуюся простоту заданий, учащиеся допускают значительные ошибки.

В целях формирования более уверенных действий по установлению главных членов предложения целесообразно начать с инструкции. Например: предикат во французском повествовательном предложении выражается обычно в личной форме в соответствующем времени. В повествовательном предложении всегда соблюдается прямой порядок слов: на первом месте – подлежащее, на втором – сказуемое.

Руководствуясь инструкцией-пояснением, учащиеся выполняют упражнения из комплекса упражнений:

- выделите в нижеследующих предложениях сказуемое. Определите, чем оно выражено;
- прочитайте микротекст, выделите сказуемое. Определите его значение. Поймите основное содержание.

Подобные упражнения выполняются учащимися без особого труда, но отказываться от их выполнения крайне нежелательно, так как они позволяют упрочить аналитические действия учащихся по распознаванию субъекта и предиката, выработать правильный, нужный алгоритм работы с французским предложением. Последовательно осуществляется переход от легкого к более трудному.

Комплекс упражнений для обучения умению догадаться о значении слов определенной категории. Формирование механизмов догадки на базе специальных упражнений и обучение определенным приемам ее верификации являются важными элементами обучения умению читать. В комплекс упражнений входят четыре основных типа упражнений:

- упражнения, разработанные на базе слов, имеющие полное или частичное сходство с русскими эквивалентами;
- упражнения, разработанные на базе слов, имеющих сходство с английскими эквивалентами;
- упражнения, разработанные на базе лексики, относящейся к потенциальному словарю;
- упражнения, разработанные на базе интернационализмов.

Кроме этого, данный комплекс упражнений характеризуется упражнениями языкового и коммуникативного типов, т.е. составленных на уровне предложений и микротекстов:

- прочитайте предложения, догадайтесь о значении выделенных слов;
- прочитайте слова, подберите к ним однокоренные слова;

- прочитайте микротексты, догадайтесь о значении выделанных слов.

Комплекс упражнений для обучения целостному восприятию текста. Упражнения в умении целостного, объемного восприятия способствуют первичному пониманию за счет синтетического восприятия текста, за счет увеличения единицы охвата текста при его восприятии.

Важным в обучении умению целостного восприятия оказывается адекватность установок к упражнениям, а содержание текстового материала в таких случаях существенной роли не играет. Данную серию упражнений комплекса в основном составляют следующие типы заданий:

- прочитайте поговорку, доведите ее прочтение до автоматизма;
- прочитайте скороговорку без ошибок;
- прочитайте микротекст, ответьте одним словом, о чем в нем идет речь;
- прочитайте микротекст без ошибок и остановок, зафиксируйте время чтения, следите за результатами, они должны улучшаться;
- нижеследующий текст можно прочитать за 1 минуту, постарайтесь выполнить это;
- прочитайте микротекст, поймите самое главное, скажите, о чем идет речь в этом тексте;
- прочитайте микротекст, поймите основное содержание.

Следует иметь в виду, что начальный этап обучения второму иностранному языку характеризуется рядом положительных факторов, среди которых необходимо назвать:

- a высокую степень мотивированности учащихся, приступающих к изучению второго иностранного языка;
- b выбор второго языка на добровольных началах, т. е. отсутствие всякого давления на школьников;
- c положительный психологический настрой учащихся.

Список литературы

1. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. – М., 2003.
2. Гак В. Г., Мурадова Л. А. Учимся читать по-французски. – М., 2000.
3. Сосунова Г. А. Работа с учащимися VI–VII классов, изучающими французский язык как второй иностранный // Иностранные языки в школе. 2000. – №3. – С. 61–64.

Ролевые игры по экологии как средство интенсификации обучения устному иноязычному общению

Каждый человек в обществе постоянно играет множество социальных ролей, даже не задумываясь над этим, но это очень способствует нашим контактам с окружающими людьми. Современные философы относят игру к одному из основных феноменов человеческого существования. Многие современные психологи и педагоги отмечают, что игры позволяют человеку в различных жизненных ситуациях испытывать свои способности и умения, развивать деятельность, в которой воспроизводятся социальные отношения между людьми вне условий их непосредственной деятельности (Д.Б. Эльконин, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.).

Как метод общения игра используется с древности для передачи опыта, а также является средством воспитания и обучения, особым образом учитывающим «механизмы усвоения человеком знаний и умений, формирующим чувство овладения различными предметами в ситуациях общения с другими людьми». Такие игры [Неверкович, 2000: 69] в отличие от игр вообще называются педагогическими, а группы методов и приемов, организующих педагогический процесс, – игровыми педагогическими технологиями.

«Педагогическая игра обладает существенным признаком – четко поставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатом, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью» [Селевко, 1998: 52].

Игровая форма занятий (учебные игры) создается при помощи игровых приемов и ситуаций – средства мотивации, стимулирования обучаемых к учебной деятельности.

Дидактическая цель ставится в форме игровой задачи (учебный материал – содержание), учебная деятельность подчиняется правилам игры, в неё вводится элемент соревнования, выполнение заданий дает игровой результат – «коллективный продукт».

Ролевые игры – это разыгрывание более или менее сложных ситуаций в сфере повседневного общения с учетом коммуникативного принципа. В настоящее время разработаны различные типы, виды и разновидности игр

в зависимости от их целей и содержания, однако четкой классификации ролевых и деловых игр ещё не создано.

Согласно теории речевой деятельности надо стимулировать речевой поступок, моделируя общение в рамках ролевой игры. Играющий должен быть заинтересован игрой. В игре совершаются лишь те действия, цели которых по их собственному содержанию важны для индивида. Именно в учебно-ролевой игре у участника создается мотив, суть которого - успешно исполнить взятую на себя роль. Ролевая игра содержит по своей структуре следующие единицы: воображаемая ситуация; роль и реализующие её игровые действия. Игра также содержит такие компоненты, как сюжет и содержание (занятие проходит на немецком языке).

Цель обучения – выработать у обучаемых прочные навыки и умения неподготовленного (спонтанно возникающего в обстановке игры) иноязычного общения как на профессиональном, так и на повседневном уровне. Особенно широко применяется ролевая игра при обучении лексике. Игра должна быть сложной, интересной, проблемной. Во время обучения (игры) используются основные формы работы: проблемная ситуация, мыслительные задачи, драматизация микро- и макроситуаций. В игре проявляются личностные черты и особенности темперамента. Все игровые ситуации являются, с одной стороны, эффективной формой обучения, а с другой – постоянной формой неформального контроля, включающей механизмы обратной связи.

При проведении игр процесс обучения максимально приближается к практической деятельности специалистов за счет использования методов моделирования и имитации ряда ситуаций. Эффективность обучения достигается за счет коллективного обучения, создания «управляемого эмоционального напряжения» и распределения ролей. В процессе данных игр по экологии осуществляется экологическое образование взрослых (экологическое содержание). Целесообразно проводить рекомендуемые игры в вечерних школах, вузах, а также в различных формах повышения квалификации учителей иностранного языка и биологии.

Игра «Алиби»

В качестве примера можно привести игру «Алиби» по теме «Заповедник».

Человеку предъявлено обвинение: он охотился в лесу; срубил несколько деревьев, сделал из веток шалаш, развел костер. Огонь повредил

стволы двух деревьев и муравейник, который находился под одним из деревьев. Егерь и члены партии зеленых, которые осуществляют надзор за этим заповедником, нашли этого человека спящим в шалаше.

Однако он отрицает свое участие в совершении данного преступления, утверждая, что лишь случайно забрел ночью на эту территорию и, увидев шалаш, уснул, не зная, что находится в заповеднике.

Его версия случившегося: он удил рыбу на реке, протекающей в полутора километрах от заповедника. На вечерней заре рыба клевала очень хорошо, он увлекся рыбной ловлей настолько, что не заметил, как стало совсем темно. Наконец уже около полуночи он отправился домой. Однако в темноте сбился с пути и понял, что заблудился. Наткнувшись на шалаш, он решает провести в нем ночь и утром продолжить путь. На рассвете его разбудил патруль.

Защита опирается на показания свидетеля, который удил рыбу недалеко от обвиняемого.

Известно, что заяц был убит вечером предыдущего дня. Экспертиза установила, что костер был разожжен приблизительно в 18 часов и потушен в 20 часов.

Слушание дела

Поочередно в помещение, где проходит слушание дела, вводят обвиняемого и главного свидетеля защиты. Присяжные обращаются к ним с одинаковыми вопросами, например:

а) Какие деревья и какие кустарники росли на берегу реки в том месте, где Вы ловили рыбу?

б) Заметили ли Вы на берегу реки следы человеческой деятельности или человеческого пребывания? Что именно?

в) слышали ли Вы выстрел, прозвучавший со стороны заповедника? и.д.

Обоим участникам задаются одни и те же вопросы. Второй отвечающий не слышит, что ответил первый.

В случае, если ответы обвиняемого и свидетеля совпадают, обвинения снимаются.

Эта игра позволяет многократно повторить «изучаемые» слова по теме.

При подготовке вопросов «присяжных» преподаватель имеет возможность корректировать их, рекомендуя использовать те ли иные грамматические структуры.

Игра «Счастливый случай»

Игру «Счастливый случай», предложенную Н.Я. Маниловой по гуманитарным предметам, мы проводим на экологические темы, при этом вопросы к проблемам загрязнения «Почвы», «Воздуха», «Воды» и «Леса» составляет организатор игры – ведущий в соответствии с контингентом обучаемых.

Для игры нужны: начерченное на листе картона поле с исписанными в клетках цифрами, маленький кубик из любой настольной игры и фишки. Участники по очереди бросают кубик и помещают свою фишку на то число на поле, на которое упал кубик.

Клетки поля раскрашены в разные цвета. Числа 1, 5, 9, 13, 21, 25, 29, 32, 33, 37, 42, 46 написаны на желтом поле, числа 6, 10, 14, 18, 22, 24, 26, 30, 35, 39, 45 – на сиреновом поле, числа 3, 7, 11, 15, 17, 19, 27, 31, 36, 40, 44, 48 – на зеленом поле, числа 4, 8, 12, 16, 20, 23, 28, 34, 38, 41, 43, 47 – на синем поле.

Если фишка поставлена на число, расположенное на желтом поле, ученик отвечает на вопрос о загрязнении почвы, если фишка находится на сиреновом, зеленом или синем поле – то играющему предлагается соответственно вопрос по лесу, воздуху, воде. Если кубик попадает на число, находящееся в треугольнике, то это и есть «счастливый случай». Учащемуся дается возможность ответить на три вопроса и заработать больше баллов.

Игра «Вертушка»

Цель: выяснить у студентов педвуза мнение по проблемам экологии.

Краткий сценарий:

1. Вступительное слово ведущего о цели игры и порядке её проведения – 5 минут.

2. Ход игры: обсуждение проблемы в группе (5 минут), выступление ведущего в группе (3 минуты), выступление лидера каждой проблемы со своей программой (5 минут), выступление эксперта (6 минут).

Итого: 1 час 30 минут.

Оборудование: карточки с номерами переходов, номера для участников, декоративные булавки, таблички на столах, ведомости для членов экспертной группы, общее табло, памятка для ведущего.

Правила игры, её описание

Все участники игры распределяются по столам А, Б, В, Г.

Каждый стол имеет свой литер (А, Б, В, Г). Таблички стоят на столах. Участники игры получают номерок с обозначением порядкового номера и литеры стола (например 1А). Согласно этому номеру они садятся за свои столы. Каждый участник берет карточку.

Образец карточки:

Номер	Стол	Выступление
1.	А	Ведущий
2.	Б	4
3.	В	3
4.	Г	2

По этой карточке можно определить, что участник игры за столом В в первом ходе переходит за стол Б и будет выступать четвертым, в третьем ходе будет выступать за столом В третьим, а в четвертом ходе – за столом Г вторым. Таким образом, каждый участник за время игры один раз побудет в роли ведущего за разными столами по 4 проблемам. Каждый из участников стола выслушивает мнение своих товарищей по названному вопросу (4 минуты). После того, как все члены данного стола (в соответствии с номерами хода) выступили, ведущему даются две минуты для оценки выступления. Он называет лидера по номеру и выносит информацию на общее табло.

Обязанности ведущего:

1. Определить вопрос обсуждаемой проблемы, отметить в карточке.
2. Строго следить за регламентом каждого участника (1 мин.).
3. Определить лидера в группе (лидером считается тот из участников, который более обстоятельно ответил на вопрос).
4. После обсуждения проблемы в группе вынести, назвав лидера, порядковый номер на табло.

Общее табло итогов деловой игры.

Номер хода	Номер	Номер стола
1А	5	В Г
1 Б	3	5 10
2 В	7	8 8

Обязанности участников экспертной группы:

1. Фиксирует выступление участников деловой игры по форме

<i>Литер стола</i>	<i>Проблема</i>
А	
Б	
В	
Г	

2. Направляет деятельность ведущего в сторону обсуждаемых проблем, на соблюдение требований.

3. В конце игры эксперт подводит итоги работы групп по данной проблеме, отмечает правильность высказывания, обращает внимание на интересные предложения и трудные вопросы.

4. Экспертная группа показывает также правильный подход к обсуждению проблемы.

Обсуждаемые вопросы для сидящих за столами.

Стол А. Вопросы:

1. Из каких источников Вы получаете экологическую информацию:

- научно-популярная литература,
- вуз (школа),
- телевидение, радио,
- периодическая печать,
- семья
- интернет.

2. Считаете ли Вы, что нужно отказаться от эксплуатации природы, т.к. жизни угрожает гибель в результате экологической катастрофы?

3. Согласны ли Вы с мнением, что человек – часть природы и должен придерживаться её законов, не вмешиваясь в её ход?

Стол Б. Вопросы:

1. Считаете ли Вы, человек потребительски относится к окружающей среде?

2. Почему нужно бережно относиться к природе?

- природа жива, и её, всё живое, надо любить и преклоняться перед ней,
- возникающие экологические кризисы угрожают жизни человека.

3. Согласны ли Вы с мнением, что без успешного воздействия на природу возможно дальнейшее развитие цивилизации?

Стол В. Вопросы:

1. Как Вы относитесь к следующему высказыванию: «Человек должен при жизни пользоваться благами природы, а не сохранять их для мифического завтрашнего дня»?

2. Видите ли Вы в так называемом прогрессе опасность для человечества?

3. Согласны ли Вы со следующими суждениями: «Человек – самое разумное существо во Вселенной», «Человек за всю историю своего существования сделал больше для своего уничтожения, чем сохранения»?

Стол Г. Вопросы:

1. В чем, по Вашему мнению, заключаются причины экологического кризиса:

- в несовершенстве производственных технологий,
- в слабости экономики,
- в нравственно-этических факторах (хищническое, потребительское отношение человека к природе),
- в научно-техническом прогрессе (создание техносферы).

2. Что должно быть положено в основу природопользования:

- законы природы,
- законы общества,
- человеческие потребности (польза для человека).

Список литературы

1. Манилова Н.Я. Игра на уроке английского языка // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 1. – С. 25–26.
2. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. – М., 1998.
3. Неверкович С.Д. Рефлексия оснований профессиональной деятельности в игровом обучении // Психологическая наука и образование. – 2000. – №2.
4. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М., 1979.
5. Выгодский Л.С. Проблема возраста. Игра // Собр.соч.: в 6 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 244–268.

Сведения об авторах

Алаторцев Сергей Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии, заведующий кафедрой немецкой и французской филологии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Андреева Галина Рустемовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, e-mail: gandreeva@gmail.com, agalina2003@mail.ru

Антонова Надежда Константиновна – преподаватель французского языка, ГОУ СПО педагогический колледж № 1 имени Н. А. Некрасова, Санкт-Петербург, e-mail: ankspsb@yandex.ru

Белоног Оксана Валерьевна – ассистент кафедры немецкой и французской филологии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: belonog78@mail.ru

Березина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: berezinaolga@gmail.com

Денисова Елена Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, e-mail: denisovaea72@mail.ru

Добрынина Екатерина Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры немецкого отделения филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, e-mail: kate2903@mail.ru

Езан Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: kulirina@mail.ru

Жувикина Нина Николаевна – преподаватель английского языка, ГОУ СПО педагогический колледж № 1 имени Н. А. Некрасова, Санкт-Петербург

Журавлева Елена Анатольевна – аспирант кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: elena1zhuravleva@yahoo.com

Кабакчи Маргарита Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: mkabakchy@mail.ru

Ковтунова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: michael19811974@mail.ru

Комаров Егор Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Академического университета, Санкт-Петербург, e-mail: floyd11@ Rambler.ru

Коцюбинская Любовь Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Лаптиева Екатерина Сергеевна – студентка IV курса немецкого отделения филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедева Татьяна Львовна – преподаватель французского языка ГОУ СПО педагогический колледж №1 имени Н.А. Некрасова, Санкт-Петербург, e-mail: Tatiana_Lebedeva@mail.ru

Листраткина Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры немецкой и французской филологии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Малышева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: e_malysheva@mail.ru

Милованович Нина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Перельман Гертруда Иосифовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка лингвистического центра, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: natalypav@hotmail.com

Потапенко Сергей Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя, e-mail: potapenko@ne.cg.ukrtel.net

Румянцева Анна Сергеевна – аспирант кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: smile_like_annie@yahoo.com

Самохина Анна Александровна – соискатель кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: samanna21@mail.ru

Семихина Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии факультета иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: semihin@mail.ru

Сергаева Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Смбаева Татьяна Анатольевна – аспирант кафедры иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Солодилова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии и МПНЯ, Оренбургский государственный университет, e-mail: solodilovaira@rambler.ru

Феоктистова Ирина Викторовна – преподаватель английского языка, ГОУ СПО педагогический колледж № 1 имени Н. А. Некрасова, Санкт-Петербург

Цуцьева Мария Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: Maria-TS@yandex.ru

Шадрин Наум Львович – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, заведующий кафедрой английской филологии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Научное издание

***ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ
И РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ***

Выпуск 6

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

**Под редакцией доцента С. И. Алаторцева,
доцента Е. В. Малышевой,
профессора Н. Л. Шадрина (науч. ред.)**

Печатается в авторской редакции
Оригинал-макет *Н. В. Чернышевой*

Подписано в печать 12.12.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 500 экз. Заказ № 721

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а